ИСТОРІЯ 44-го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ПОЛКА.

ТОМЪ IX.

Составилъ В. ПОТТО.

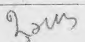
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, домъ № 17.
1895.

ИСТОРІЯ 44-го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ПОЛКА.

ТОМЪ IX.

Составилъ В. ПОТТО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Р. Голике. Спасская улица, домъ № 17
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Октября 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАРТЫ.

ИСТОРІЯ

44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка.

Великій Князь

Михаилъ Николаевичъ.

(Съ портрета пожалованнаго Его Императорскимъ Высочествомъ Нижегородскому полку).

Мѣсто, гдѣ была штабъ-квартира Нижегородскаго полка при сліяніи Курджипса и Бѣлой.

I.

Первые дни мира.

Новая эра въ жизни Нижегородскаго полка.—Назначеніе командиромъ его князя Амилахвари.—Сборъ полка въ Майкопѣ.—Царскія милости.—Георгіевскій и полковой праздники. — Проводы старослуживыхъ. — Прощаніе со штандартами. — Задачи мирнаго времени.—Устройство штабъ-квартиры на Курджипсѣ.—Графъ Евдокимовъ.—Отдѣленіе резервнаго эскадрона и новые штаты. — Приготовленія къ выступленію въ Георгіевскъ.

Великая эпоха боевой жизни Нижегородскаго полка закончилась, вмѣстѣ съ окончаніемъ многолѣтней Кавказской войны, 21-го мая 1864 г. Кавказъ былъ покоренъ. Надъ краемъ занималась заря новой жизни; наступали тѣ свѣтлые дни, когда на всемъ пространствѣ Кавказскаго

перешейка отъ моря и до моря, по обоимъ склонамъ Кавказскихъ горъ, равнинамъ, предгоріямъ и тѣснымъ ущельямъ, облитымъ кровью,—какъ дуновеніе творческой жизни пронеслась чутко евангельская пѣснь: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ»...

Наступила пора—проложенія колесныхъ дорогъ въ горныя трущобы для открытія къ нимъ доступа цивилизаціи, отмѣна суровыхъ адатовъ, словомъ—наступило мирное время, въ сущности неизвѣстное Кавказу съ легендарныхъ временъ Аргонавтовъ, когда кавказская почва была засѣяна, по словамъ рапсодовъ, «зубами дракона»... Это время мира призвано было воздать утомленнымъ народамъ Кавказа сторицею за лишенія безконечной войны, ввести ихъ въ кругъ международной культуры и въ общую семью цивилизованнаго человѣчества...

На этомъ-то рубежѣ, за которымъ начиналась для кавказскаго солдата новая, еще невѣдомая ему, тихая безмятежная жизнь, во главѣ Нижегородскаго полка становится князь Иванъ Гивичъ Амилахвари, — одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ боевыхъ офицеровъ, которыхъ Россіи подарила Иверія. За пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ молодой грузинскій князь прибылъ въ Чиръ-Юртъ и поступилъ въ Нижегородскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Изъ первой экспедиціи онъ возвратился съ солдатскимъ георгіемъ; второй походъ доставилъ ему офицерскіе эполеты,— и съ тѣхъ поръ длинный рядъ боевыхъ отличій, тяжелая рана въ бою на Сулакѣ, добрыя товарищескія правила и высокое понятіе о чести— сдѣлали его въ полку любимцемъ солдатъ и офицеровъ. Ко времени окончанія Кавказской войны князь Амилахвари былъ подполковникомъ и командовалъ въ полку 2-мъ дивизіономъ и вмѣстѣ 3-мъ эскадрономъ.

Когда командованіе Граббе, увѣнчавшее полкъ послѣдними побѣдными лаврами, закончилось 30-го августа 1864 года, главнокомандующій Кавказскою арміею великій князь Михаилъ Николаевичъ вошелъ съ особымъ представленіемъ о назначеніи командиромъ Нижегородскаго полка подполковника князя Амилахвари, съ производствомъ его въ слѣдующій чинъ «за отличную и примѣрную службу». Такое исключительное ходатайство великій князь мотивировалъ особыми заслугами, мужествомъ и боевою распорядительностью князя Амилахвари, которыя составили ему блестящую репутацію въ военныхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ ([1]).

Ходатайство это было уважено, и Высочайшимъ приказомъ 27-го

октября 1864 года князь Амилахвари произведенъ въ полковники, и назначенъ командиромъ Нижегородскаго полка. Извѣстіе объ этомъ назначеніи получено было въ Майкопѣ 25-го ноября, наканунѣ георгіевскаго праздника, и князь Амилахвари въ тотъ же день объявилъ объ этомъ полку слѣдующимъ приказомъ:

«Съ истиннымъ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ высокимъ заслугамъ полка, вступаю я въ командованіе ввѣренною мнѣ частію, въ которой началъ службу свою нижнимъ чиномъ, и гдѣ въ продолженіи 15 лѣтъ привыкъ уважать славную службу моихъ начальниковъ, товарищей и сослуживцевъ. Да поможетъ мнѣ Богъ, при искреннемъ содѣйствіи товарищей, оправдать теперь довѣріе начальства и Высочайше возложенную на меня обязанность командира полка».

А обязанность эта въ сферѣ предстоявшей полку мирной дѣятельности была тяжела и отвѣтственна. Не легко было князю Амилахвари вступить съ полкомъ на новую, тогда еще мало знакомую стезю мирныхъ занятій, и еще тяжелѣе было помыслить о приведеніи хотя въ какой-нибудь порядокъ хозяйственной части, находившейся въ полномъ разстройствѣ. Полкъ много лѣтъ провелъ въ военныхъ походахъ, испытывая всевозможныя лишенія и не имѣя при себѣ даже самыхъ необходимыхъ предметовъ. Въ послѣднее время все это осталось далеко позади, за нѣсколько сотъ верстъ, въ Чиръ-Юртѣ, и теперь не было даже возможности привести въ ясность того, что въ полку имѣлось и чего недоставало. Полкъ принимался въ полѣ, принимался съ тѣмъ, что было при немъ въ данную минуту,—а все остальное составляло уже вопросы будущаго.

Когда Амилахвари вступилъ въ командованіе полкомъ, временная штабъ-квартира его помѣщалась въ Майкопѣ, гдѣ былъ расположенъ только одинъ резервный дивизіонъ, а остальные стояли на кордонныхъ линіяхъ,—въ станицахъ Ширванской, Прусской и Курджипской. Но такъ какъ военныхъ дѣйствій болѣе уже не предвидѣлось, то великій князь — главнокомандующій съ наступленіемъ осени приказалъ снять кордонныя линіи и распустить войска на зимовыя квартиры. Вслѣдствіе этого оба дивизіона Нижегородскаго полка 1-го ноября прибыли въ Майкопъ и стали лагеремъ при сліяніи двухъ рѣкъ—Курджипса и Бѣлой.

Лагерная стоянка эта навсегда осталась въ памяти Нижегородцевъ объявленіемъ двухъ царскихъ милостей—одна касалась вообще кавказ-

скихъ войскъ, а другая служила исключительно возмездіемъ боевыхъ отличій полка. «Государь императоръ—объявлено въ приказѣ по кавказской арміи 12-го октября 1864 года:—въ воздаяніе долговременной и славной боевой службы Нижегородскаго драгунскаго полка на Кавказѣ, постоянно сопровождавшейся блистательными подвигами, какъ въ сраженіяхъ противъ персіянъ и турокъ, такъ и въ многократныхъ дѣлахъ съ непокорными горцами, высочайше соизволилъ пожаловать на мундиры нижнимъ чинамъ сего полка особое наружное отличіе въ видѣ петлицъ изъ шерстяного басона, по образцу ленты ордена св. Великомученика и побѣдоносца Георгія (2).

Какъ только молва объ этомъ высокомъ отличіи, сразу выдвинувшемъ Нижегородскій полкъ изъ ряда остальныхъ полковъ русской кавалеріи, разошлась по Кавказу, со всѣхъ уголковъ его старые отставные Нижегородцы потянулись за Кубань, въ Майкопъ, чтобы своими глазами увидѣть царскую награду.

Многіе старики приходили пѣшкомъ за 500 и болѣе верстъ; нѣкоторые не застали полкъ уже за Кубанью и встрѣтились съ нимъ въ Георгіевскѣ. Въ числѣ гостей были и недавніе товарищи Нижегородцевъ по кавказскимъ походамъ, и старики—участники персидскихъ и турецкихъ войнъ, соратники Паскевича, а были люди и еще постарше, помнившіе Сталя, и ходившіе съ нимъ въ снѣга Хевсуріи, куда, какъ выражались солдаты, воронъ не заносилъ костей человѣческихъ. И у всѣхъ этихъ старыхъ Нижегородцевъ была только одна мысль—выпросить у начальства позволеніе нашить на свои истертые годами мундиры тѣ георгіевскія петлицы, которыя были добыты полку ихъ нѣкогда крѣпкою старою грудью. Полкъ принималъ своихъ сослуживцевъ любовно, угощалъ ихъ, а командиръ полка князь Амилахвари приказывалъ всѣхъ обмундировывать наново. Старики плакали, когда надѣвали на себя мундиры съ георгіевскими петлицами, и отправлялись въ обратный путь, пріосанившись, чтобы показать всѣмъ русскимъ людямъ еще не виданную въ Россіи царскую награду (3).

Другая награда, объявленная также въ Курджипсѣ и общая для всѣхъ частей, заключалась въ томъ, что государь императоръ, желая ознаменовать славные подвиги Кавказскихъ войскъ, повелѣлъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые находились теперь, или когда-либо служили на Кавказѣ, сократить срокъ выслуги до полной отставки съ 20-ти на

15 лѣтъ. Такихъ людей въ рядахъ Нижегородскаго полка нашлось 344 человѣка и, слѣдовательно, полкъ сразу терялъ почти половину лучшаго своего состава. Царское слово, возвращавшее къ очагамъ тѣхъ, кто долголѣтними трудами стяжалъ себѣ право на покой и отдыхъ, принято было всѣми, какъ знакъ особой милости къ доблестямъ Кавказской арміи; но на ряду съ этимъ Нижегородскій полкъ не могъ не скорбѣть объ утратѣ лучшихъ людей, съ которыми онъ связывалъ такъ много славныхъ воспоминаній. Это все были Чиръ-юртовскіе бойцы, видавшіе Башъ-Кадыкъ-Ларъ, дравшіеся при Кюрюкъ-Дара, составлявшіе мощный оплотъ полка,—люди, особенно дорогіе самому князю Амилахвари, который началъ съ ними службу стремя о стремя, командовалъ ими, и съ ними достигъ высокаго служебнаго положенія. Тяжело было ему проститься съ своими боевыми соратниками; съ другой стороны хотѣлось, чтобы и они сохранили о полкѣ, гдѣ протекли ихъ лучшіе молодые годы, ту же дорогую память, какую полкъ сохранялъ о нихъ; хотѣлось почтить въ лицѣ ихъ старыя боевыя заслуги, отпустить ихъ на родину съ хлѣбомъ и солью. И вотъ, у князя Амилахвари, въ кругу своей полковой семьи, рождается мысль не только устроить имъ товарищескіе проводы, но и ознаменовать ихъ особымъ торжествомъ—прощаніемъ съ полковыми штандартами.

Но прежде этого торжества справили еще георгіевскій праздникъ, совпавшій какъ разъ съ первымъ днемъ командованія князя Амилахвари. По окончаніи парада, командиръ полка вызвалъ изъ фронта всѣхъ нижнихъ чиновъ, окончившихъ свою 15-лѣтнюю службу. Выдвинулась впередъ добрая половина полка, завѣшанная георгіевскими крестами. Князь поздравилъ ихъ съ царскою милостью, благодарилъ за службу, просилъ не забывать родного полка, и своимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ поддерживать доброе имя Нижегородцевъ даже и тамъ, въ кругу семьи, далеко отъ его штандартовъ. Остатокъ дня прошелъ за дружеской трапезою, приправленной доброю чарой вина, потому что георгіевскій праздникъ по преимуществу былъ праздникомъ Нижегородцевъ: у нихъ и георгіевскіе штандарты, и трубы, и новыя петлицы, которыхъ не было у другихъ, и которые такъ величаво дополняли собою все, что собрано было драгунами на полѣ честныхъ заслугъ государству.

Темная ноябрьская ночь заставила пирующихъ разойтись по палаткамъ, а на утро дикіе берега Курджипса вновь огласились молитвен-

нымъ пѣніемъ: это Нижегородцы справляли свой полковой праздникъ,—первый праздникъ при мирной обстановкѣ, безъ постояннаго ожиданія выстрѣла со сторожевого пикета.

На этой же полянѣ, какъ и вчера, выстроились эскадроны, но въ ихъ рядахъ уже не было товарищей, уходившихъ на родину,—они стояли, молились, и угощались отдѣльно. Но все, что собрано было на праздникѣ—и тѣ, которые уходили къ своимъ очагамъ, и тѣ, что оставались еще нести царскую службу,—всѣ соединились въ одномъ общемъ чувствѣ, когда посреди обѣда прочитана была царская депеша:

«Поздравляю молодцовъ-Нижегородцевъ съ полковымъ праздникомъ и благодарю всѣхъ чиновъ полка за ихъ славную службу. Александръ».

— Да будетъ,—сказалъ князь Амилахвари:—царское поздравленіе это принято нами, какъ новая высокая милость къ полку Его Императорскаго Величества (4).

На слѣдующій день, 28-го ноября, полкъ въ третій разъ выстроился на той же Курджипской полянѣ, но выстроился уже на коняхъ, въ походной формѣ, съ развернутыми штандартами. Полковой священникъ служилъ напутственное молебствіе передъ аналоемъ, вокругъ котораго помѣстились отставные Нижегородцы. Преклонивъ колѣна, усердно молились старые драгуны въ послѣдній разъ передъ своимъ полковымъ образомъ Знаменія Божіей Матери. Когда пропѣли многолѣтіе Царскому дому, а затѣмъ «путешествовати хотящимъ», и священникъ окропилъ всѣхъ святою водою, наступила торжественная минута, глубоко врѣзавшаяся въ память присутствовавшихъ. Справа по одному стали подходить къ святому кресту отставные драгуны и потомъ, поклонившись до самой земли, цѣловали полотнища наклоненныхъ надъ ними штандартовъ. Подъ этими штандартами протекла вся ихъ честная служба, и теперь, когда, сотворивъ крестное знаменіе, старый солдатъ припадалъ устами къ холодной шелковой ткани штандарта, не одна горячая слеза канула на сѣдые усы, на бакенбарды и на грудь, завѣшанную медалями; плакали, впрочемъ, всѣ, и уходившіе и остававшіеся,—до того умилительны были эти минуты прощанія!

По окончаніи церемоніи грянулъ Нижегородскій маршъ, и полкъ двинулся провожать своихъ старыхъ дядекъ за 12 верстъ, въ станицу Ханскую, гдѣ заблаговременно были приготовлены столы съ походною закускою. Тамъ князь Амилахвари поднялъ свою послѣднюю заздравную чару

Прощаніе со штандартами.

съ лучшими пожеланіями старымъ сослуживцамъ, и тамъ же молодые драгуны выслушали въ свою очередь послѣдній завѣтъ стариковъ беречь полковое имя и славу (5)...

Съ этого дня прощаніе со штандартами узаконилось въ полку и строго соблюдается до настоящаго времени. Отъ Нижегородцевъ этотъ прекрасный обычай, полный глубокаго значенія въ жизни солдатъ, заимствовали всѣ остальные полки на Кавказѣ, и также свято сохраняютъ его у себя. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ обрядъ, такъ много говорящій сердцу солдата, нашелъ себѣ отголосокъ во всей русской арміи.

Отошли наконецъ празднества, настало время серьезно позаботиться о томъ, чтобы заполнить тѣ значительныя бреши, которыя образовала война, какъ въ строевыхъ занятіяхъ, такъ и въ полковомъ хозяйствѣ. Собравъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, князь Амилахвари въ горячихъ выраженіяхъ указалъ имъ на ту великую историческую славу, которую стяжалъ себѣ полкъ боевыми отличіями. Эти отличія были созданы руками присутствовавшихъ здѣсь офицеровъ; огромная доля участія въ нихъ выпадала на самого Амилахвари,—но это была только первая половина блестящей полковой эпопеи; вторая половина, лежавшая передъ полкомъ теперь, заключалась въ томъ, чтобы доблестный полкъ, первый въ бояхъ, поддержалъ бы свое первенство и въ мирное время. А средства и способы для того и другого были далеко не одинаковыя. Тамъ, на поляхъ сраженій, требовалось только полное самоотверженіе, готовность пролить послѣднюю каплю крови за честь родного полка,—а этихъ чувствъ было въ Нижегородцахъ слишкомъ и слишкомъ много! Здѣсь, на аренѣ мирной дѣятельности, на сцену выдвигался кропотливый неустанный трудъ, мало кому въ полку знакомый, и многими отвергаемый, какъ нѣчто совершенно излишнее. Нельзя было относиться строго даже и къ такимъ воззрѣніямъ, имѣвшимъ за собою право боевого опыта. Полкъ, сломившій подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ стойкое сопротивленіе турецкой арміи; шесть эскадроновъ его, разгромившіе на кюрюкъ-даринскомъ полѣ шесть штуцерныхъ батальоновъ, конечно, были выучены кавалерійскому дѣлу,—и выучены на славу! Было бы совершеннымъ абсурдомъ усомниться въ томъ, что эти люди не умѣютъ владѣть конемъ и оружіемъ. А между тѣмъ теперь имъ приходилось учиться съ азбуки и тому и другому. На поляхъ кюрюкъ-даринскихъ, усѣянныхъ драгунскими костями, Нижегородцы далеко превзошли своихъ на диво выученныхъ собратій,

пришедшихъ на помощь къ нимъ изъ Россіи. И они сознавали, что именно тамъ-то, на поляхъ Кюрюкъ-Дара, и была настоящая суть дѣла, конечные результаты всѣхъ требованій, которыя только могли быть предъявлены къ кавалеріи. И Нижегородцы умѣли дать себѣ настоящую цѣну. Невольно рождался вопросъ: чего же недоставало имъ въ строевомъ образованіи? Вотъ передъ этою-то задачею и становились въ тупикъ боевые Нижегородцы.

Амилахвари вышелъ къ нимъ съ уставомъ въ рукахъ. Съ благородною откровенностью онъ высказалъ, что, воспитавшись вмѣстѣ съ ними на боевомъ конѣ, посреди вѣчныхъ походовъ, онъ до сихъ подъ и самъ не былъ знакомъ со всѣми деталями и мелочами устава. До сихъ поръ они были не нужны, потому что ихъ замѣняла война. Но война кончилась,—а съ нею кончились и боевые уроки. Передъ Нижегородцами уже не стоялъ теперь лицомъ къ лицу непріятель, а слѣдовательно для нихъ нужна была и подготовка иная; это подготовка мирнаго времени, основанная только на изученіи уставовъ въ ихъ мелочахъ и деталяхъ. Мирное время болѣе этого ничего дать и не можетъ. Не сами по себѣ эти мелочи были важны—онѣ отпадали при первомъ столкновеніи съ боевою дѣйствительностью; но безъ этихъ мелочей, какъ безъ постепенныхъ, послѣдовательныхъ правилъ въ ходѣ строевыхъ занятій, не возможно было дойти ни до какихъ положительныхъ результатовъ.—«Я выхожу къ вамъ—сказалъ Амилахвари:—съ уставомъ въ рукахъ, и первый буду учиться, чтобы стать достойнымъ проводникомъ его среди своихъ товарищей. Нижегородцы не захотятъ никому, и ни въ чемъ уступить свое первенство» ([6]).

Такъ было положено въ полку начало мирнымъ занятіямъ.

Сложность предстоявшей задачи увеличивалась въ полку тѣмъ обстоятельствомъ, что за увольненіемъ въ отставку нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ, изъ рядовъ Нижегородцевъ убыла цѣлая половина людей старослужащихъ, а на мѣсто ихъ были предназначены молодые солдаты изъ полковъ 19-й, 38-й и 39-й пѣхотныхъ дивизій. Люди эти, незнавшіе азбуки кавалерійскаго дѣла, должны были явиться рекрутами, а при отсутствіи опытныхъ инструкторовъ и даже унтеръ-офицеровъ, занятія съ такою массой рекрутовъ естественно представляли громадную трудность. Для выбора людей изъ полковъ поѣхалъ самъ князь Амилахвари. Пѣхотные командиры, въ большинствѣ случаевъ его боевые соратники, горячо отозва-

лись на нужды Нижегородскаго полка и предоставили ему право свободнаго выбора. Князь преимущественно бралъ уроженцевъ Донской земли или рекрутовъ Ставропольской губерніи, какъ болѣе сметливыхъ, расторопныхъ и привычныхъ къ коню, по близкому сосѣдству своему съ казачествомъ. Но нигдѣ не встрѣтилъ онъ такого теплаго сердечнаго отношенія къ дѣлу, какъ въ Баракаевской станицѣ, гдѣ былъ расположенъ штабъ Бакинскаго пѣхотнаго полка. Командиръ его, полковникъ Кобіевъ, вывелъ къ князю 50 отборныхъ молодцовъ, одного лучше другого, и только просилъ осадить 8 человѣкъ, такъ какъ полку слѣдовало сдать 42 рекрута. Люди смотрѣли такими красавцами, что князь Амилахвари затруднился въ выборѣ и просилъ уступить ему всѣхъ.—«Если бы я имѣлъ право—отвѣтилъ Кобіевъ—я отдалъ бы весь полкъ и самъ пошелъ бы въ драгуны». Потомъ, когда выборъ наконецъ былъ сдѣланъ, онъ, обращаясь къ нижнимъ чинамъ, сказалъ:—Помните, братцы, куда идете, въ какой полкъ поступаете! Самая высокая награда воину—это быть солдатомъ-Нижегородцемъ, и я, вашъ командиръ, почелъ бы за честь быть рядовымъ знаменитаго полка» (7).

Такимъ образомъ первый приступъ—выборъ матеріала, былъ сдѣланъ. Но этотъ матеріалъ былъ сырой и, чтобы пойти въ дѣло, требовалъ тщательной обработки. Являлась потребность въ усиленныхъ занятіяхъ, а для этого прежде всего надо было пріискать хотя какія-нибудь помѣщенія.

Съ ноября мѣсяца полкъ стоялъ почти бивуаками; штабъ его съ резервнымъ дивизіономъ помѣщался въ Майкопѣ, но въ этомъ маленькомъ укрѣпленіи, занятомъ Кубанскимъ пѣхотнымъ полкомъ, остальнымъ эскадронамъ помѣститься рѣшительно было негдѣ, и суровая зима грозила застать ихъ въ палаткахъ. Необходимость хотя какъ-нибудь приспособиться къ зимней стоянкѣ побудила князя Амилахвари немедленно приступить къ устройству полковой штабъ-квартиры. Берега Курджипса были покрыты лѣсомъ и, слѣдовательно, строительный матеріалъ находился подъ рукою, а въ рабочей силѣ недостатка не предстояло. Кавказская жизнь выучила драгунъ быть при надобности и плотниками и каменщиками и даже архитекторами. И вотъ, въ теченіе какого-нибудь мѣсяца, тамъ, гдѣ не было признака жилья человѣческаго, вдругъ, какъ мановеніемъ волшебнаго жезла, выросъ городокъ съ красивыми казармами, съ конюшнями, со всѣми хозяйственными учрежденіями, съ обширною площадью, на которой высился Господній храмъ, увѣнчанный куполомъ.

Командиръ полка
Флигель-Адъютантъ полковникъ
князь Иванъ Гивичъ Амилахвари.

Офицерскіе домики тянулись по обрывистому берегу Бѣлой и между ними красовались хоромы полкового командира о четырехъ небольшихъ, но свѣтлыхъ горницахъ (8). Въ этомъ-то глухомъ уголкѣ Закубанскаго края и начала складываться новая полковая жизнь Нижегородскаго полка, которая рѣзкою чертою должна была отдѣлить все прошлое отъ настоящаго. Кавказской войны больше уже не было. Кавказъ и миръ—это были два слова, къ которымъ долго не могло привыкнуть военное общество, и къ чувству общей радости невольно примѣшивалось затаенное сожалѣніе. Жаль было чего-то привычнаго, дорогого, любимаго... Смутно представлялось всѣмъ, что передъ заботами мира должна исчезнуть прежняя удаль, окрыляемая боевою жизнью, тою увлекательною, дикою, своеобразною поэзіею, тою широтой ощущеній, которыми знаменовалась кавказская война. И если этого не случилось, если Нижегородскій полкъ, при рѣзкой перемѣнѣ всей обстановки и склада и быта его жизни, сохранилъ свои традиціи, то этимъ онъ былъ обязанъ князю Амилахвари, съумѣвшему поддержать въ немъ преемственный духъ старыхъ драгунъ.

Хотя досуга на зимнихъ квартирахъ было довольно, но онъ былъ, такъ сказать, относительный, потому что дѣло устройства штабъ-квартиры—дѣло, какъ извѣстно, сложное и копотливое. Поэтому, какъ только солдатскія руки снова обратились къ забытымъ лопатамъ и киркамъ, нечего было думать о систематическомъ веденіи строевыхъ занятій, и ихъ пришлось отложить до начала будущаго года. Къ тому же самъ командиръ полка скоро выѣхалъ въ Ставрополь, вмѣстѣ съ полковой депутаціей, чествовать покорителя Западнаго Кавказа—графа Евдокимова. Празднество состоялось 31 декабря; на немъ много произнесено было теплыхъ, задушевныхъ рѣчей, много провозглашено было тостовъ. Но когда полковникъ князь Амилахвари поднялъ бокалъ отъ лица Нижегородцевъ, когда на сцену выступилъ старый вахмистръ Адаменко съ золотымъ крестомъ и цѣлымъ рядомъ шевроновъ, – графъ Евдокимовъ всталъ и, подавая руку князю Амилахвари, громко сказалъ:—Нижегородскій полкъ ни въ какихъ похвалахъ съ моей стороны не нуждается. Онъ зарубилъ себѣ такую историческую славу, которая никогда не умретъ въ лѣтописяхъ русской арміи (9).

Это былъ послѣдній, прощальный привѣтъ, послѣднее слово стараго военачальника, умѣвшаго цѣнить боевыя достоинства войскъ по заслугамъ. Черезъ нѣсколько дней, 7 января 1865 года, онъ былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ Кавказскою арміею и навсегда сошелъ съ своего

славнаго боевого поприща, а черезъ восемь лѣтъ Нижегородскому полку пришлось похоронить его въ Пятигорскѣ, въ стѣнахъ новой своей штабъ-квартиры.

Конецъ 1864 года ознаменовался нѣсколькими важными распоряженіями: во-первыхъ, вмѣсто временнаго соединенія драгунскихъ полковъ, образовывалась постоянная кавказская кавалерійская дивизія; во-вторыхъ, Нижегородскій полкъ передвигался въ Терскую область, и въ третьихъ—переформировался опять изъ шести эскадроннаго въ четырехъ-эскадронный составъ. Сущность переформированія заключалась въ томъ, что первые четыре эскадрона образовывали дѣйствующій полкъ и приводились на мирное положеніе по 14 рядовъ во взводахъ, а резервный дивизіонъ переформировывался въ конный резервный эскадронъ, который, сохраняя мундиръ и имя полка, отдѣлялся отъ него подъ самостоятельное и независимое управленіе.

По новымъ штатамъ, въ дѣйствующемъ полку вмѣсто трехъ штабъ-офицеровъ полагалось семь: изъ нихъ одинъ командиръ полка, два дивизіонера и четыре эскадронныхъ командира, въ чинѣ маіоровъ. Дивизіонеры уже не командовали эскадронами, а занимали въ полку обязанности помощниковъ полкового командира по строевой и по хозяйственной части.

Резервный эскадронъ былъ окончательно сформированъ только въ апрѣлѣ 1865 года, и тогда же командиромъ его назначенъ Тверскаго драгунскаго полка подполковникъ Суриновъ—старый Нижегородецъ, имѣвшій георгіевскій крестъ за кюрюкъ-даринское сраженіе. Эскадронъ остался въ штабъ-квартирѣ полка, но уже вышелъ изъ-подъ командованія князя Амилахвари. Цѣль и назначеніе его заключались въ подготовкѣ для своего полка молодыхъ людей и лошадей, а слѣдовательно, и въ облегченіи трудовъ дѣйствующихъ эскадроновъ. «Назначеніе это такъ важно—писалъ князь Амилахвари въ приказѣ по полку,—что каждый изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ резервнаго эскадрона долженъ всегда имѣть передъ собою важность тѣхъ обязанностей, которыя на нихъ возлагаются. Я увѣренъ, что всѣ чины, вошедшіе въ составъ этого эскадрона, вполнѣ достигнутъ того результата, который ожидаетъ отъ нихъ правительство».

Указавъ одну сторону будущей дѣятельности эскадрона, князь Амилахвари не оставилъ безъ вниманія и другой, не менѣе важной его задачи—это воспитаніе солдата, которое должно было начинаться съ перваго дня поступленія его на службу. Князь требовалъ, чтобы сол-

дату разсказывали о подвигахъ, совершенныхъ полкомъ, въ которомъ онъ служитъ, о лицахъ, отличавшихся въ рядахъ его мужествомъ и святымъ исполненіемъ долга, о знакахъ отличій, которые заслужены полкомъ на поляхъ сраженій,—и этимъ воспитать въ новобранцѣ тотъ нравственный духъ, ту любовь къ своему полку, безъ которыхъ немыслима побѣда. Одинъ изъ нашихъ боевыхъ генераловъ говаривалъ часто: «Неучи побѣдить еще могутъ, но люди, не дорожащіе честью полкового мундира, не побѣдятъ никогда». И князь Амилахвари заботился о томъ, чтобы резервный эскадронъ сдѣлался дѣйствительно разсадникомъ и проводникомъ въ полку его старыхъ боевыхъ преданій. Прощаясь съ резервнымъ эскадрономъ, вотъ что писалъ онъ въ приказѣ по полку отъ 16-го апрѣля 1865 года:

«Резервный эскадронъ отходитъ въ составъ отдѣльной части, сохраняющей однако имя и мундиръ Нижегородскаго полка. Отдѣляясь только матеріально, всѣ служащіе въ этомъ эскадронѣ должны всегда помнить, что они съ своими полковыми товарищами не раздѣльно, всѣ вмѣстѣ составляютъ все тотъ же Нижегородскій драгунскій полкъ, который своею 165-лѣтнею службою и боевыми отличіями удостоенъ стольких монаршихъ милостей и имѣетъ счастіе считать въ своихъ рядахъ Его Императорское Величество Государя Императора и августѣйшаго главнокомандующаго Великаго Князя Михаила Николаевича. Старослужащіе нижніе чины передадутъ вновь поступающимъ къ нимъ въ товарищи рекрутамъ свѣдѣнія о вѣковой службѣ полка, объ отличіяхъ, наградахъ и заслугахъ,—обо всемъ, что возвышаетъ духъ молодого солдата, а потому въ этомъ нравственномъ образованіи новобранцевъ, которые ежегодно будутъ пополнять ряды дѣйствующихъ эскадроновъ, старые Нижегородцы принесутъ весьма много пользы своему родному полку.

«Прощаюсь, и желаю успѣха».

Другой вопросъ, близко касавшійся интересовъ полка—былъ вопросъ о передвиженіи его въ Терскую область на постоянныя квартиры.

Коммиссія, назначенная великимъ княземъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Петрова, указала стоянки для полковъ: Нижегородскому—Георгіевскъ, Тверскому—Пятигорскъ и Сѣверскому—Моздокъ. Резервные эскадроны должны были направиться въ Ставропольскую губернію. Петровъ ходатайствовалъ, чтобы Нижегородскій резервный эскадронъ остался въ Курджипсѣ, гдѣ попеченіями князя Амилахвари были выстроены пре-

красныя казармы, конюшни и крытые манежи, но великій князь желалъ, чтобы всѣ кавалерійскіе резервы были расположены совокупно на пространствѣ Манычскихъ степей, и квартиры Нижегородскому эскадрону назначены были въ селѣ Новопокровскомъ.

Но пока шла переписка, наступила осень, полки успѣли заготовить сѣно, и вопросъ о походѣ былъ отложенъ до будущаго года.

Часовня, воздвигнутая въ оградѣ Пятигорскаго собора на могилѣ графа Евдокимова.

Крѣпость въ Георгіевскѣ.

II.

Три года стоянки въ Георгіевскѣ.

(1865—1866 и 1867 г.).

Передвиженіе полка въ Терскую область.—Заштатный городъ Георгіевскъ.—Новый начальникъ дивизіи графъ Лотрикъ и первый смотръ его.—Пожары въ Георгіевскѣ.—Первый дивизіонный кампаментъ.—Полковой праздникъ.—Нижегородцы подносятъ шашки государю императору и великому князю Михаилу Николаевичу.—Особое вниманіе и милость къ полку государя въ день полкового праздника 1866 года.—Великій князь въ Георгіевскѣ. — Кабардинская смута. — Смотръ великаго князя въ Пятигорскѣ. – Состояніе полка къ концу трехлѣтней стоянки въ Георгіевскѣ.

Въ исходѣ апрѣля мѣсяца 1865 года, въ то время когда Нижегородскій полкъ готовился къ походу, въ Майкопъ пришла роковая вѣсть о кончинѣ наслѣдника-цесаревича, почившаго въ Ниццѣ.

И звукомъ тріумфа не кончивъ, литавры
Уже ударяютъ на ладъ похоронъ,
И трауръ возложенъ на свѣжія лавры,
И грустно склонились лоскутья знаменъ.

И посреди этихъ скорбныхъ чувствъ, тяготѣвшихъ тогда надъ всѣми русскими людьми, полкъ, облеченный въ глубокій трауръ, выступилъ 3-го мая въ Георгіевскъ.

Путь отъ Майкопа на разстояніи 350 верстъ шелъ по краю, полному историческихъ воспоминаній, гдѣ каждый шагъ былъ купленъ русскою кровью, и служилъ еще не забытымъ памятникомъ того или другого событія. Теперь, за другими задачами края, всѣ эти событія отходили уже въ область преданій. Не много, повидимому, времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ послѣднее облако порохового дыма разсѣялось въ воздухѣ, а плугъ земледѣльца уже прошелъ по тѣмъ мѣстамъ, которыя служили ареной для подвиговъ, и передъ культурными заботами мира видимо гасла поэзія порубежной жизни. Еще мелькали въ подгорныхъ степяхъ сторожевыя вышки, попадались огороженныя валами станицы, и вооруженные, подъ бурками, всадники—но это были уже отдѣльные клочки «послѣдней разсѣянной бурею тучи»...

24-го мая полкъ прибылъ въ Георгіевскъ, знакомый Нижегородцамъ по старымъ преданіямъ. Здѣсь была колыбель полка, первая стоянка его на Кавказѣ; отсюда онъ выступилъ въ Грузію, и сюда же возвратился послѣ 65-лѣтняго своего скитанія по цѣлому Кавказу. Теперь для него начиналась новая незнакомая жизнь въ полномъ значеніи этого слова.

И тѣмъ отраднѣе было встрѣтить на новыхъ квартирахъ сердечный привѣтъ августѣйшаго вождя-однополчанина, который, по русскому обычаю, почтилъ новоселье полка хлѣбомъ и солью, приславъ взамѣнъ ея свой фотографическій портретъ въ мундирѣ Нижегородскаго полка.

Станицы, отведенныя подъ квартиры эскадроновъ, были большія, но разоренныя войною, (1) да и самый Георгіевскъ не представлялъ никакихъ удобствъ для размѣщенія даже полкового штаба. Въ прошломъ столѣтіи, когда городъ предназначался быть областнымъ, его площадямъ и улицамъ даны были черезчуръ широкія основанія, а такъ какъ желающихъ селиться оказалось немного, то каждый застраивался на облюбованномъ участкѣ особнякомъ, безъ всякаго порядка, какъ строются хуторяне. Когда же центръ русскаго управленія передвинулся въ Грузію, всѣ эти постройки такъ и остались раскиданными, не имѣвшими между собою ни малѣйшей связи; незастроенные участки превратились съ тѣхъ поръ въ пустыри; проектированныя улицы и площади заросли травою, и по серединѣ города образовались поля, на которыхъ могла бы свободно учиться кавалерій-

Великій князь Михаилъ Николаевичъ

въ мундирѣ Нижегородскаго полка

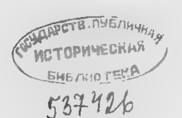
(снимокъ съ портрета, пожалованнаго Его Высочествомъ полку въ 1866 году).

ская дивизія. Ветхій соборъ и такая же ветхая крѣпость—вотъ всѣ историческія достопримѣчательности Георгіевска. Когда пришли драгуны, казенныхъ зданій свободныхъ не было, а гражданское начальство, «мало внимательное и заботливое къ нуждамъ полка» (2), отводило подъ помѣщенія худшіе дома, ютившіеся по окраинамъ и принадлежавшіе беднѣйшимъ жителямъ. Въ городѣ, гдѣ считалось болѣе трехсотъ домовъ, обязанныхъ постоемъ, не нашлось мѣста даже для полковой швальни, которую помѣстили въ палаткахъ, а инвалидную роту вывели совсѣмъ въ подгородную слободу. Канцелярія, лазаретъ, цейгаузы, мастерскія—все было разбросано и разъединено огромными пустырями, отчего сборъ людей былъ крайне затруднителенъ. Климатическія условія также оказались не совсѣмъ благопріятными. Ежегодно, во время поспѣванія овощей и фруктовъ, здѣсь начинались лихорадки, и хотя онѣ не были злокачественными или эпидемическими, но выводили много людей изъ фронта (3).

Не мало предстояло полку заботъ и по устройству хозяйственной части и по строевому образованію. Нужно сказать, что новыя служебныя условія, въ которыя поставлены были драгунскіе полки на Кавказѣ по окончаніи войны, вызвали назначеніе и новаго начальника дивизіи. Старый кавказскій ветеранъ генералъ-лейтенантъ Тихоцкій зачисленъ былъ въ запасныя войска, а мѣсто его въ началѣ 1865 года занялъ генералъ-маіоръ графъ Лотрекъ-де-Тулуза, какъ человѣкъ, болѣе знакомый съ современными требованіями мирнаго времени. Это былъ типъ стараго кавалериста, съ чрезвычайно представительною наружностью, съ открытымъ челомъ и длинными, опущенными къ низу бѣлыми усами. Онъ былъ строгъ, требователенъ, педантиченъ въ мелочахъ, но зналъ свое дѣло и любилъ его, какъ немногіе. Онъ явился съ чувствомъ глубокаго уваженія къ боевымъ заслугамъ кавказскихъ полковъ, но съ твердымъ намѣреніемъ поставить ихъ въ уровень съ требованіями, которыя предъявляло время—и въ этихъ стремленіяхъ переходилъ иногда границу. Отличные боевые офицеры, но не представлявшіе собою задатковъ сдѣлаться хорошими инструкторами мирнаго времени, мало по малу должны были покидать строевую службу, и князю Амилахвари не разъ приходилось отстаивать передъ нимъ старыхъ своихъ сослуживцевъ (4).

Черезъ нѣсколько дней послѣ прихода полка, графъ Лотрекъ пріѣхалъ въ Георгіевскъ и произвелъ инспекторскій смотръ, прошедшій не безъ замѣчаній съ его стороны, какъ человѣка, еще не освоившагося

съ условіями кавказской жизни, гдѣ необходимость заставляла мириться со многимъ. Такъ напр., мундиры, строившіеся при свѣтѣ бивуачныхъ костровъ, были крѣпко сшиты, хотя можетъ быть и неладно скроены; аммуниція и сѣдельный уборъ, повидавшіе на своемъ вѣку не одну бивуачную стоянку, были тщательно заплатаны, но не отличались свѣжестью, а ружья до того обились во время походовъ, что стрѣльба изъ нихъ только и дала 23 процента. На коняхъ люди сидѣли крѣпко, но загрубѣлыя въ работахъ руки уже не поддавались той эластичности, которая требовалась при тонкой манежной ѣздѣ, а безпрерывная скачка по горамъ и оврагамъ отнимала отъ посадки много щегольства и уставной правильности. Рубили Нижегородцы на-смерть, но о фехтованіи съ выпадами, присяданіями и поклонами не имѣли понятія, а между тѣмъ Лотрекъ требовалъ, чтобы именно этотъ предметъ сдѣланъ былъ обязательнымъ не для однѣхъ только учебныхъ или показныхъ командъ, но для всего полка въ полномъ его составѣ. Онъ указалъ также на слабое развитіе грамотности и потребовалъ, чтобы ей отведено было видное мѣсто, такъ какъ съ окончаніемъ войны устранялись причины, мѣшавшія ея развитію, а статистика между тѣмъ показывала, что общее число грамотныхъ людей въ Кавказской арміи составляло едва 15%, и что наименьшій процентъ выпадалъ именно на долю драгунскихъ полковъ, гдѣ почти не было грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, да не было даже и контингента, изъ котораго они могли бы выработаться. Вопросъ о полковыхъ и эскадронныхъ школахъ выдвигался такимъ образомъ на первое мѣсто.

Но за то все, на чемъ еще лежала печать военнаго времени, было такъ хорошо, что превзошло самыя строгія ожиданія инспектора. «Походное снаряженіе полка—писалъ онъ въ своемъ ордерѣ:—подъемныя лошади, обозъ, упряжь—превосходны, а умѣнье сѣдлать лошадей быстро и правильно, показываетъ привычку и полное знакомство солдата съ условіями походнаго быта». «Полкъ, славный на войнѣ,—говоритъ онъ въ заключеніе того же ордера:—съумѣетъ удовлетворить и требованіямъ мирнаго времени, помня, что мирное время есть школа для приготовленія къ войнѣ» ([5]).

Съ отъѣздомъ графа Лотрека эскадроны разошлись по своимъ квартирамъ. Къ этому же времени относятся два страшные пожара, едва не истребившіе Георгіевска. 17-го іюня, часовъ въ 10 утра загорѣлась цен-

тральная часть города. Быстро собравшіяся команды драгунъ успѣли отстоять сосѣдніе дома, и пожаръ ограничился сравнительно небольшимъ пространствомъ. Но едва наступила ночь, какъ съ соборной колокольни опять загудѣлъ набатъ, и тотчасъ же въ разныхъ мѣстахъ города кавалерійскія трубы подхватили тревогу. На этотъ разъ горѣла окраина, ближайшая къ пороховымъ погребамъ. Драгуны: трубачи, писаря, мастеровые, словомъ все, что квартировало въ городѣ, затѣмъ учебная команда, бѣгомъ явившаяся изъ лагеря,—все кинулось на борьбу съ разсвирѣпѣвшею стихіею, и пока одни отстаивали пороховые погреба, рискуя первые сдѣлаться жертвами взрыва, другіе спасали имущество жителей, третьи кидались въ самый огонь, и, при отсутствіи пожарныхъ инструментовъ, голыми руками срывали горѣвшія доски, разбрасывали крыши, валили заборы. Рухнувшая стѣна одного изъ домовъ едва не погребла подъ собою трубача Козловскаго, котораго пришибло пылающимъ бревномъ. Примѣровъ подобнаго самоотверженія со стороны драгунъ было не мало, и надо сказать, что они значительно повліяли на улучшеніе взаимныхъ отношеній между полкомъ и жителями (6). Между тѣмъ полковая жизнь входила мало по малу въ свою обычную колею; въ іюнѣ мѣсяцѣ въ эскадронахъ отошла трава—тогда лошади выпускались еще въ табуны и ходили подъ присмотромъ небольшихъ командъ,—потомъ отбыли полковой кампаментъ, и въ половинѣ сентября стали готовиться къ первому смотру великаго князя. Въ сборѣ находились Нижегородскій, Сѣверскій и Тверской драгунскіе полки съ конною батареею Терскаго казачьяго войска. А такъ какъ всѣ три полковые командира: князь Амилахвари, Петровъ и князь Захарій Чавчавадзе были старые Нижегородцы, то ихъ взаимная связь не могла не отражаться и на самихъ полкахъ, которые представляли собою прекрасное зрѣлище товарищескаго единодушія (7).

Кампаментъ прошелъ оживленно, благодаря новости впечатлѣній, выносимыхъ драгунами изъ совокупныхъ маневровъ цѣлой кавалерійской дивизіи съ конною артиллеріею, чего до сихъ поръ никогда не приходилось видѣть. 26-го октября прибылъ великій князь и на другой день, производя ученье всей кавалеріи, телеграфировалъ государю о прекрасномъ состояніи драгунской дивизіи. Весь день великій князь пробылъ въ лагерѣ среди офицеровъ. Его Высочество, слушая пѣсни Нижегородскаго полка, замѣтилъ князю Амилахвари, что узнаетъ по голосу его запѣвалу. «Это Подобѣдновъ, Бакинскаго полка — сказалъ великій князь: — я его

слышалъ два года тому назадъ на правомъ флангѣ». Запѣвало, дѣйствительно, былъ Подобѣдновъ, прикомандированный къ полку временно для обученія пѣсенниковъ. Великій князь тутъ же приказалъ перевесть его въ Нижегородскій полкъ. Была уже ночь, когда августѣйшій главнокомандующій сѣлъ въ экипажъ и отправился въ Георгіевскъ. Драгуны освѣщали путь факелами, а офицеры почетнымъ эскортомъ скакали за его коляскою. На слѣдующій день съ тѣмъ же почетнымъ эскортомъ великій князь отбылъ изъ Георгіевска (8).

Кампаментъ окончился, и Нижегородскій полкъ приступилъ немедленно къ зимнимъ занятіямъ, которыя были перерваны въ этомъ году на короткое время только обычнымъ чествованіемъ дней св. Георгія и полкового праздника, непосредственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ. На эти два дня, по заведенному обычаю, всѣ офицеры съѣзжались въ полковой штабъ, и туда же приходили пѣшіе эскадроны, оставляя для присмотра за лошадьми самыя необходимыя команды. Тогда еще былъ обычай выносить полковыя литавры, памятники прошлаго вѣка, и въ нихъ, какъ въ серебряныхъ чашахъ, готовить полковую жжонку, непремѣнно на скрещенныхъ шашкахъ. Пили много, и заздравные тосты сопровождались застольною пѣснію, написанною тогда однимъ изъ офицеровъ (9):

Пора огонь небесный,
Товарищи, тушить,
И нектаръ сей чудесный
По кубкамъ намъ разлить.

Товарищъ! дай мнѣ руку!
Попьемъ, попьемъ, попьемъ,—
И мирной жизни скуку
Скорѣй виномъ зальемъ.

Выпьемъ за славу
Старыхъ друзей,
Вспомнимъ забаву
Бранныхъ полей!

Пора огонь небесный,
Товарищи, тушить,
И нектаръ сей чудесный
Разлить — и дружно пить!

ТРИ ГОДА СТОЯНКИ ВЪ ГЕОРГІЕВСКѢ.

Намъ не пить—погубить
Значитъ жизнь боевую,
Выпивай же скорѣй
Каждый чашу большую.

Проведемте-жь, друзья,
Этотъ день веселѣй—
Нижегородцевъ семья
Въ бой спѣши поскорѣй! .. ([10]).

Знаменательный день, справленный Нижегородцами по старымъ адатамъ, принесъ полку и обычное счастіе выслушать теплый привѣтъ своего монарха. Вотъ царская телеграмма, полученная въ день полкового праздника 1865 года:

«Поздравляю молодцовъ-нижегородцевъ съ полковымъ праздникомъ и радуюсь блестящему состоянію, въ которомъ полкъ найденъ при послѣднемъ осмотрѣ его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ. Увѣренъ, что и въ мирное время полкъ не перестанетъ заслуживать и впредь подобные отзывы. Александръ». Великій князь также прислалъ полку телеграмму, а начальникъ дивизіи письмо, важное для исторіи полка, какъ документъ, свидѣтельствующій о томъ уваженіи, съ которымъ графъ Лотрекъ относился къ боевымъ заслугамъ Нижегородцевъ.

«Прошу васъ—писалъ онъ князю Амилахвари—передать всѣмъ гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ мое поздравленіе съ полковымъ праздникомъ. Желаю отъ души, чтобы всѣ чины полка, сохраняя постоянно въ памяти и дорожа историческою славою и преданіями своего знаменитаго полка, прониклись общею соединяющею идеею поддержать полкъ и въ мирное время достойно славнаго имени Нижегородцевъ, дѣла и подвиги которыхъ знаютъ Государь и вся Россія. Я искренно сожалѣю, что не могъ присутствовать на полковомъ праздникѣ, чтобы раздѣлить съ вами лично тостъ за здравье славнаго полка, ветерана кавказской арміи, составляющаго честь и гордость командуемой мною дивизіи» ([11]).

Среди этихъ празднествъ въ полку родилась счастливая мысль поднести государю и великому князю своему однополчанину форменныя, оправленныя въ серебро, Нижегородскія шашки — скромный, но знаменательный даръ, который могъ служить эмблемою ихъ вѣковой честной службы на окраинѣ русской земли. Мысль эта и была приведена въ исполненіе немедленно.

Для государя достали превосходный клинокъ древней генуэзской работы, принадлежавшій извѣстной въ Кабардѣ фамиліи Дадымовыхъ. Съ одной стороны его изображена была Бого-Матерь и отчетливо сохранилась слѣдующая латынская надпись: «Матерь Божія, покровительница Венгріи, подъ Твой покровъ прибѣгаю». Съ другой: крестъ въ сіяніи, и подъ нимъ: «Богъ войны, могущественнѣйшій воитель, буди со мною».

Клинокъ, приготовленный для великаго князя, былъ также историческою знаменитостію на Кавказѣ: онъ наслѣдственно переходилъ нѣсколько столѣтій въ Шапсугской фамиліи Маратузовыхъ и былъ извѣстенъ всему побережью Чернаго моря. Генералъ Гейманъ добылъ его при покореніи Шапсуговъ и уступилъ полку только ради той цѣли, къ которой онъ предназначался. Шашка великому князю была поднесена въ Тифлисѣ, но государю предполагалось поднести ее въ Петербургѣ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда Россія собиралась праздновать 25-ти-лѣтній супружескій юбилей своего монарха. Пришло однако извѣстіе, что празднованіе будетъ семейное, и что государю не угодно принимать въ этотъ день никакихъ депутацій. Тѣмъ не менѣе въ письмѣ къ великому князю государь писалъ: «Искренно благодарю за намѣреніе, и съ удовольствіемъ приму шашку отъ молодцовъ Нижегородцевъ, которую могутъ прислать черезъ тебя».

Шашка тотчасъ отправлена была въ Тифлисъ, а 14-го февраля великій князь телеграфировалъ полку: «Сегодня получилъ отъ Его Величества слѣдующую депешу: Искренно благодарю Нижегородцевъ за славную шашку. Александръ».

Таково было въ полку начало 1866 года, а окончаніе его ознаменовалось еще болѣе важнымъ событіемъ, которое яркимъ лучемъ озарило уже поблекшія отъ времени самыя дорогія и завѣтныя преданія полка. Это были телеграммы, полученныя въ день полкового празд-

Клинокъ, поднесенный Нижегородцами Императору Александру II.

ника, когда Нижегородцы, вѣрные прадѣдовскимъ обычаямъ, только что приступили къ торжественному обряду варенія жжонки. Первая телеграмма была изъ Петербурга отъ великаго князя Михаила Николаевича:

«Поздравляю молодцовъ Нижегородцевъ съ праздникомъ. Пью за ихъ здоровье. Государь надѣвалъ нашъ мундиръ. Михаилъ».

И еще не остыло гордое чувство, возбужденное въ каждомъ послѣдними словами депеши, какъ получилась слѣдующая телеграмма отъ самого государя:

«Поздравляю молодцовъ Нижегородцевъ съ полковымъ праздникомъ. Увѣренъ, что они и впредь поддержатъ столь заслуженную славу полка. *Горжусь носить вашъ мундиръ.* Александръ».

Такъ какъ всѣ эскадроны въ этотъ день, по обычаю, находились въ полковой штабъ-квартирѣ, то взрывъ восторженнаго чувства охватилъ разомъ весь полкъ, отъ командира его до послѣдняго солдата. «Внушить отдѣльно каждому чину—писалъ князь Амилахвари въ приказѣ по полку:—всю важность царскаго вниманія, которое на вѣкъ должно остаться въ сердцахъ вѣрноподданнѣйшихъ Нижегородцевъ, и сообщиться каждому, кто только удостоится и впредь надѣть мундиръ Нижегородскаго полка».

Въ томъ же году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, возвращаясь изъ Петербурга, Георгіевскъ посѣтилъ великій князь вмѣстѣ съ своею августѣйшей супругой, и остановился въ домѣ полкового командира князя Амилахвари. Августѣйшую чету встрѣтилъ почетный караулъ отъ лейбъ-эскадрона, а затѣмъ штабъ-офицеры полка и всѣ нижніе чины, георгіевскіе кавалеры, удостоились чести быть представленными великой княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ. Изъ Георгіевска великій князь выѣхалъ вечеромъ, и князь Амилахвари со всѣми офицерами полка верхомъ сопровождалъ его до станицы Новопавловской, гдѣ присоединился 4-й эскадронъ капитана Андреева. Дорога пошла гористая; на одномъ довольно опасномъ спускѣ драгуны, моментально спѣшившись, на рукахъ спустили экипажъ великаго князя. Поблагодаривъ людей и привѣтливо простившись съ офицерами, великій князь приказалъ имъ вернуться назадъ, и дальнѣйшій путь продолжалъ окруженный почетнымъ эскортомъ кабардинскихъ князей и уорковъ.

Такъ прошли два года мирной георгіевской стоянки, какъ вдругъ случился эпизодъ, едва не толкнувшій полкъ опять на старый, знакомый ему путь военныхъ тревогъ и походовъ. Это было волненіе, внезапно охватившее въ самомъ началѣ 1867 года всю Кабарду, при первомъ слухѣ объ освобожденіи отъ рабства ея зависимыхъ сословій.

Россія, прекратившая у себя крѣпостное право, уже не могла терпѣть въ своихъ предѣлахъ рабовладѣльческихъ племенъ, и потому крестьянская реформа въ Кабардѣ была неизбѣжна. Но такъ какъ реформа эта подрывала въ основѣ экономическое благосостояніе высшихъ сословій, то кабардинскіе князья встрѣтили ее враждебно и объявили, что переселятся въ Турцію вмѣстѣ со всѣми своими подвластными. Имъ отвѣчали, что сами князья могутъ переселяться куда имъ угодно, но что ихъ рабы останутся въ Россіи и будутъ свободны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхнули волненія и безпорядки. Тогда начальникъ Терской области, генералъ-лейтенантъ Лорисъ-Меликовъ, нашелъ необходимымъ сосредоточить въ центрѣ кабардинскаго округа хотя небольшую часть войскъ, чтобы пресѣчь возможность открытаго возстанія.

4-го февраля на самомъ разсвѣтѣ въ Нижегородскомъ полку получена была телеграмма — немедленно выслать одинъ дивизіонъ драгунъ съ полнымъ числомъ рядовъ и съ боевыми патронами на Баксанскій постъ, гдѣ уже стояла рота пѣхоты, двѣ сотни Волжскихъ казаковъ и взводъ артиллеріи. Начальство надъ этимъ отрядомъ поручалось князю Амилахвари. Вызванные по тревогѣ, 3-й и 4-й эскадроны въ тотъ же день явились на Баксанъ и стали лагеремъ. Кругомъ, однакоже, царило такое спокойствіе, что князь Амилахвари проѣхалъ въ Нальчикъ, черезъ всю Кабарду, сопровождаемый только тремя драгунами. Въ Нальчикѣ онъ засталъ почти всѣхъ кабардинскихъ князей, съѣхавшихся на совѣщаніе съ начальникомъ области. Но едва Лорисъ-Меликовъ обратился къ нимъ съ рѣчью, какъ слова его заглушены были мятежными криками.

Эй, народъ Кабардинскій! громко сказалъ Лорисъ-Меликовъ:— Слышалъ я, что есть у васъ обычай, когда говоритъ старшій, остальные молчатъ.

Все смолкло; и посреди наступившей тишины раздавался только одинъ голосъ Лорисъ-Меликова. Рѣчь его была тверда и внушительна. «Какъ Баксанъ—говорилъ онъ:—не можетъ обратиться въ своемъ теченіи назадъ, въ тѣ горы, откуда стремится, такъ и дѣло освобожденія крестьянъ, направленное властнымъ словомъ русскаго царя, не можетъ быть остановлено. Ваша религія, вашъ семейный очагъ—вотъ ваша святая, неприкосновенная собственность, до которой никто никогда не коснется. Но сами вы, ваши рабы, ваши земли—все принадлежитъ русскому Государю. Не думайте, чтобы вы могли противодѣйствовать его властнымъ велѣніямъ. Что мнѣ ваше оружіе?—Я сниму его, когда захочу.

жія,—это былъ разультатъ мирнаго, но усиленнаго труда администраціи, который, проводя цивилизующія начала и въ княжескую саклю, и въ хижину раба, побѣдилъ вѣковые предразсудки ([12]).

Не улеглись еще впечатлѣнія послѣднихъ событій, какъ новая телеграмма вызвала Нижегородскій полкъ, уже въ полномъ составѣ, въ Пятигорскъ, на смотръ великаго князя. Всѣ эскадроны, поднятые по тревогѣ, двинулись прямо съ своихъ квартиръ, и вечеромъ 25-го апрѣля сошлись въ станицѣ Лысогорской, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. День былъ пасмурный; свинцовыя тучи неслись съ сѣвера и, заволакивая небо, спускались все ниже и ниже; скоро хлынулъ ливень и началась такая гроза, что лошади, испуганныя громовымъ ударомъ, разразившимся надъ самымъ лагеремъ, шарахнулись въ сторону, сорвали коновязь и исчезли въ степи. Полкъ очутился пѣшимъ. Къ счастію, лейбъ-эскадронъ въ это время только что еще подходилъ къ Лысогорску и былъ на коняхъ. Его послали собирать табунъ. Капитанъ Чавчавадзе разсыпалъ весь эскадронъ, но только подъ утро пригналъ лошадей, значительно измученныхъ и перепавшихъ, а нѣкоторыя забѣжали такъ далеко, что ихъ приводили потомъ въ теченіе цѣлой недѣли ([13]).

Смотръ тѣмъ не менѣе прошелъ блистательно. Полкъ, переранжированный въ прошломъ году, глядѣлъ чрезвычайно эффектно и даже внушительно, особенно лейбъ-эскадронъ, составленный преимущественно изъ старыхъ солдатъ - бакенбардистовъ, увѣшанныхъ крестами и медалями. Лошади также подобраны были по мастямъ: 1-й эскадронъ былъ гнѣдой, 2-й вороной или караковый, 3-й рыжій и 4-й бурый ([14]). О тѣхъ недостаткахъ, на которые первоначально указывалъ Лотрекъ, не было теперь и помину. Нигдѣ, кромѣ Нижегородскаго полка, офицеры не занимались гимнастикой и волтижированіемъ, и за то нигдѣ не была такъ развита практическая сторона этого дѣла, какъ у Нижегородцевъ. 4-й эскадронъ, маіора Андреева, считался лучшимъ въ цѣлой дивизіи, и тоже первенство принадлежало Нижегородскимъ наѣздникамъ. Офицеры щеголяли своими верховыми лошадьми, которыхъ князь Амилахвари выписалъ еще въ Майкопѣ изъ лучшихъ воронежскихъ заводовъ, и въ то же время пригласилъ извѣстнаго знатока берейторскаго дѣла маіора Иванова, съумѣвшаго дать этимъ лошадямъ тонкую и правильную выѣздку. Даже грамотность подвинулась впередъ, и если въ чемъ мало преуспѣвали еще Нижегородцы, такъ это въ цѣльной стрѣльбѣ, которая попрежнему не

выходила изъ разряда посредственности. Въ такой же прогрессивной мѣрѣ шли улучшенія и по хозяйственной части, несмотря на новое сокращеніе штатовъ, выразившееся въ полку упраздненіемъ инвалидной роты, которая утратила свое значеніе вмѣстѣ съ окончаніемъ кавказской войны. Тѣмъ не менѣе всѣ полковыя работы производились успѣшно, а ковка лошадей и обмундированіе нижнихъ чиновъ были до того безукоризненны, что графъ Лотрекъ самъ произвелъ полкового закройщика, кузнеца и трехъ его помощниковъ въ унтеръ-офицеры ([15]).

Таково было состояніе полка къ концу трехлѣтней стоянки его въ Георгіевскѣ. Приближалось время, когда начинались обычныя передвиженія войскъ съ сѣвернаго Кавказа въ Царскіе Колодцы,—и на этотъ разъ, въ началѣ 1868 года, очередь была за Нижегородскимъ полкомъ.

Бивуакъ подъ станицей.

Царскіе Колодцы.

III.
Въ Царскихъ Колодцахъ.
(1868—1869 г.).

Передвиженіе полка въ Царскіе Колодцы.—Чествованіе полка въ Душетѣ.—Лагерь на Дигомскомъ полѣ въ Тифлисѣ.—Смерть стараго князя Андроникова.—Великокняжескіе смотры и маневры.—Царскіе Колодцы.—Старожилы полкового общества.—Дочь полка Марія Николаевна Дегужи-Нижегородская.

Въ шестидесятыхъ годахъ существовалъ порядокъ, по которому драгунскій полкъ, квартировавшій въ Царскихъ Колодцахъ, оставался тамъ только два года, а затѣмъ смѣнялся другимъ полкомъ, приходившимъ съ Сѣвернаго Кавказа. Этимъ имѣлось въ виду съ одной стороны

держать кавалерійскіе полки въ постоянной готовности къ движенію, а съ другой—дать имъ возможность поочередно участвовать въ общихъ лагерныхъ сборахъ, производившихся на Сѣверномъ Кавказѣ. Такимъ образомъ въ 1866 году Сѣверскій полкъ смѣнилъ Переяславцевъ, а въ 1868 г., Нижегородскій полкъ долженъ былъ смѣнить Сѣверцевъ.

Изъ Георгіевска полкъ выступилъ 4-го сентября, и 25-го прибылъ въ Тифлисъ. Памятнымъ эпизодомъ похода осталась дневка въ Душетѣ, гдѣ встрѣтилъ полкъ съ хлѣбомъ и солью старый, убѣленный сѣдинами, князь Гиви Амилахвари, отецъ командира Нижегородскаго полка. Это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые, состарившись въ своей прародительской чохѣ, умѣютъ носить ее съ гордостію, какъ дорогое наслѣдіе предковъ. Много помнилъ князь Гиви кровавыхъ событій, пронесшихся надъ его родиной, много видѣлъ на своемъ вѣку битвъ съ лезгинами, самъ ходилъ подъ Ахалцыхъ разорять это разбойничье гнѣздо, и какъ истый карталинскій тавадъ, гордился сыномъ, унаслѣдовавшимъ отъ отца и богатырское сложеніе и военныя доблести. Наканунѣ прихода полка, въ Душетъ съѣхались почти всѣ грузинскіе сосѣдніе помѣщики, пригнаны были стада быковъ, и пришли цѣлые транспорты съ хлѣбомъ, фруктами и огромными кувшинами вина. Офицеры и солдаты обѣдали въ полѣ, и сидя на землѣ, ѣли только грузинскія блюда: беджи, чихиртму, лососину изъ Арагвы, горную форель, пловъ, шашлыкъ и фрукты. Шашлыкъ жарился тутъ же на огромныхъ вилахъ, и на нихъ же, дымящимися, ароматными кусками разносился пирующимъ. Вино пилось изъ азарпешъ, турьихъ роговъ и всевозможныхъ хитрыхъ кувшинчиковъ, которыхъ такъ много въ посудныхъ кладовыхъ грузинскихъ помѣщиковъ. Тостовъ, и общихъ и одиночныхъ, по самымъ замысловатымъ и всегда неожиданнымъ поводамъ, которые можетъ придумать только развеселившійся грузинъ, было великое множество.

Среди пирующихъ находился извѣстный изслѣдователь классической грузинской старины Платонъ Іосселіани, который, поднявшись съ бокаломъ въ рукѣ, обратился къ князю Амилахвари съ слѣдующею рѣчью: «250 лѣтъ тому назадъ—сказалъ онъ:—въ первый разъ явилось въ Грузіи русское войско въ защиту народа и его православія. Нашъ царь Александръ II встрѣтилъ его съ отрадою, и въ умиленіи сердца назвалъ русскихъ «ангелами Божьими». Таковыми они есть и теперь. Вспомнивъ это, не забытое народомъ, изреченіе царя мудраго и православнаго,

изреченіе, обращенное имъ къ великому народу, защищающему доселѣ и славу Грузіи, и высокое сокровище ея—православіе, позвольте мнѣ отъ имени всего грузинскаго православнаго семейства провозгласить тостъ, за русское побѣдоносное войско, за вашъ, покрытый славою, полкъ, и лично за васъ, какъ человѣка достойно и съ честью украшающаго служебное значеніе наше въ средѣ великаго русскаго народа» (1).

Въ Тифлисѣ полкъ расположился лагеремъ на Дигомскомъ полѣ, около Веры, и первое извѣстіе, полученное имъ здѣсь, было извѣстіе о смерти стараго князя Ивана Малхазовича Андроникова. Онъ умеръ въ своемъ помѣстьи Кадало, и Сѣверскій полкъ уже ушелъ на его погребеніе. Нижегородцы опоздали однимъ только днемъ, чтобы отдать послѣднюю военную почесть тому, кто былъ старѣйшимъ представителемъ и первоначальникомъ ихъ славы, съ кѣмъ соединялись воспоминанія о блестящихъ атакахъ полка подъ Елизаветполемъ, Джеванъ-Булахомъ, Ахалцыхомъ и Бейбуртомъ. Судьба распорядилась однако, чтобы на его похоронахъ все-таки присутствовали старые Нижегородцы, и даже тотъ самый эскадронъ, который нѣкогда входилъ въ составъ командуемаго имъ 2-го дивизіона,—это былъ 4-й эскадронъ Сѣверцевъ, перешедшій въ новый полкъ при его сформированіи въ полномъ составѣ и съ тѣмъ же номеромъ изъ стараго полка Нижегородскаго.

Когда пришли Нижегородцы, періодъ учебныхъ занятій въ лагерѣ уже миновалъ и ожидались смотры великаго князя. Они и начались со смотра драгунской бригады. Народу собралась масса, потому что боевыя имена полковъ вызвали почти весь Тифлисъ на Верійское поле. Описывая настроеніе толпы, одинъ современный корреспондентъ говоритъ въ газетѣ: «всѣ волновались и радовались за нашихъ драгунъ, всѣ были увѣрены, что смотръ будемъ отличный,—да онъ и не могъ быть инымъ, когда смотровыя части составляли Нижегородцы и Сѣверцы» (2).

Смотръ начался тѣмъ, что 1-й эскадронъ Нижегородскаго полка, вызванный великимъ княземъ, проскакалъ въ карьеръ съ рубкой и джигитовкой. Толпа загудѣла отъ удовольствія. Карьеръ былъ доведенъ до такой быстроты, что, по словамъ того же корреспондента, «глазъ едва успѣвалъ улавливать очертаніе проносившагося всадника, блескъ его шашки, огонь выстрѣла. Это была въ полномъ смыслѣ слова бѣшеная скачка, при которой драгунамъ некогда было думать о своей головѣ».

Бригадное ученье сошло также превосходно. Наканунѣ былъ силь-

ный дождь, прибившій пыль, и каждое перестроеніе драгунъ картинно выдѣлялось передъ глазами зрителей. Пыль, обыкновенная союзница кавалеріи, скрывающая своими облаками тѣ или другія погрѣшности— говоритъ одинъ современникъ:—ан этотъ разъ могла бы скрыть только всю замѣчательную правильность и стройность движеній. Надо отдать справедливость—сказалъ великій князь:—что долгіе годы войны не убили въ нашихъ драгунахъ регулярнаго строя; видно, что полки много работали, и время, проведенное ими въ своихъ штабъ-квартирахъ, не потеряно даромъ» (3).

Черезъ нѣсколько дней великій князь смотрѣлъ стрѣльбу, но такъ какъ результаты ея получились только посредственные, а между тѣмъ усиленныя занятія ею не подлежали сомнѣнію, то пришлось остановиться на томъ, что старыя, избитыя въ походахъ ружья совершенно негодны и требовали перемѣны. Вопросъ этотъ сталъ на очередь, и очень можетъ быть, что неудачная стрѣльба драгунъ значительно подвинула впередъ все дѣло о перевооруженіи Кавказской арміи.

Большіе маневры, производившіеся въ этомъ году въ окрестностяхъ Тифлиса, дали Нижегородцамъ новый случай выдвинуться и послужить предметомъ любопытнаго спора, занимавшаго тогда всѣ умы,—относительно той роли, которая предстояла кавалеріи въ будущихъ войнахъ.

Надо сказать, что Сѣверскій полкъ въ этихъ интересныхъ маневрахъ не участвовалъ. Онъ тотчасъ послѣ смотровой стрѣльбы ушелъ на зимовыя квартиры въ Нальчикъ, такъ какъ была уже осень, а ему предстоялъ еще походъ черезъ горы,—и Нижегородскій полкъ остался въ лагерѣ единственнымъ представителемъ кавалеріи. На немъ и сосредоточилось общее вниманіе. Маневры длились два дня, не перерываясь даже по ночамъ, и Нижегородцамъ пришлось доказывать на дѣлѣ, что можно и должно ожидать отъ дѣйствія хорошей кавалеріи въ современномъ бою. Засады и внезапныя нападенія, игравшія первенствующую роль, не рѣдко совершенно парализировали массу огня, и эффекты являлись поразительные даже тамъ, гдѣ принималась въ расчетъ только сила физическая, и вовсе не принималась нравственная. Подобныхъ случаевъ было не мало, но выдающимся эпизодомъ маневра служила все-таки лихая переправа 1-го дивизіона, бросившагося вплавь черезъ Куру возлѣ нѣмецкой колоніи въ Кукахъ. Бѣшеная Кура была въ разливѣ, и предпріятіе казалось настолько опаснымъ, что князь Амилахвари счелъ необходимымъ окружить

штандартъ лучшими пловцами изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Переправились, однакоже, благополучно, и обходомъ непріятеля съ той стороны, откуда никто не могъ ожидать появленія кавалеріи — рѣшили маневръ. Великій князь самъ подъѣхалъ къ драгунамъ и благодарилъ ихъ за молодецкую переправу (4). Періодъ маневровъ закончился общимъ парадомъ, послѣ котораго великій князь оставилъ одинъ Нижегородскій полкъ, и приказалъ князю Амилахвари сдѣлать полковое ученье въ присутствіи принца Баденскаго. Передавая свои впечатлѣнія, одна современная корреспонденція говоритъ, что глядя на эти стройные, полные огня эскадроны, зрители невольно уносились въ туманную область будущаго,— быть можетъ и не очень отъ насъ отдаленную, мечтая о томъ, сколько новыхъ героевъ можетъ дать этотъ красивый фронтъ, и сколько славныхъ страницъ прибавитъ онъ къ нашей военной исторіи (5). Это было своего рода пророчество, потому что не прошло и десяти лѣтъ, какъ эти самые люди вписали въ нашу боевую лѣтопись: Бегли-Ахметъ, и Визинкейскія высоты.

Этимъ смотромъ закончился кампаментъ, и 27-го октября полкъ отпущенъ былъ въ Царскіе Колодцы.

Прошло 22 года съ тѣхъ поръ, какъ Нижегородскій полкъ, покинувъ Караагачъ, свою многолѣтнюю стоянку въ Кахетіи, перешелъ на берега Сулака,—и Караагачъ, ненужный и заброшенный, превратился въ историческія руины, которыхъ и безъ того много на поляхъ Кахетіи. Все, что жило тамъ вмѣстѣ съ полкомъ, послѣ того перебралось въ Царскіе Колодцы, и тамъ старилось, и доживало свой вѣкъ въ воспоминаніяхъ о прежнихъ богатырскихъ подвигахъ. Много съ тѣхъ поръ утекло воды, многое съ годами совершенно измѣнилось, и самые Царскіе Колодцы изъ цвѣтущей штабъ-квартиры также превратились въ развалины. Но и въ этихъ развалинахъ были люди, которые съ восторгомъ ожидали прихода родного имъ Нижегородскаго полка. Пусть, подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ, исчезъ его славный историческій мундиръ, извѣстный цѣлой Кахетіи; пусть время не оставило въ рядахъ полка никого, кромѣ стараго маіора Авалдова, кто бы помнилъ стоянку въ Царскихъ Колодцахъ и своимъ появленіемъ въ Алазанской долинѣ возбудилъ бы воспоминанія о дняхъ, когда драгуны служили охраною этой страны. Но если не осталось ни мундира, ни старыхъ людей, то осталось старѣйшее ихъ— имя полка, а оно-то и было всѣмъ дорого.

Съ своей стороны и молодые Нижегородцы съумѣли отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ преданіямъ своей сѣдой старины. Всѣ помнили и знали изъ разсказовъ прежнихъ людей, какъ жили въ Царскихъ Колодцахъ въ ту боевую пору, когда лица и событія мелькали и смѣнялись въ нихъ, какъ въ калейдоскопѣ. Старики драгуны всегда вспоминали съ любовью эту стоянку, гдѣ протекла ихъ молодость, гдѣ многіе изъ нихъ начали и кончили свою долгую служебную карьеру.

Когда 31-го октября Нижегородскій полкъ вступилъ въ Царскіе Колодцы, на встрѣчу къ нему вышли всѣ отставные драгуны съ хлѣбомъ и солью. Вышла привѣтствовать полкъ и всѣми любимая, всѣми уважаемая Екатерина Григорьевна Нечволодова, а вмѣстѣ съ нею вышла и другая, уже столѣтняя старуха—Бальцеръ, помнившая еще то время, когда вѣнчалась на царство царица Екатерина. Опираясь на клюку, она благословила дрожащею рукою полкъ, съ которымъ неразрывно сливались всѣ ея воспоминанія. Бальцеръ доживала свой долгій вѣкъ въ Царскихъ Колодцахъ, въ госпиталѣ, гдѣ, по желанію великаго князя, ей была устроена отдѣльная уютная комната, которую старушка покидала только, чтобы провести вечеръ—другой въ обществѣ Нижегородскихъ офицеровъ. Молодежь окружала ее заботливостію и никогда не отказывала поиграть съ ней «въ дурочки», единственную игру, которую она еще помнила. Старушка играла очень серьезно, сердилась, когда веселая молодежь плутовала или подтасовывала карты, и нерѣдко грозила шалунамъ своею клюкою.

Пріятно было расположиться среди своихъ послѣднихъ могикановъ, но, къ сожалѣнію, первые же мѣсяцы пребыванія полка на Царскихъ Колодцахъ связаны со скорбною утратой, которую понесли Нижегородцы въ лицѣ своей любимицы, дочери полка Маріи Николаевны Дегужи-Нижегородской. Ея исторія, съ которою мы уже отчасти знакомы, заключаетъ въ себѣ такъ много драматизма, и такъ рельефно рисуетъ нѣкоторыя характерныя черты самого Нижегородскаго полка, что она достойна болѣе подробнаго повѣствованія ([6]).

Марія Дегужи была военною добычею Нижегородцевъ.

Во время жаркаго боя съ шапсугами 7-го августа 1860 года, въ ущельѣ рѣчки Афипса, одинъ изъ офицеровъ Нижегородскаго полка поручикъ Махатадзе былъ посланъ съ приказаніемъ къ 3-му эскадрону начать отступленіе. Въ лощинѣ, покрытой густымъ кустарникомъ, на него напали двое шапсуговъ; онъ изрубилъ обоихъ и, поскакавъ далѣе, замѣтилъ, что

невдалекѣ стояла какая-то женщина съ ребенкомъ на рукахъ, а возлѣ нея вертѣлась маленькая дѣвочка. Возвращаясь назадъ, Махатадзе увидѣлъ трупъ убитаго имъ горца и возлѣ него сидѣвшую дѣвочку; ни женщины, ни другого ребенка уже не было. Дѣвочка, очевидно, была брошена на произволъ судьбы. Махатадзе взялъ ее на сѣдло и привезъ къ своему эскадрону. Всѣ офицеры собрались посмотрѣть на столь необыкновенную добычу. Дѣвочкѣ на видъ было 4 или 5 лѣтъ; цвѣтныя лох-

Домъ полкового командира въ Царскихъ Колодцахъ.

мотья покрывали ея маленькое исхудалое тѣльце; она была не красива собою, или, по крайней мѣрѣ, казалась такой подъ толстымъ слоемъ грязи и пыли, свидѣтельствовавшихъ о долгомъ скитанiи по лѣсамъ послѣ разгрома родного аула. Она не хотѣла, или боялась заговорить, не отвѣчала на вопросы и глядѣла дикой, испуганной козочкой. Съ большимъ трудомъ добились только, что ее зовутъ Афизе.

Впослѣдствiи лазутчики разузнали, что отецъ ея, убитый Маха-

тадзе, былъ узден 1-й степени, по имени Дегужи (7), что семейство его вмѣстѣ съ нимъ переселялось въ день битвы и, вѣроятно, успѣло бы спастись, если бы Дегужи не соблазнился, повидимому, легкой возможностью убить русскаго офицера. Искушеніе это стоило ему головы, а дочери его плѣна; жена его успѣла бѣжать, и что сталось съ нею и съ мальчикомъ, котораго Махатадзе видѣлъ мелькомъ при отцѣ во время катастрофы,—осталось неизвѣстно.

Въ средѣ Нижегородцевъ возникъ вопросъ, что дѣлать съ дѣвочкой. По старому обычаю, существовавшему у нихъ давно, рѣшено было признать ее дочерью Нижегородскаго полка, заботиться о ея воспитаніи и, по возможности, вывести ее на свѣтлую дорогу. Князь Амилахвари, какъ старшій изъ наличныхъ офицеровъ, взялъ ее на свое попеченіе. Тотчасъ же поскакалъ унтеръ-офицеръ въ Григорьевское укрѣпленіе, гдѣ квартировалъ 2-й дивизіонъ, чтобы приготовить для пріемыша чистое бѣлье, одежду и обувь. Когда вернулись драгуны, дѣвочку обмыли, пріодѣли и пріютили въ палаткѣ князя Амилахвари. Ближайшій надзоръ за нею порученъ былъ старому солдату Анаскевичу и фельдшеру Плуталову, которые замѣняли ей няньку и были первыми ея воспитателями. Простая добрая ласка русскаго солдата побѣдила упрямство маленькой горянки, она привязалась къ нимъ, полюбила этихъ страшныхъ чужихъ людей, которые носили ее на рукахъ, кормили ее лакомствами, дѣлали ей такія красивыя игрушки и разсказывали такія чудесныя сказки. Мало-по-малу маленькая Маша, какъ называли ее въ полку, освоилась съ своимъ положеніемъ; офицеры баловали ее наперерывъ; она стала звать ихъ братьями и только дичилась одного Махатадзе, несмотря на все его добродушіе и ласку. Быть можетъ, при видѣ его въ маленькой головкѣ смутно возникала страшная картина смерти отца. Она, однако, никогда не высказывала этого, видимо даже старалась побороть въ себѣ это чувство, но впечатлѣніе было уже черезчуръ сильно.

— Маша,—сказалъ ей однажды Амилахвари:—твоя мать жива; если хочешь, ты можешь возвратиться къ ней.

— Я не пойду къ матери,—грустно отвѣтила дѣвочка.

— Почему?

— Когда русскіе догоняли насъ, мой отецъ вернулся и хотѣлъ спасти меня, но его убили; мать же моя бѣжала и меня покинула. Зачѣмъ же я пойду къ ней?

Прошло около года. 20-го мая 1861 года въ станицѣ Николаевской семилѣтняя Афизе (такъ былъ опредѣленъ ея возрастъ по ея складу и по умственнымъ понятіямъ) была окрещена. Обрядъ былъ совершенъ въ Михайло-Архангельской церкви священникомъ Бальбуціевымъ, благочиннымъ 5-й бригады Кубанскаго казачьяго войска. Воспріемниками были: командиръ Нижегородскаго полка Николай Павловичъ Граббе и жена казачьяго есаула Шотъ. Маленькая Афизе наречена была во святомъ крещеніи Маріей, а по имени воспріемника получила отчество Николаевна. Фамилію ей присвоили двойную Дегужи-Нижегородская.

Въ тотъ же день всѣ офицеры, собравшись на крестинный пирогъ къ полковому командиру, постановили по возможности обезпечить будущность Маши матеріальными средствами, а для этого установить постоянные взносы изъ получаемаго жалованья. Въ результатѣ этого и явился нижеслѣдующій документъ, подписанный командиромъ полка и всѣми наличными офицерами:

«Дано сіе обязательство штабъ- и оберъ-офицерами Нижегородскаго драгунскаго его королевскаго высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полка дѣвицѣ дворянкѣ (дочери узденя 1-й степени) Маріи Николаевнѣ Дегужи-Нижегородской въ томъ, что каждый изъ нихъ ежетретно, сколько кто пожелаетъ, будетъ жертвовать въ пользу ея деньгами изъ получаемаго жалованья на ея воспитаніе и содержаніе впредь до замужества. По выходѣ же замужъ обязательные взносы прекращаются. Обязательство это распространяется также и на всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которые будутъ производимы или переводимы въ сей полкъ впослѣдствіи.

«Образованная такимъ образомъ сумма, въ составъ которой принимаются и частныя пожертвованія, отсылается въ Московскую сохранную кассу для приращенія процентами. Всѣ документы и наличныя деньги хранить въ полковомъ денежномъ ящикѣ, въ вѣдѣніи полковаго казначея, по тѣмъ же правиламъ и подъ тою же отвѣтственностію, какъ всѣ полковыя суммы» ([8]).

Чтобы охарактеризовать, какъ смотрѣли сами однополчане на это благое дѣло, приведемъ нѣсколько строкъ изъ современнаго письма одного нижегородца къ другому, бывшему въ то время въ отсутствіи: «Конечно,— сказано въ этомъ письмѣ,—не велика будетъ сумма, которая можетъ быть собрана нашими офицерами, получающими небольшое содержаніе, но все

же эти деньги могутъ современемъ обезпечить сироту, попеченіе о которой составляетъ для каждаго изъ насъ святое дѣло»... ([9]).

Въ пользу «нижегородской Маши», какъ писалось даже въ офиціальныхъ бумагахъ, поступало много посильныхъ пожертвованій и отъ офицеровъ, фамилій которыхъ мы не встрѣчаемъ подъ обязательствомъ.

Въ жизни дѣтей всегда встрѣчается какое-либо выдающееся изъ ряда происшествіе, которое даетъ толчекъ любознательности и вызываетъ переломъ въ обычномъ ходѣ ихъ умственнаго развитія. Такимъ важнымъ событіемъ въ дѣтской жизни Маріи Нижегородской былъ пріѣздъ въ Бозѣ почившаго государя императора, посѣтившаго Кавказъ въ 1861 году. Нижегородскій полкъ сопровождалъ государя до Ханъ-Кенды, куда онъ прибылъ ночью. На слѣдующее утро государь обходилъ лагерь. Войска вызваны были на линію. На правомъ флангѣ Нижегородцевъ стоялъ начальникъ дивизіи генералъ Тихоцкій, командиръ полка, и рядомъ съ нимъ князь Амилахвари. Машѣ велѣно было оставаться въ палаткѣ; но дѣвочка, слышавшая въ послѣдніе дни нескончаемые разговоры про предстоявшій пріѣздъ государя, волновалась не менѣе другихъ и, наконецъ, не выдержала. Одѣвшись въ красивый азіатскій костюмъ, она потихоньку пробралась позади своихъ драгунъ, и, подвигаясь постепенно все дальше и дальше, никѣмъ не замѣченная, остановилась наконецъ рядомъ съ Тихоцкимъ. Никто ея не видѣлъ. Все вниманіе и всѣ взоры обращены были на приближавшагося государя. Громкое ура неслось по линіи и гулкимъ, перекатнымъ эхомъ отдавалось въ горахъ. Минута была торжественная. Афизе подвинулась еще впередъ—и очутилась какъ-разъ передъ государемъ. Внезапное появленіе маленькой дѣвочки, среди грознаго военнаго стана, исключавшаго, казалось, всякую возможность присутствія въ немъ посторонняго лица, а тѣмъ болѣе ребенка, видимо изумило государя. Онъ улыбнулся.

— Это что у васъ?—спросилъ онъ Тихоцкаго.

Всѣ оглянулись—и только тутъ увидѣли свою Афизе. Тихоцкій доложилъ государю исторію дѣвочки, усыновленной Нижегородцами. Государь обласкалъ ребенка и, взявъ его за руку, повелъ съ собою по лагерю. Такъ счастливая дѣвочка рука въ руку съ императоромъ и обошла всю линію. Вернулась она гордая и радостная. Государь далъ ей конфектъ и цѣлую горсть серебряныхъ денегъ. Маша оставила конфекты у себя, а монеты раздала Анаскевичу и Плуталову ([10]).

Съ этого момента, какъ замѣчаютъ очевидцы, Маша точно выросла на цѣлый годъ. Не всегда она чувствовала себя удовлетворенною тѣми свѣдѣніями, которыя могли ей сообщить Плуталовъ или Анаскевичъ, ничего не видѣвшіе дальше Кавказа, а ея любознательности между тѣмъ не было границы. Ей хотѣлось знать то, что знаютъ другія русскія дѣвочки. Наступала пора серьезно заняться ея образованіемъ.

Въ 1862 году, князь Николай Амилахвари (впослѣдствіи убитый на правомъ флангѣ), отправляясь въ Тифлисъ, взялъ съ собою Машу и помѣстилъ ее въ частный пансіонъ madame Фавръ. Живая отъ природы и рѣзвая, Маша усердно принялась за науки, и madame Фавръ, время отъ времени, сообщала полку объ ея успѣхахъ. «Она добрая дѣвочка,— писала она въ одномъ изъ писемъ къ князю Амилахвари,—и надѣюсь, изъ нея выйдетъ славная дѣвица» (11). Потомъ помѣстили ее въ заведеніе св. Нины. Здѣсь она все рѣже и рѣже вспоминала свое вольное дѣтство, свои аулы и горы. Прелесть дикой горской жизни теряла уже свое обаяніе, являясь пылкому воображенію только неясными призраками соннаго видѣнія: она начинала жить иною жизнію, жизнію ума и сердца. Нижегородцы позаботились снабдить ее прекраснымъ альбомомъ, въ которомъ находились карточки всѣхъ офицеровъ полка, и, перелистывая ихъ, маленькая Маша всецѣло отдавалась впечатлѣнію своего недавняго прошлаго, чувствовала себя въ кругу дорогихъ существъ, любящихъ ее и заботящихся о ней. На князя Ивана Гивича Амилахвари она и не смотрѣла иначе, какъ на отца, и даже въ письмахъ называла его папашей. И какъ интересны своею наивностію и задушевностію ея дѣтскія письма! Въ одномъ изъ нихъ она проситъ о присылкѣ санокъ, чтобы покататься, въ другомъ—проситъ мячикъ, прибавляя, что «куколъ у нея много», съ радостію говоритъ, что «по-французски она уже разбираетъ», съ удовольствіемъ сообщаетъ о посѣщеніи ея Нижегородскими драгунами, которыхъ неизмѣнно называетъ братьями, жаждетъ свиданія съ княземъ Иваномъ Гивичемъ, передаетъ ему свои маленькія бѣды объ износкѣ башмаковъ и платья, проситъ выслать денегъ на возобновленіе ея костюма и проч., и проч. (12).

Нижегородцы, которыхъ судьба забрасывала въ Тифлисъ, никогда не упускали случая повидаться съ своею любимицей и сообщали свѣдѣнія о ней своимъ товарищамъ. «На этихъ дняхъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ, Д. Шишковъ, въ письмѣ своемъ къ князю Амилахвари:—я былъ

на балѣ въ заведенiи св. Нины и видѣлъ нашу Машу. Она узнала меня и цѣлый вечеръ не отходила и танцовала со мною. Его высочество великiй князь былъ также на балѣ. Онъ изволилъ много говорить съ Машей и спросилъ меня, кто объ ней теперь заботится. Я отвѣчалъ, что всѣ офицеры полка, а въ особенности ваше сiятельство» ([13]).

Будущность ясная и тихая, казалось, улыбалась Машѣ. Но тутъ, къ сожалѣнiю, повторилась исторiя, такъ часто случающаяся съ дѣтьми, попавшими въ непривычную для нихъ сферу жизни. Какъ оранжерейный цвѣтокъ, пересаженный въ грунтъ, нерѣдко погибаетъ, не выдержавъ прилива свѣта и воздуха, такъ и полевой цвѣтокъ, поставленный разомъ въ оранжерейныя условiя, чахнетъ и умираетъ въ тюремномъ заключенiи. Этотъ цвѣтокъ и можетъ служить эмблемою «нижегородской Маши». Проводя въ прежнее время цѣлые дни въ палаткѣ или на открытомъ воздухѣ, шлепая по цѣлымъ часамъ босыми ноженками по грязи, она чувствовала себя физически гораздо бодрѣе, нежели въ городѣ. Обстановка комнатной жизни и приливъ все новыхъ и новыхъ впечатлѣнiй отражались гибельно на ея организмѣ. Упорная золотуха, появившаяся сперва на головѣ, бросилась въ грудь. Ее лѣчилъ извѣстный въ Тифлисѣ медикъ, Прибыль, но болѣзнь въ началѣ весны 1865 года сдѣлала такiе успѣхи, что начальница заведенiя писала въ полкъ, совѣтуя взять Машу и отдать ее на излѣченiе какому-нибудь туземному медику. Князь Амилахвари распорядился отправить ее къ себѣ въ родовое имѣнiе, въ сел. Чалы, Горiйскаго уѣзда; тамъ она поправилась и снова возвратилась въ заведенiе. Въ сентября мѣсяцѣ 1865 года Машу перевели въ Закавказскiй дѣвичiй институтъ; но здѣсь она заболѣла уже скарлатиной, простудилась вновь, и докторъ Гоппе вскорѣ заявилъ, что Маша больна чахоткой, и болѣзнь принимаетъ такiе размѣры, что ей необходимо перемѣнить обстановку и климатъ. 1-го февраля 1868 года, ее взяли изъ института опять въ деревню къ князю Амилахвари. Лѣто она провела вмѣстѣ съ классными дамами въ Желѣзноводскѣ, гдѣ, судя по ея письмамъ, много танцовала на вечерахъ, и потомъ жила опять нѣкоторое время въ Чалахъ. Полкъ, между тѣмъ, прибылъ въ Тифлисъ. Чувствовала ли Маша, что ея жизнь вмѣсто расцвѣта угасаетъ, но только она высказала горячее желанiе жить и не покидать болѣе родного полкового общества. Князь Амилахвари уже былъ женатъ, и въ лицѣ княгини Анны Александровны Маша нашла себѣ добрую, любящую маму, ласки

которой такъ нужны были этой молодой нѣжной натурѣ. Ей шелъ уже пятнадцатый годъ. Это была дѣвушка высокаго роста, стройная, и если не красавица, то съ добрымъ симпатичнымъ лицомъ, оживлявшимся быстрыми и умными глазами. Въ сухомъ климатѣ Царскихъ Колодцевъ Маша стала чувствовать себя хуже и зимою тихо угасла.

Похороны ея были торжественныя. Всѣ офицеры и солдаты сопровождали гробъ «своей Маши» подъ трогательно-величавые звуки погребальнаго марша. Надъ гробомъ дочери полка, взятой въ бою ребенкомъ, воспитанной офицерами и скончавшейся у нихъ на рукахъ, устроенъ кирпичный склепъ, и надъ нимъ воздвигнута каменная часовня; кругомъ—прекрасный цвѣтникъ. Часовня стоитъ въ углу церковной ограды, и ея оштукатуренныя стѣны издали бросаются въ глаза своею яркою бѣлизною; крыльцо изъ тесаннаго камня. Высокій шпиль покрытъ листовымъ желѣзомъ; надъ шпилемъ—крестъ. Внутри—роза со сломаннымъ стеблемъ—эмблема такъ рано угасшей жизни, и образъ св. Маріи. Подъ образомъ надпись:

«Сооружено Нижегородцами.

«Здѣсь покоится прахъ дочери Нижегородскаго драгунскаго полка, Маріи Дегужи, взятой въ плѣнъ ребенкомъ въ ущельѣ при рѣкѣ Афипсѣ 7-го августа 1860 года. Скончалась въ 1868 году. Цвѣла 15 лѣтъ».

Памятникъ освященъ 1-го іюня 1869 года. Тогда же посадили вокругъ него четыре дерева: одно—князь Амилахвари, другое—княгиня Анна Александровна, третье—одинъ изъ офицеровъ, участвовавшій въ дѣлѣ 7-го августа, гдѣ взята была Марія, и четвертое—инженерный офицеръ, строившій памятникъ.

Въ день открытія памятника былъ парадъ. Князь Амилахвари обошелъ ряды и, остановившись передъ Лазовымъ, однимъ изъ тѣхъ драгунъ, который былъ при взятіи въ плѣнъ Маріи, произвелъ его въ унтеръ-офицеры. «Просто было сказано,—пишетъ въ своемъ письмѣ одинъ изъ очевидцевъ:—поздравляю, ты унтеръ-офицеръ!» Но я видѣлъ лица солдатъ и на нихъ прочелъ, какъ много чувствовали они въ эти минуты»... ([14]).

Въ благодарность за сооруженіе памятника, во время поминальнаго обѣда старшій вахмистръ Плетеницкій и унтеръ-офицеръ Лазовой поднесли инженеру простую солдатскую шашку съ перевязью ([15]).

Для увѣковѣченія памяти дочери полка общество офицеровъ поста-

новило ежегодно отправлять изъ процентовъ оставшагося послѣ нея капитала въ мѣстный военный храмъ въ Царскихъ Колодцахъ, при которомъ покоится прахъ ея, 25 рублей для поминовенія усопшей и ремонтированія памятника.

По смерти Маріи, за всѣми издержками на ея воспитаніе, похороны и памятникъ, остался капиталъ въ 2.086 рублей, подъ офиціальнымъ названіемъ «капитала дочери полка Маріи Дегужи-Нижегородской». Этотъ капиталъ имѣетъ спеціальное назначеніе—выдачу заимообразныхъ ссудъ офицерамъ. Въ результатѣ—имя Маріи не умираетъ въ полку, потому что наслѣдіе, оставленное ею, не умаляясь, переходитъ отъ стараго поколѣнія къ новому, поддерживая въ немъ память объ одномъ изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ эпизодовъ внутренней, такъ сказать, духовной жизни полка.

Памятникъ надъ могилою дочери полка Маріи Дегужи-Нижегородской.

Чалы—имѣніе князя Амилахвари.

IV.

На старомъ пепелищѣ.

(1869—1870 г.).

Смотръ великаго князя Николая Николаевича.—Князь Амилахвари въ Красномъ Селѣ.—Особое вниманіе государя къ Нижегородскому полку.—Поѣздка Амилахвари къ князю Барятинскому.—Столѣтній юбилей ордена св. Георгія.— Поднесеніе знаковъ этого ордена королю Вильгельму графомъ Ностицемъ.—Празднованія въ Петербургѣ.—Зачисленіе въ полкъ генерала Багговута.—Открытіе памятника въ Караагачѣ.—Выступленіе полка изъ Царскихъ Колодцевъ.—Нижегородскій полкъ на народномъ праздникѣ въ селеніи Чалы.

Расположившись въ Царскихъ Колодцахъ, Нижегородскій полкъ началъ готовиться къ смотру генералъ-инспектора кавалеріи великаго князя Николая Николаевича, который долженъ былъ прибыть на Кавказъ раннею весною 1869 года. Три полка, квартировавшіе на Сѣвер-

номъ Кавказѣ, собирались въ Прохладной, четвертый, Нижегородскій, долженъ былъ представиться на смотръ въ Царскихъ Колодцахъ.

Со времени своего назначенія генералъ-инспекторомъ (15-го августа 1864 года) великій князь еще не видѣлъ кавказскихъ драгунъ, а потому къ смотру его готовились съ нѣкоторой тревогой, сознавая, что тѣ коренныя реформы, которыя были введены имъ въ кавалеріи, не могли еще прочно укорениться въ кавказскихъ полкахъ, гдѣ условія стоянокъ и самой жизни, не отрѣшившейся вполнѣ отъ вліянія многолѣтней войны, были совершенно иныя, нежели въ Россіи. Его императорское высочество прибылъ въ Царскіе Колодцы вечеромъ 7-го апрѣля, вмѣстѣ съ августѣйшимъ братомъ своимъ главнокомандующимъ Кавказскою арміею, и былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ отъ лейбъ-эскадрона. На слѣдующій день былъ смотръ. Строевымъ ученьемъ великій князь остался доволенъ; особенно отличились 1-й и 4-й эскадроны подполковника принца Альберта Саксенъ-Альтенбургскаго *) и маіора Андреева, которые лихо пронеслись черезъ зеленый барьеръ; но за то выводка лошадей вызвала серьезныя замѣчанія ([1]). По конскому составу Нижегородскій полкъ былъ, дѣйствительно, слабѣе другихъ полковъ въ дивизіи, что объясняется главнымъ образомъ усиленными ремонтами во время минувшей войны, когда лошадей выбирать было не изъ-чего. Время стояло горячее: полку предстояли большіе походы, и приходилось заполнять ряды поневолѣ тѣмъ, что попадалось подъ руку. Эти кони сослужили свою боевую службу, но по окончаніи войны изъ нихъ оказалось такъ много запаленныхъ, слабыхъ и разбитыхъ ногами, что замѣнить ихъ всѣхъ одними годовыми ремонтами не представлялось никакой возможности. Къ этому прибавились еще климатическія условія невыгодныя для полка, перешедшаго съ Сѣвернаго Кавказа въ сухую Ширакскую степь, гдѣ овесъ пришлось замѣнить ячменемъ, а проточную воду колодезной. Высказывая свои замѣчанія, его высочество тутъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ Нижегородскій полкъ сверхъ годового ремонта достав-

*) Принцъ началъ русскую службу въ 1865 году поручикомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, и черезъ два года, посланный на Кавказъ безсмѣннымъ ординарцемъ къ великому князю Михаилу Николаевичу, былъ прикомандированъ имъ къ Нижегородскому полку, въ Георгіевскѣ. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ отчислился снова въ свиту великаго князя, а 1-го октября 68-го года опять переведенъ былъ въ Нижегородскій полкъ подполковникомъ, командовалъ въ Царскихъ Колодцахъ лейбъ-эскадрономъ около года и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ службу уже въ лейбъ-гусарахъ.

лено было изъ другихъ резервныхъ эскадроновъ дивизіи еще 40 лошадей, дабы освѣжить весь конскій составъ его по возможности разомъ (2).

Когда генералъ-инспекторъ окончилъ замѣчанія, великій князь Михаилъ Николаевичъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Я знаю Нижегородскій полкъ, знаю духъ его офицеровъ, и могу засвидѣтельствовать, что всѣ замѣчанія, сдѣланныя вашимъ высочествомъ, будутъ исправлены въ самое короткое время (3).

Великій князь отвѣчалъ:

— Я лично удостовѣрился въ полномъ усердіи и рвеніи какъ полкового, такъ и эскадронныхъ командировъ, и уѣзжаю съ убѣжденіемъ, что полкъ, столь справедливо заслужившій громкую военную славу, будетъ служить примѣромъ для другихъ и въ мирныхъ занятіяхъ (4).

Тогда же по мысли великаго князя Николая Николаевича рѣшено было командировать на лѣтнее время въ Красносельскій лагерь трехъ генераловъ и двухъ штабъ-офицеровъ отъ Кавказской арміи, чтобы дать имъ средство ближе ознакомиться со всѣми новѣйшими взглядами на военное дѣло, и съ тѣми порядками внутренней службы, которые были приняты въ Россіи. Въ число этихъ лицъ назначенъ былъ и князь Амилахвари. Въ Красномъ Селѣ они присутствовали при всѣхъ ученіяхъ гвардіи, и видѣли лучшія наши войска не только въ полѣ, но и въ ихъ домашнемъ быту, при обыденныхъ занятіяхъ, во всякое время и при всякихъ условіяхъ, а князю Амилахвари, какъ представителю кавказскихъ драгунъ, по распоряженію великаго князя показаны были во всей подробности полки лейбъ-гвардіи гусарскій, уланскій и конно-гренадерскій.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ лагерь прибылъ государь императоръ и начались смотры, на которыхъ нашимъ кавказцамъ приказано было находиться въ свитѣ его величества. Одинъ изъ этихъ смотровъ остался особенно памятнымъ по тѣмъ выдающимся знакамъ высокаго вниманія и милости, которыми государю угодно было почтить боевыя заслуги Нижегородскаго полка, въ лицѣ его командира. Случилось это слѣдующимъ образомъ: 23-го іюля назначенъ былъ смотръ учебному кавалерійскому эскадрону и эскадрону юнкеровъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, выстроившимся у Царскаго валика. Вся свита, въ ожиданіи государя, стояла на правомъ флангѣ. Ровно въ пять часовъ пополудни показалась царская коляска, и всѣ съ удивленіемъ замѣтили, что государь былъ не въ обычной формѣ, въ какой его привыкли видѣть на смотрахъ, а въ

фуражкѣ съ бѣлымъ чехломъ, какую въ красносельскомъ лагерѣ носили одни только кавказцы. Государь, дѣйствительно, былъ въ мундирѣ Нижегородскаго драгунскаго полка. Онъ сѣлъ на подведеннаго ему рослаго гнѣдого коня, засѣдланнаго также нижегородскимъ вальтрапомъ, и шагомъ направился къ свитѣ. «Князь Амилахвари!» раздался вдругъ его звучный голосъ. Амилахвари далъ шпоры коню, и выскочивъ впередъ, остановился передъ государемъ. Императоръ взялся подъ козырекъ. «Имѣю честь явиться къ командиру Нижегородскаго драгунскаго полка!» сказалъ онъ громкимъ, отчетливымъ голосомъ. Амилахвари нагнулся, чтобы поцѣловать его руку, но государь его обнялъ и сказалъ: «Передай полку, что я горжусь носить его славный мундиръ. Благодарю тебя и полкъ за боевую службу». Затѣмъ государь вынулъ изъ ноженъ свою шашку и, передавая ее прусскому генералу Вернеру, сказалъ: «Посмотрите, какую славную шашку поднесли мнѣ мои Нижегородцы». «Да, ваше величество»,—отвѣтилъ Вернеръ: «это одинъ изъ стариннѣйшихъ клинковъ, какіе мнѣ только доводилось видѣть». Онъ передалъ шашку военному министру, и она пошла ходить по рукамъ, а государь терпѣливо ждалъ, пока она къ нему возвратилась. «Гдѣ вы добыли такой клинокъ?» спросилъ онъ между прочимъ Амилахвари.—Въ Кабардѣ, ваше величество.— «Спасибо, еще разъ спасибо», сказалъ государь, и вложивъ шашку, тронулъ лошадь впередъ. Свита поскакала за государемъ.

Изъ Красносельскаго лагеря кавказцы наши вынесли самыя сердечныя и теплыя воспоминанія о великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Съ тѣхъ поръ прошло уже четверть вѣка, великій князь давно уже въ могилѣ, но современники и до сихъ поръ съ восторгомъ вспоминаютъ время, проведенное подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Онъ былъ любимецъ солдатъ и офицеровъ. Всѣ привыкли видѣть его возлѣ себя каждую минуту, и потому внезапное появленіе его никого не смущало, никого не ввергало въ трепетъ; напротивъ, взоръ солдатъ загорался любовью и, часто утомленные, они удваивали энергію, чтобы отличиться «передъ своимъ княземъ». Раньше другихъ выѣзжалъ онъ на учебное поле, и покидалъ его нерѣдко послѣднимъ. Никто и никогда не видалъ его гнѣвнымъ, хмурымъ или раздраженнымъ; ошибки и даже безпорядки, неизбѣжные тамъ, гдѣ есть люди, исправлялись имъ быстро и спокойно; всегда находилось у него про запасъ и ласковая шутка и доброе слово. Государь также относился къ кавказцамъ съ особымъ вниманіемъ. Выѣз-

Великій князь Николай Николаевичъ.

Генералъ-Инспекторъ кавалеріи

(1869 г.).

жая изъ Краснаго Села, онъ имъ сказалъ между прочимъ: «А съ вами я не прощаюсь; я прощусь съ вами у себя дома, въ Царскомъ Селѣ». Черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, они были приглашены къ обѣду въ царскосельскій дворецъ. Государь принялъ ихъ по домашнему, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, и показавъ на большую картину, изображавшую въѣздъ его въ Тифлисъ, когда онъ былъ еще цесаревичемъ, сказалъ: «Вотъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни». За обѣдомъ государь самъ потчевалъ всѣхъ бургонскимъ виномъ, говоря, что оно должно напоминать кавказцамъ ихъ славное кахетинское. Обѣдъ прошелъ чрезвычайно оживленно, а послѣ него государь приказалъ показать «своимъ дорогимъ гостямъ» всѣ достопримѣчательности Царскаго, что заняло у нихъ время до самаго вечера (5).

На обратномъ пути въ полкъ князь Амилахвари, вмѣстѣ съ капитаномъ Витте, возвращавшимся изъ учебнаго кавалерійскаго эскадрона, заѣхалъ въ курское имѣніе князя Барятинскаго, чтобы представиться фельдмаршалу. Барятинскій, страдавшій въ то время подагрою, принялъ ихъ въ вольтеровскомъ креслѣ, въ сюртукѣ Кабардинскаго полка и съ Георгіемъ на шеѣ. При входѣ офицеровъ, онъ всталъ, опираясь на палку, и сказалъ: «Командира Нижегородскаго полка фельдмаршалъ не можетъ принять иначе, какъ въ кабардинскомъ мундирѣ и съ Георгіемъ». Разговоръ тотчасъ перешелъ на Кавказъ. Барятинскій говорилъ, что онъ живетъ въ воспоминаніяхъ о прошломъ. «Я всѣхъ васъ помню, вы всѣ живете у меня вотъ здѣсь, — сказалъ онъ, указывая на сердце. — Взгляните сюда» — и онъ показалъ рукою на стѣну. Амилахвари и Витте взглянули и съ удивленіемъ увидѣли плохую литографію съ извѣстной картины Коррадини «Группа нижегородскихъ офицеровъ». «Не называйте никого,—сказалъ онъ:—я самъ назову вамъ всѣхъ»—и онъ безошибочно произнесъ до тридцати фамилій.

У князя Барятинскаго Амилахвари и Витте прогостили три дня, которые прошли незамѣтно среди оживленныхъ разсказовъ, прогулокъ и катаній по окрестностямъ. Но гдѣ бы они ни были, разговоры ихъ все возвращались къ Кавказу. «Полюбите его такъ, какъ мы его любили,—говорилъ Барятинскій, обращаясь къ Витте, какъ къ представителю юнаго кавказскаго поколѣнія: — Его народы достойны любви и уваженія: они рыцарски храбры, честны, и что бы про нихъ ни говорили — исполнены добродушія. Вотъ посмотрите,—онъ указалъ на шашку, висѣвшую у него

въ кабинетѣ: — это шашка Шамиля. Знаете ли, какъ онъ поступилъ со мною? Передъ отъѣздомъ въ Мекку, онъ гостилъ у меня нѣсколько дней, а потомъ, когда экипажи его уже были поданы, вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, снялъ съ себя вотъ эту самую шашку, и говоритъ: «Тридцать лѣтъ носилъ я эту шашку, и никто не могъ ее снять съ меня. Ты могъ снять, но не снялъ, — и она никому не должна принадлежать, кромѣ тебя. Теперь я иду молиться — возьми ее на память». Онъ наклонился и положилъ ее къ моимъ ногамъ. Я его обнялъ, а шашку повѣсилъ рядомъ съ моимъ фельдмаршальскимъ жезломъ».

Вспоминая о прошломъ, Барятинскій разсказывалъ цѣлую массу анекдотовъ. «Однажды, будучи еще флигель-адъютантомъ, — говорилъ онъ: — я ѣхалъ въ Тифлисъ и былъ застигнутъ около Пассанаура страшною грозою. Экипажъ сломался, и я, оставивъ при немъ человѣка, пошелъ пѣшкомъ. На встрѣчу мнѣ ѣдетъ конный грузинъ. Увидѣвъ русскаго офицера, идущаго подъ ливнемъ, онъ соскочилъ съ лошади. «Садись, — говоритъ, — и поѣзжай: я приду на станцію и возьму свою лошадь». Я далъ ему полуимперіалъ; онъ отказался. Доѣхалъ я до станціи верхомъ, выспался, а между тѣмъ подошелъ экипажъ, и мнѣ доложили, что лошади запряжены. Выхожу садиться — и вижу, мой грузинъ стоитъ у крыльца. «Князь, давай деньги». — «Да вѣдь я тебѣ давалъ, ты не взялъ». — «Не взялъ, это правда. Да видишь ты, я думалъ, ты бѣдный офицеръ; какъ, думаю, взять съ бѣднаго офицера. А теперь давай, я знаю, кто ты». Я далъ ему цѣлую горсть золота». «А нашъ кавказскій солдатъ, — вдругъ заговорилъ онъ, одушевляясь: — Что это за прелесть! Гдѣ найдешь ему подобнаго? Я былъ уже главнокомандующимъ. Ѣду одинъ разъ изъ Шуры съ княземъ Григоріемъ Орбеліани въ его коляскѣ; четверка славная, на козлахъ правитъ полковой фурштадтъ. Я много курю, а тутъ, какъ нарочно, камердинеръ забылъ положить мнѣ спички. «Досадно, — говорю Орбеліани: — закурить нечѣмъ». Гляжу, фурштадтъ полѣзъ молча за голенище, вынулъ кресало, не торопясь высѣкъ огня, и не глядя на меня, черезъ плечо подаетъ зажженный трутъ: «Закуривайте!» Вотъ онъ, настоящій нашъ кавказскій солдатъ, не смущающійся ни передъ чѣмъ, даже передъ своимъ главнокомандующимъ».

Барятинскій показалъ имъ также лодку-плащъ, присланную ему изъ Америки. Плащъ, какъ плащъ, — а если надуть его, то образуется лодка, для которой весла, также складныя, помѣщаются тутъ же въ карманахъ

«Передай полку, что я горжусь носить его славный мундиръ».

Великій Князь Николай Николаевичъ. Императоръ Александръ II. Полковникъ Князь Амилахвари.

Ген.-Ад. Милютинъ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ.
Ген.-Ад. Графъ А. В. Адлербергъ. Ген.-Ад. Н. В. Воейковъ.
Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ.
Ген.-Ад. Бар. Притвицъ. Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

плаща. Во время одной изъ прогулокъ, Барятинскій велѣлъ казаку надуть этотъ плащъ, и вмѣстѣ съ Амилахвари и Витте, переѣхалъ въ немъ на другой берегъ Сейма. «Вотъ если бы такія лодки да нашимъ драгунамъ», сказалъ онъ раздумчиво. Онъ хотѣлъ писать о ней государю; но что сталось впослѣдствіи съ этимъ, во всякомъ случаѣ не лишеннымъ оригинальности, изобрѣтеніемъ,—неизвѣстно.

Отъ Барятинскаго князь Амилахвари и Витте проѣхали въ Кіевъ къ князю Дондукову-Корсакову; тамъ опять тѣ же нескончаемыя воспоминанія и разговоры о Кавказѣ и тѣ же поклоны роднымъ Нижегородцамъ... (6).

Въ отсутствіе князя Амилахвари полкъ между тѣмъ отбылъ осенній кампаментъ въ Тифлисѣ, и, вернувшись въ Царскіе-Колодцы, началъ готовиться къ торжественному чествованію дня св. Георгія, совпавшаго въ этомъ году со днемъ столѣтняго юбилея учрежденія самаго ордена. Высокое значеніе этого праздества было понятно каждому, и мысли всѣхъ переносились въ Петербургъ, гдѣ вокругъ державнаго кавалера сгруппировались тогда всѣ храбрѣйшіе представители арміи.

Поутру этого дня въ Тифлисѣ получена была отъ великаго князя Михаила Николаевича телеграмма, которую князь Мирскій немедленно разослалъ по полкамъ. «Поздравляю отъ души кавказскихъ георгіевскихъ кавалеровъ,—телеграфировалъ великій князь:- Сейчасъ иду во дворецъ на большой выходъ, гдѣ буду нести орденскіе знаки императрицы Екатерины».

«Глубоко тронуты поздравленіемъ Вашего Императорскаго Высочества, — отвѣчалъ князь Мирскій: — Сожалѣемъ о Вашемъ отсутствіи. Въ Вашемъ дворцѣ пьемъ Ваше здоровье. Желаемъ видѣть на Вашей груди знаки ордена св. Георгія 1-й степени». Это сердечное пожеланіе оказалось пророческимъ: черезъ восемь лѣтъ кавказская армія съ гордостью увидѣла на своемъ вождѣ георгіевскую ленту.

— Умилительны и полны величія были минуты, — говоритъ одинъ очевидецъ: — когда императоръ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ въ Бѣлую залу, гдѣ были собраны всѣ георгіевскіе кавалеры, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ обширной Россіи. Императоръ былъ съ андреевскою цѣпью и въ лентѣ св. Георгія 1-й степени. «Повинуясь волѣ Учредительницы нашего Военнаго ордена, положительно выраженной ею въ манифестѣ по случаю его основанія, — сказалъ государь, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ: — Я, какъ гроссмейстеръ ордена, сегодня возложилъ на себя первую степень его. Но мнѣ особенно дорогъ крестъ

четвертой степени, который я ношу; и день, въ который я удостоился получить его на Кавказѣ, принадлежитъ къ числу счастливѣйшихъ воспоминаній моей жизни». Затѣмъ государь обратился къ принцу прусскому Альберту и сказалъ: «Я избралъ этотъ день для препровожденія ордена 1-й степени его величеству королю прусскому Вильгельму, съ которымъ Меня соединяютъ узы родства, личной дружбы и глубокаго уваженія, а также и по воспоминаніямъ, что его величество король получилъ этотъ орденъ 4-й степени еще въ 1814 году».

Для поднесенія королю орденскихъ знаковъ государь избралъ свиты его величества графа Ностица, бывшаго командира Нижегородскаго полка, и тоже георгіевскаго кавалера (7). Вотъ что мы находимъ объ этомъ въ любопытныхъ запискахъ самого графа Ностица:

«Посылая меня въ Берлинъ для поднесенія королю знаковъ Георгія 1-го класса, государь въ то же время повелѣлъ мнѣ передать тотъ же крестъ 4-й степени наслѣдному принцу прусскому. «Скажи—прибавилъ Государь:—что знакъ, который я ему посылаю, хотя и 4-й степени, но имѣетъ для меня великое значеніе, такъ какъ его носилъ общій нашъ дядя, императоръ Александръ Павловичъ, когда въ кампаніяхъ 13-го и 14-го годовъ стоялъ во главѣ соединенныхъ войскъ Россіи и Пруссіи.

«Ты, какъ георгіевскій кавалеръ, добавилъ онъ,—знаешь, что императоръ Александръ I-й сдѣлалъ для ордена. Это объясни наслѣдному принцу» (8).

29-го ноября я прибылъ въ Берлинъ, и принятъ былъ королемъ въ торжественной аудіенціи. Я передалъ его величеству слова императора и вручилъ ему орденъ.

— Сколько у васъ кавалеровъ 1-й степени? спросилъ меня король. «Одинъ, отвѣчалъ я:—это ваше величество».—А 2-й степени? – «Четыре, былъ мой отвѣтъ: великій князь Михаилъ Николаевичъ, князь Барятинскій, графъ Лидерсъ и графъ Евдокимовъ».—3-й степени? спросилъ король.—«33 кавалера» (9). Это поразило его. «Но, вѣроятно, много кавалеровъ 4-й степени?» спросилъ онъ, и удивился еще болѣе, когда узналъ, что ихъ было всего 160 человѣкъ.

— Какъ! На всю вашу громадную армію такое ограниченное число? Я зналъ, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ генераламъ, что славный этотъ орденъ дается очень рѣдко, но никогда не полагалъ, что число храбрыхъ, украшенныхъ этимъ бѣлымъ крестомъ, было такъ ограничено.

— Какой мундиръ вы носите? спросилъ король: —я знаю всѣ мундиры вашей арміи, но этого не видалъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ я: —я имѣлъ счастіе командовать славнымъ боевымъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ на Кавказѣ и удостоился получить мундиръ его въ память того, что этому полку за подвиги, оказанные въ Кавказской войнѣ, государь благоволилъ пожаловать еще невиданное у насъ отличіе—георгіевскія петлицы на воротники нижнихъ чиновъ. Передавая по порученію моего августѣйшаго монарха пожалованный вамъ орденъ, я надѣлъ и мундиръ моего боевого полка.

Затѣмъ по желанію короля я перевелъ ему нѣсколько параграфовъ изъ статута ордена, и между тѣмъ то мѣсто, гдѣ великая учредительница его повелѣваетъ праздновать день основанія ордена вездѣ, гдѣ будетъ находиться кавалеръ 1-й степени. «Это я свято исполню»,—сказалъ король, приклонивъ голову, и, дѣйствительно, въ теченіе всей своей жизни 26-го ноября онъ собиралъ у себя въ Берлинскомъ дворцѣ всѣхъ нашихъ георгіевскихъ кавалеровъ, а также кавалеровъ своего ордена Pour le mérite, и австрійскаго—Маріи-Терезіи.

Такъ какъ наслѣднаго принца въ Берлинѣ въ то время не было, то аудіенція у него состоялась только въ день новаго 1870 года, при чемъ графъ Ностицъ вручилъ его высочеству письмо государя, въ которое былъ вложенъ и старый крестъ съ полинялою лентой. Принцъ видимо былъ тронутъ вниманіемъ императора и сказалъ графу: «Вы, какъ георгіевскій кавалеръ, надѣньте мнѣ этотъ орденъ сами, и я не забуду, нося его, что поднесъ его мнѣ сынъ любимаго адъютанта принца Людвига-Фердинанда, который такъ храбро его защищалъ въ злополучномъ Саальфельдскомъ дѣлѣ».

Въ тотъ же день на выходѣ въ Большомъ дворцѣ, король, обходя генераловъ, подошелъ къ графу Ностицу и сказалъ ему слѣдующія знаменательныя слова: «Передайте его величеству, что я никогда не разстанусь съ орденомъ, который вы мнѣ привезли. Этотъ крестъ принесетъ мнѣ счастіе—таково мое предчувствіе». И предчувствіе это сбылось. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя началась война, а черезъ годъ король въ Версальскомъ дворцѣ провозглашенъ былъ императоромъ германскимъ ([10]).

Но возвратимся къ событіямъ, непосредственно касавшимся Нижегородскаго полка.

Такъ какъ празднованіе столѣтняго юбилея георгіевскаго ордена продолжалось въ Петербургѣ три дня, то это торжество захватило въ

свой кругъ и 27-е число, день полкового Нижегородскаго праздника. Въ этотъ день былъ общій парадъ, а затѣмъ большой завтракъ въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовали всѣ георгіевскіе кавалеры. Во время завтрака государь поднялся съ бокаломъ, и подозвавъ къ себѣ Нижегородцевъ: великаго князя Михаила Николаевича, Безобразова, князя Дондукова, графа Ностица, Граббе, князя Чавчавадзе, Петрова и генерала Багговута, провозгласилъ отдѣльный тостъ за Нижегородскій полкъ. Объ этомъ выдающемся вниманіи государя, великій князь поспѣшилъ сообщить полку телеграммой, и вмѣстѣ съ тѣмъ телеграфировалъ, что бывшій командиръ Нижегородскаго полка генералъ-лейтенантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ назначенъ генералъ-адъютантомъ его величества, а генералъ Багговутъ зачисленъ въ полкъ, какъ бывшій начальникъ кавалеріи дѣйствующаго корпуса на Кавказско-турецкой границѣ, въ память славныхъ дѣлъ его подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ и Кюрюкъ-Дара.

Не считая самого государя и великаго князя Михаила Николаевича, это былъ уже шестой генералъ, зачисленный въ списки полка съ тѣхъ поръ, какъ Нижегородскій полкъ получилъ георгіевскія петлицы, а съ ними и право для старыхъ своихъ командировъ носить полковой мундиръ, какъ соучастниковъ тѣхъ славныхъ подвиговъ, которые доставили полку еще небывалое у насъ отличіе (11). Первымъ изъ этихъ командировъ зачисленъ былъ генералъ отъ кавалеріи Шабельскій, а затѣмъ послѣдовательно зачислены были генералы Безобразовъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, графъ Ностицъ, графъ Граббе и, наконецъ, Багговутъ. Такимъ образомъ старыя полковыя преданія оживали вновь, и полкъ, доблестно послужившій царю на ратномъ полѣ, вновь видѣлъ въ своихъ рядахъ тѣхъ старыхъ вождей, о которыхъ въ молодомъ поколѣніи жила никогда не умирающая память.

Багговутъ самъ телеграфировалъ въ полкъ о своемъ назначеніи, а черезъ три года старый генералъ уже на склонѣ жизненнаго пути посѣтилъ Пятигорскъ, пожелавъ еще разъ увидать снѣговыя вершины Кавказа, «гдѣ,—какъ онъ писалъ князю Амилахвари:—онъ началъ жить жизнью солдата, и гдѣ Нижегородцы доставили ему репутацію порядочнаго генерала» (12). Онъ провелъ все лѣто среди Нижегородцевъ, и памятникомъ его пребыванія остался большой серебряный ковшъ, пожертвованный имъ въ полковую церковь въ память сраженія подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 года Нижегородскому полку пришла оче-

редь возвратиться на Сѣверный Кавказъ,—но уже на новыя квартиры, которыя назначены были ему, вмѣстѣ съ Сѣверскимъ полкомъ, въ Пятигорскѣ. Георгіевскъ, какъ по лихорадочной мѣстности, такъ и вообще по неудобствамъ расположенія въ немъ полка, былъ совсѣмъ исключенъ изъ разряда кавалерійскихъ стоянокъ.

Покидая Царскіе Колодцы, столь близкіе полку по историческимъ воспоминаніямъ, Нижегородцы оставляли въ нихъ и теперь прочные слѣды своего пребыванія. Долго и съ отрадою въ сердцѣ будутъ ихъ вспоминать люди, какъ Екатерина Григорьевна Нечволодова, старушка Бальцеръ и другіе древляне Нижегородскаго полка; но еще краснорѣчивѣе ихъ будутъ говорить о Нижегородцахъ безмолвные памятники, оставленные ими на поляхъ Караагача, и въ самомъ центрѣ города, въ оградѣ соборнаго храма, гдѣ надгробная часовня разскажетъ трогательную повѣсть о юной Маріи, угасшей на самомъ разсвѣтѣ своего тихаго, прекраснаго утра.

Мысль о сооруженіи памятника на поляхъ Караагача, тамъ, гдѣ въ старые годы стоялъ Нижегородскій станъ, сторожившій Кахетію, принадлежала князю Амилахвари, и была осуществлена имъ 1-го октября 1869 года, когда памятникъ торжественно былъ освященъ въ присутствіи полка и множества жителей, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ Алазанской долины. Онъ представляетъ собою высокій, сложенный изъ камня обелискъ, въ который вдѣлана икона, а подъ нею чугунная доска съ высѣченною на нею надписью: «Въ память пребыванія Нижегородскаго драгунскаго полка въ Караагачѣ съ 1813 по 1845 годъ». Скромный памятникъ обнесенъ рѣшеткой и обсаженъ дикимъ инжиромъ.

Когда отошла панихида за всѣхъ Нижегородцевъ «прежде почившихъ, здѣ лежащихъ, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси», и потомъ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Царскому дому и побѣдоносному воинству, одинъ изъ офицеровъ полка, капитанъ Климентовъ, обратился къ своимъ товарищамъ съ слѣдующею рѣчью, которую мы приведемъ такъ, какъ она сохранилась въ устахъ одного изъ старыхъ Нижегородцевъ:

«Господа!—сказалъ онъ:—чувство высокой памяти и глубокаго уваженія вызвали мысль соорудить этотъ каменный обелискъ, во имя бывшихъ сподвижниковъ громкой славы полка, передавшихъ намъ въ своихъ боевыхъ подвигахъ высокій примѣръ геройскаго служенія родинѣ. Эти ветераны завѣщали намъ добытые ихъ кровью георгіевскіе штандарты и знаки

«за отличіе». Они оставили намъ серебряныя трубы, звукъ которыхъ, напоминая славу этихъ бойцовъ минувшей эпохи, долженъ призывать и насъ, современниковъ, къ стремленію быть достойными ихъ славнаго имени. Ими пожаты побѣдныя лавры, въ память которыхъ и мы носимъ отъ ихъ лавроваго вѣнка вѣтвь въ золотомъ шитьѣ, дарованномъ намъ «за неоднократныя отличія гг. офицеровъ Нижегородскаго полка» и видимъ георгіевскія петлицы на воротникахъ нашихъ солдатъ-Нижегородцевъ. Но вѣнцомъ всѣхъ этихъ реликвій, которыми такъ щедро надѣленъ нашъ полкъ, является безпримѣрная и неслыханная въ исторіи Россійской арміи награда въ особѣ самого императора, произнесшаго завѣтныя для насъ слова: «Я даю полку Себя самого!» И мы принимаемъ это драгоцѣнное наслѣдіе отъ дѣдовъ, отцовъ и старшихъ братій нашихъ, какъ знаменіе славнаго минувшаго, и какъ поруку за продолженіе славнаго будущаго».

Открытіе памятника, обставленное торжественными обрядами, произвело на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Слѣдующій характерный случай показываетъ, какъ простые солдаты поняли заботливость Амилахвари о поддержаніи славы родного имъ полка, и какъ глубоко умѣли они оцѣнить это. Спустя года два послѣ того, какъ полкъ вышелъ изъ Царскихъ Колодцевъ, тамъ получилось извѣстіе о тяжкой болѣзни Амилахвари, стоявшаго въ то время дѣйствительно на краю могилы. «Я былъ глубоко опечаленъ этою вѣстію—пишетъ тотъ самый инженерный офицеръ, который строилъ памятникъ,—и зашелъ помолиться въ церковь. Службы не было. Церковь была пуста, и только возлѣ самаго алтаря виднѣлась согбенная фигура стараго драгуна въ потертомъ до нельзя Нижегородскомъ мундирѣ; онъ стоялъ на колѣняхъ и усердно припадалъ сѣдою головою къ каменному помосту. О чемъ онъ молился—не знаю, но его молитвенное настроеніе невольно передавалось и мнѣ. Выходя изъ церкви, я съ нимъ разговорился, и узнавъ, что онъ приходилъ молиться за стараго своего командира, обнялъ и поцѣловалъ его. Старикъ взглянулъ на меня сурово. «Ахмилафарова,—сказалъ онъ: мы знаемъ, братъ, давно, еще вонъ-какимъ, съ солдатскихъ пеленокъ... мы его знаемъ всѣ... И тебя дай старику поцѣловать за то, что ты состроилъ намъ, Нижегородцамъ, памятникъ. Мы, братъ, этого достойны. Утѣшили вы насъ, стариковъ! Будешь писать нашему Ванó *)—мы его такъ звали промежду собою—отпиши: молятся,

*) Вано по-грузински Иванъ.

молъ, за тебя твои старые драбанты. Можетъ, и дойдетъ до Бога наша солдатская молитва» (13). И молитва эта была услышана — Амилахвари выздоровѣлъ. Старая связь съ Караагачемъ скрѣплялась все болѣе и болѣе новыми воспоминаніями.

31-го августа, послѣ прощальнаго смотра великаго князя, Нижегородскій полкъ выступилъ наконецъ въ походъ, и 5-го сентября встрѣтился въ Тифлисѣ съ Тверскимъ полкомъ, слѣдовавшимъ на смѣну его въ Царскіе-Колодцы. Въ Тифлисѣ была дневка. Здѣсь князь Амилахвари испросилъ разрѣшеніе измѣнить маршрутъ, чтобы пройти съ полкомъ черезъ свое родовое помѣстье Чалы — и великій князь-главнокомандующій соизволилъ дать на это свое разрѣшеніе.

Этотъ своеобразный походъ представляетъ собою эпизодъ настолько любопытный, что заслуживаетъ остановить на немъ вниманіе читателя.

Въ Карталиніи, въ сторонѣ отъ почтовыхъ дорогъ, почти на половинномъ разстояніи между Душетомъ и Гори, стоитъ большое селеніе Чалы, — старинное родовое имѣніе князей Амилахвари. Грузинскія хроники разсказываютъ, что одинъ изъ ихъ предковъ, картвельскій дворянинъ, по имени Іотамъ Зедгенидзе, играетъ въ исторіи Грузіи такую же роль, какую въ русской — Сусанинъ: его самопожертвованію грузинскій царь Георгій VIII обязанъ былъ спасеніемъ своей жизни. Благодарный царь пожаловалъ его дѣтямъ обширныя помѣстья въ долинахъ рѣкъ Ксана и Лихура, облекъ ихъ высшими въ государствѣ званіями мтаваровъ и моуравовъ города Гори, и въ тоже время въ видѣ особаго почета даровалъ въ усыпальницу для костей ихъ потомства знаменитый въ Грузіи епископскій храмъ Самтавійскій. Не довольствуясь и этимъ, признательный царь возвелъ ихъ еще въ санъ амилахора (шталмейстера двора), и такъ какъ санъ этотъ переходилъ наслѣдственно, то и самое званіе, по грузинскимъ обычаямъ, перешло въ фамилію Амилахвари.

Была уже поздняя обѣденная пора, когда полкъ 7-го сентября прибылъ въ Чалы и остановился передъ стариннымъ помѣщичьимъ домомъ. Передъ его массивными воротами Нижегородцевъ встрѣтилъ князь Гиви, окруженный всѣми сосѣдними помѣщиками, среди которыхъ виднѣлся, уже согбенный годами, и столѣтній старецъ Алексѣй Месхіевъ. Полковой командиръ принялъ хлѣбъ-соль; трубачи протрубили «походъ» и старые нижегородскіе штандарты скрылись подъ сводами княжескаго дома. Съ этой минуты день этотъ сталъ днемъ семейнаго торжества и празднества,—

точно эти штандарты съ изображеніемъ св. Георгія, покровителя Иверіи, освятили собою тихій пріютъ стараго тавада.

На другой день, въ праздникъ Рождества Богородицы, полкъ, при многочисленномъ стеченіи народа, произвелъ церковный парадъ, и послѣ литургіи, совершенной въ домовой церкви, отправился съ крестнымъ

Самтовійскій храмъ.

ходомъ въ другую церковь во имя Животворящаго Креста, чтобы поклониться святынѣ, древнѣе которой уже не было ничего въ христіанской Иверіи.

Объ этомъ крестѣ передается одно любопытное преданіе, относящееся къ IV вѣку, когда въ предѣлахъ Грузіи появилась св. Нина съ чуднымъ крестомъ въ рукахъ, врученнымъ ей Богоматерью. Не сразу свѣтъ христіанской религіи просвѣтилъ языческую Иверію. Царь ея Мириманъ и

его приближенные долго оставались глухи къ благовѣствованію евангелія. Но вотъ, однажды, во время большой охоты въ лѣсахъ, гдѣ стоитъ теперь селеніе Каспи, вдругъ разразилась страшная буря, которая разметала царскую свиту, и царь, поверженный на землю съ конемъ—ослѣпъ. Тогда онъ воскликнулъ: «Если богъ Нины—Богъ истинный, пусть онъ спасетъ меня, и я съ моимъ народомъ поклонюсь ему!» Буря стихла разомъ—и царь прозрѣлъ. Пораженный чудомъ, онъ приказалъ сыскать дерево одинаковаго съ нимъ роста, вырубилъ изъ него крестъ, и въ предшествіи его съ торжествомъ направился къ Мцхету. «Славьте Бога Нины, Бога истиннаго!» говорилъ онъ народу, и приказалъ срубленный крестъ поставить на высокой горѣ за Арагвой, гдѣ впослѣдствіи возникъ монастырь, и теперь еще плѣняющій взоры путешественниковъ своими величавыми развалинами. Прошло много лѣтъ, и въ Грузіи изъ-за этого креста началась жестокая междоусобица между двумя старѣйшими фамиліями: князья Амилахвари основывали свои права на этотъ крестъ, потому что онъ срубленъ былъ среди ихъ лѣсовъ, а Гурамовы, потому, что онъ водруженъ былъ на землѣ, принадлежавшей ихъ предкамъ. Споръ этотъ, какъ всѣ средневѣковые споры, разрѣшился кровавою битвой, и такъ какъ Гурамовы понесли пораженіе, то крестъ перенесенъ былъ въ Чалы, гдѣ стоитъ и до настоящаго времени.

На третій день пребыванія въ Чалахъ князь Амилахвари произвелъ полку конное ученье. Народу собралась масса, и впечатлѣніе было такъ сильно, что поле, на которомъ учился полкъ, народъ и понынѣ зоветъ «Нижегородскимъ полемъ», хотя большая часть его теперь покрыта уже виноградниками.

Прямо съ ученья полкъ проѣхалъ въ д. Самтависи, гдѣ находится древній каѳедральный соборъ съ мощами св. Илларіона. Высокая ограда окружаетъ этотъ величественный храмъ, надъ сводами котораго проносится уже десятое столѣтіе. Храмъ нѣсколько менѣе Мцхетскаго, но по красотѣ своей архитектуры представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ церквей въ цѣлой Грузіи. Орнаменты, украшающіе его фасадъ, до того роскошны, что, глядя на эту рѣзьбу, невольно приходитъ въ голову мысль, что художникъ долженъ былъ истощить все свое воображеніе и все искусство рѣзца, чтобы покрыть стѣны, куполъ и окна такими тончайшими, достойными изумленія кружевами, воспроизведенными изъ дикаго камня. Внутренность храма поражаетъ своимъ величіемъ не

менѣе наружности. Отъ его сумрачныхъ стѣнъ, отъ полустертыхъ иконъ, съ обветшавшими красками, отъ его каменныхъ плитъ, подъ которыми покоятся вѣчнымъ сномъ доблестные тавады, — такъ и пахнётъ на васъ тысячелѣтнею исторіею Грузіи... Почти по срединѣ храма, подъ самымъ куполомъ, расписаннымъ чудными фресками, лежитъ гранитная плита, привлекшая къ себѣ особое вниманіе нашихъ Нижегородцевъ. Многіе преклоняли передъ нею колѣна и цѣловали холодный камень. Это была могила поручика Нижегородскаго полка князя Николая Амилахвари, убитаго на правомъ флангѣ 24-го мая 1862 года. Въ длинномъ мартирологѣ, которымъ сопровождалась почти вѣковая служба полка на Кавказѣ, это имя стояло въ числѣ послѣднихъ, — какъ одна изъ послѣднихъ жертвъ, принесенныхъ Нижегородцами великому дѣлу умиротворенія Кавказа. Было глубоко-трогательно видѣть это случайное посѣщеніе могилы однополчанина старыми его сослуживцами.

Думы, навѣянныя посѣщеніемъ сумрачнаго храма, разсѣялись скоро. У князя Гиви уже готовъ былъ гомерическій пиръ, въ которомъ приняло участіе нѣсколько тысячъ народа. Какой-то проѣзжій фотографъ снялъ эти оживленныя группы, и снимки тотчасъ же раскуплены были офицерами.

До поздней ночи гремѣли трубачи, пѣли сазандары и разносились кругомъ русскія пѣсни. Много провозглашено было тостовъ, много выпито вина, и еще болѣе произнесено сердечныхъ пожеланій гостямъ и хозяевамъ. Находились старые грузины, которые пили изъ турьихъ роговъ — этой чары богатырей, непосильной уже нынѣшнему поколѣнію; но и среди русскихъ нашелся одинъ хохолъ, унтеръ-офицеръ 1-го эскадрона Приходько, который не пожелалъ уступить первенства по этой части ни одному грузину. Выбравъ рогъ по-солиднѣе и наполнивъ его до краевъ, онъ вышелъ на середину площадки, откашлянулся, и, громко провозгласивъ: «Во славу Нижегородскаго полка, въ честь его командера, и нашего хозяина князя Гиви Бардзимовича!» — выпилъ, точно свою обычную, положенную ему солдатскую чарку. Народъ привѣтствовалъ этотъ богатырскій глотокъ неистово-шумными одобреніями.

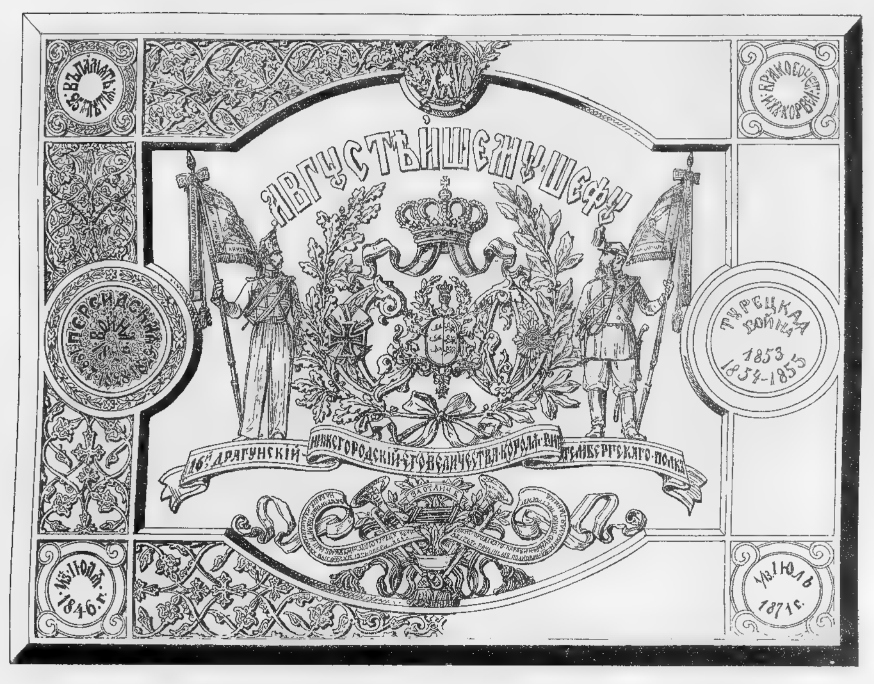
Спать улеглись поздно, а на слѣдующій день толпы коннаго и пѣшаго люда проводили Нижегородцевъ верстъ за пять до переправы черезъ Ксанъ; здѣсь выпили послѣднюю напутственную азарпешу, и полкъ потянулся по дорогѣ къ Душету (14).

Въ память этихъ дней въ семействѣ князя Амилахвари установился обычай, свято соблюдаемый и до настоящаго времени: осенью, когда оканчивается сборъ винограда, одинъ изъ кувшиновъ, врытыхъ въ землю въ марани, наполняется виномъ до краевъ, и называется «кувшиномъ Нижегородскимъ». Его откупориваютъ только черезъ годъ, 27-го ноября, чтобы этимъ выдержаннымъ виномъ почтить день полкового Нижегородскаго праздника.

Домъ князя Амилахвари въ Чалахъ.

А.

Серебряная крышка альбома, поднесеннаго полкомъ своему шефу въ 1871 году.

V.

Въ Пятигорскѣ.

(1870—1874 г.).

Пятигорскъ.—Прибытіе полка и встрѣча его Сѣверцами.—25-лѣтній юбилей шефа.—Нижегородская депутація въ Штутгартѣ.—Князь Амилахвари среди германской арміи въ Версалѣ и Парижѣ.—Продолженіе празднествъ въ полку.—Портреты короля и королевы.—Императоръ Александръ II на Кавказѣ.—Высочайшій смотръ подъ Владикавказомъ.—Императоръ самъ проводитъ полкъ передъ великимъ княземъ-главнокомандующимъ.—Назначеніе князя Амилахвари флигель-адъютантомъ.—Пребываніе государя въ Гори.—Картина Коррадини и пожалованіе полку портрета Императора.—Вооруженіе полка винтовками Крынка.—Похороны графа Евдокимова. — Назначеніе новаго полковаго командира.—Послѣдніе дни въ полку князя Амилахвари.—Его характеристика.

Послѣ мѣсячнаго похода, 4-го октября 1870 года, передъ Нижегородскимъ полкомъ въ далекой синевѣ горизонта развернулась чудная панорама окрестностей Пятигорска. Какъ на ладони стояли передъ нимъ

угрюмый Бештау и громадный зеленый Машукъ, на склонахъ котораго пестрѣлъ красивый городокъ, закутанный весь въ густую зелень каштановъ. Далѣе, за зеленымъ нагорьемъ Машука, узкою лентой вился Подкумокъ и живописно раскидывалась привольная Горячеводская станица. А еще дальше, уже на самомъ краю горизонта, тянулась серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, и надъ нею царственно сверкалъ колоссальный шатеръ Эльборуса. Картина поражала своею красотой и величіемъ.

Сѣверцы, прибывшіе въ Пятигорскъ ранѣе Нижегородцевъ, встрѣтили ихъ цѣлымъ полкомъ въ станицѣ Старопавловской. Это была теплая, задушевная встрѣча, — и многое напомнила она старымъ драгунамъ, привыкшимъ встрѣчаться между собою въ глухомъ захолустьи Чиръ-Юрта. Въ Пятигорскѣ оба полка зажили одною дружною семьею, какъ живали нѣкогда въ Чиръ-Юртѣ, когда еще носили одно и то же имя, и служили подъ одними и тѣми же штандартами. Все у нихъ было общее: и строевыя ученья, и полковые кампаменты, и даже лѣтнія пастбища. Домъ князя Амилахвари стоялъ открытымъ настежъ для обоихъ полковъ; офицеры вмѣстѣ вели городскія знакомства, вмѣстѣ устраивали танцовальные вечера, спектакли, пикники, охоты, и вмѣстѣ справляли другъ у друга свои полковые праздники. Въ этомъ году, впрочемъ, Нижегородцы не застали уже Сѣверскаго праздника, но Сѣверцы пировали у Нижегородцевъ. Какъ соучастники ихъ славы, и они съ одинаково гордымъ и радостнымъ чувствомъ выслушали у старыхъ серебряныхъ литавръ теплый привѣтъ государя, и милостивую депешу великаго князя, извѣстившаго полкъ, что государь былъ въ Нижегородскомъ мундирѣ и за обѣдомъ поднялъ бокалъ во здравіе Нижегородцевъ. Августѣйшій шефъ также поздравилъ полкъ телеграммой, написанной, какъ онъ выражается самъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ побѣдъ и подвиговъ, совершенныхъ его войсками во Франціи.

Буря, гремѣвшая на западѣ, давно уже заставляла драгунъ чутко прислушиваться къ знакомымъ ея отголоскамъ, и порождала желаніе ближе познакомиться съ этою новоподнимающеюся германскою силою. Случай къ этому представился скоро. 22-го января 1871 года должно было исполниться 25 лѣтъ со дня назначенія короля Виртембергскаго шефомъ Нижегородскаго полка, и государю было угодно, чтобы полковая депутація принесла поздравленіе королю въ Штутгартѣ. Въ составъ этой депутаціи назначены были: князь Амилахвари, поручикъ Панчу-

лидзевъ 1-й и вахмистръ Плетеницкій. Такъ какъ за краткостью времени трудно было разыскать хорошій шашечный клинокъ, который полкъ желалъ поднести своему августѣйшему шефу въ день юбилея, то князь Амилахвари доложилъ объ этомъ обстоятельствѣ великому князю, и его высочество тотчасъ пожаловалъ полку свой собственный клинокъ, принадлежавшій когда-то фамиліи князей Шервашидзе. Полку оставалось только передѣлать оправу, которая и была заказана въ Петербургѣ извѣстному своими художественными произведеніями мастеру Шафу (1).

Въ Петербургѣ депутація имѣла счастіе представиться государю императору, который милостиво принялъ своихъ Нижегородцевъ, похвалилъ шашку и, прощаясь, сказалъ Амилахвари: «Передай королю письмо, и скажи, что я сожалѣю, что по теперешнимъ обстоятельствамъ не могу поздравить его лично. Скажи также что ты сожалѣешь, что не можешь видѣть его храбрыя войска, которыя теперь находятся на войнѣ. Понялъ? —Понялъ, ваше величество,—отвѣтилъ Амилахвари, догадавшись, что въ послѣднихъ словахъ заключалось косвенное разрѣшеніе государя просить короля о дозволеніи посѣтить германскую армію (2).

Въ Штутгартѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги, Нижегородцевъ встрѣтилъ адъютантъ короля и объявилъ, что его величество приметъ депутацію въ тотъ же день, въ пять часовъ пополудни. Пріемъ былъ не официальный, и потому король вышелъ въ штатскомъ платьѣ. Князь Амилахвари отъ имени полка поднесъ ему шашку и при этомъ сказалъ: «Ваше величество! боевой полкъ подноситъ своему державному шефу и боевое оружіе».—«Благодарите полкъ за его славную службу, отвѣтилъ король:—я буду носить эту шашку, какъ память о его боевыхъ заслугахъ». Официальный пріемъ послѣдовалъ на слѣдующій день. Король былъ въ нижегородскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ; королева очаровала всѣхъ своимъ величіемъ и истинно русскою любезностью. Князь Амилахвари передалъ ей письмо императрицы, и просилъ милостиво принять подношеніе полковыхъ дамъ—шитыя шелками подушки и мутаки ихъ собственной работы. Въ тотъ же день былъ большой парадный обѣдъ, на которомъ король провозгласилъ тостъ за государя и «славный» Нижегородскій полкъ, а князь Амилахвари отвѣтилъ тостомъ за короля и королеву.

Изъ Штутгарта князь Амилахвари отправился въ германскую армію, стоявшую тогда подъ Парижемъ, и осмотрѣвъ по пути Страсбургъ, уже

взятый нѣмцами, прибылъ въ Ляньи, гдѣ на берегахъ Марны расположенъ былъ виртембергскій корпусъ генерала Оберница. Здѣсь князь Амилахвари разыскалъ 4-й драгунскій полкъ, и передалъ ему поклонъ отъ шефа его королевы Ольги Николаевны. Такъ какъ дальнѣйшій путь долженъ былъ совершиться въ экипажѣ, то въ распоряженіе князя Амилахвари предоставлена была прекрасная карета съ гербами Виртембергскаго королевства. Въ Версаль онъ прибылъ 10-го февраля въ часъ пополудни, и не успѣлъ еще разложить своихъ чемодановъ, какъ кто-то тихонько постучался къ нему въ дверь. «Войдите», сказалъ Амилахвари. Явился какой-то человѣкъ, судя по одеждѣ, придворный чиновникъ. «Его величество императоръ германскій, сказалъ онъ:—приглашаетъ васъ къ обѣду сегодня въ пять часовъ пополудни». Амилахвари изумился. «Нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь недоразумѣнія?—спросилъ онъ:—я полагаю, что императору еще неизвѣстно даже о моемъ пріѣздѣ».—«Я не могу ошибиться,—отвѣчалъ чиновникъ,—потому что завѣдую приглашеніями къ обѣденному столу его величества. Форма одежды въ сюртукахъ, при сабляхъ».

Огромный залъ въ версальской ратушѣ весь былъ наполненъ приглашенными. Въ эту самую ночь 4-й германскій корпусъ выступалъ изъ-подъ Парижа въ Луарскую армію, и императоръ пригласилъ къ столу всѣхъ старшихъ офицеровъ. При входѣ Амилахвари, церемоніймейстеръ представилъ его наслѣдному прусскому принцу, потомъ принцу Альберту, его сыну, и великимъ герцогамъ Баденскому и Саксенъ-Веймарскому. Русскій мундиръ Амилахвари обратилъ на него общее вниманіе, но особенно заинтересовала всѣхъ его оригинальная, богато оправленная, азіятская шашка. Кто-то изъ принцевъ попросилъ даже позволеніе посмотрѣть клинокъ. Шашка была «Андрея Феррари» и вызвала общее удивленіе, потому что подобные клинки рѣдки даже въ германскихъ музеяхъ *).

Черезъ нѣсколько минутъ двери сосѣдней комнаты распахнулись настежъ, и на порогѣ показалась величавая фигура мастистаго императора; его сопровождали Бисмаркъ, Мольтке, военный министръ, дежурный генералъ-адъютантъ, и флигель-адъютантъ князь Радзивиллъ. Императоръ прямо подошелъ къ Амилахвари, подалъ ему руку и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ по-русски: какъ здоровье государя и великаго князя Михаила Николаевича? Благополучно ли совершилась поѣздка самого

*) Въ настоящее время шашка эта принадлежитъ Государю Императору.

Его Королевское Высочество Наслѣдный принцъ
Виртембергскій (1846 г.).

князя Амилахвари? Доволенъ ли онъ ею? встрѣчалъ ли по дорогѣ нѣмецкія войска? и т. д. Затѣмъ всѣ были приглашены въ столовую. Видя, что германскіе генералы остановились въ дверяхъ, князь Амилахвари также остановился, но въ эту минуту къ нему подбѣжалъ князь Радзивиллъ. «Васъ ждутъ!» сказалъ онъ: «Послѣ принцевъ крови гость занимаетъ первое мѣсто—таковъ нашъ обычай». За обѣдомъ Амилахвари пришлось сидѣть рядомъ съ кронпринцемъ. Разговоръ шелъ о Кавказѣ, о событіяхъ настоящей войны, о перемиріи, которое заключено было въ этотъ самый день, и объ отправленіи въ Парижъ перваго транспорта съ милліоннымъ количествомъ порцій для голодающихъ жителей. Послѣ обѣда императоръ еще долго разговаривалъ съ княземъ Амилахвари, и въ заключеніе сказалъ, что назначитъ инженеръ-генерала Герна, который покажетъ и объяснитъ ему все, что касается настоящей войны.

Гернъ оказался человѣкомъ предупредительнымъ. Подъ его руководствомъ Амилахвари не только подробно ознакомился съ ходомъ осадныхъ работъ, но видѣлъ для себя много новаго, любопытнаго и поучительнаго; онъ видѣлъ, напр., дѣйствіе динамита, тогда еще не примѣнявшагося на Кавказѣ, видѣлъ завалы, сложенные изъ огромныхъ деревъ, скрѣпленныхъ между собою толстыми проволоками, и присутствовалъ при наводкѣ черезъ Сену понтоннаго моста, по которому черезъ два часа уже везли изъ Парижа, снятыя съ французскихъ батарей, громадныя орудія. Вмѣстѣ съ Герномъ онъ посѣтилъ также парижское предмѣстье Сенъ-Клу, сильно пострадавшее отъ бомбардированія, и вывезъ изъ него на память нѣсколько осколковъ гранатъ и небольшую мраморную статуэтку, взятую имъ изъ дворца, уже разрушеннаго и опустошеннаго. Эту статуэтку и прекрасный планъ осады Парижа, сдѣланный для него генераломъ Герномъ, князь Амилахвари по возвращеніи въ Тифлисъ поднесъ великому князю Михаилу Николаевичу.

На обратномъ пути, проѣзжая Штутгартъ,—гдѣ, замѣтимъ мимоходомъ, уже находились плѣнные французскіе маршалы Базенъ, Канроберъ и другіе,—князь Амилахвари еще разъ представился королю въ прощальной аудіенціи. Королева вручила ему при этомъ на память свою фотографическую карточку съ собственноручною надписью, и просила передать княгинѣ Амилахвари брошь съ крупнымъ жемчугомъ,—старинную вещь, которою она сама очень дорожила. Король пожаловалъ князю Амилахвари командорскій крестъ Виртембергской короны съ мечами, пору-

чику Панчулидзеву кавалерскій крестъ того же ордена, а вахмистру Плетеницкому—золотую медаль «за заслуги» (3).

Празднованія въ честь августѣйшаго шефа, и награды со стороны послѣдняго, этимъ еще не закончились. 1-го іюля, во время полкового кампамента, наступилъ день серебряной свадьбы короля, и Нижегородскій полкъ отправилъ для поднесенія ему роскошный альбомъ съ фотографическими карточками старыхъ и новыхъ Нижегородцевъ. На серебряной крышкѣ этого альбома, богато отдѣланной азіятскими орнаментами, изображены были два Нижегородскіе драгуна—одинъ въ формѣ 46-го, другой —71 года, т. е. тѣхъ эпохъ, которыя соотвѣтствовали времени назначенія короля шефомъ полка, и времени его юбилея. Взамѣнъ этого альбома полкъ получилъ изъ Штутгарта большіе портреты короля и королевы, писанные масляными красками, и въ то же время многимъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ Нижегородскаго полка пожалованы были ордена Виртембергскаго королевства (4).

Во время этого же кампамента, происходившаго въ Марьевской станицѣ, слухъ о близкомъ пріѣздѣ на Кавказъ государя получилъ полную достовѣрность, а потому дивизіонный кампаментъ въ Прохладной былъ отмѣненъ, и Нижегородцы 20-го августа перешли во Владикавказъ. Тамъ сосредоточились три полка пѣхоты: Тенгинскій, Таманскій и Черноморскій, 2-й и 3-й кавказскіе стрѣлковые батальоны, Нижегородскій, Сѣверскій и Переяславскій драгунскіе полки, полкъ кубанскихъ казаковъ, четыре пѣшія и двѣ конныя казачьи батареи. Начальство надъ этимъ отрядомъ поручено было генералъ-лейтенанту графу Лотрику.

Государь, сопровождаемый наслѣдникомъ-цесаревичемъ (теперь въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ III-мъ), и великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, высадился на берегъ Каспійскаго моря въ Петровскѣ, и отсюда направилъ свой путь по мѣстамъ, полнымъ историческихъ воспоминаній. Онъ ѣхалъ черезъ Темиръ-Ханъ-Шуру, Гунибъ, Хунзахъ, Ботлихъ, Ведено и чеченскую плоскость. Во Владикавказъ онъ прибылъ изъ Воздвиженской вечеромъ 17-го сентября и встрѣченъ былъ почетнымъ карауломъ отъ лейбъ-эскадрона Нижегородцевъ.

На слѣдующій день, въ 11 часовъ утра, былъ высочайшій смотръ. Государь прибылъ въ мундирѣ Нижегородскаго полка, и на лошади Нижегородскаго же офицера прапорщика Мериманова. Объѣхавъ линію войскъ, онъ вызвалъ впередъ офицеровъ-Нижегородцевъ, горячо благо-

Снимки съ портретовъ короля Виртембергскаго и королевы Ольги Николаевны, пожалованныхъ полку въ 1871 году.

дарилъ ихъ за старую боевую службу, напомнилъ, что съ гордостью носитъ ихъ славный мундиръ, и что въ память ихъ заслугъ зачисляетъ себя въ Сѣверскій полкъ. Затѣмъ государь объѣхалъ всѣ эскадроны, стоявшіе въ густой полковой колоннѣ, и съ каждымъ изъ нихъ здоровался порознь. Сѣверцамъ онъ самъ объявилъ о своемъ зачисленіи.

Въ тотъ же день въ высочайшемъ приказѣ было сказано, что Государь Императоръ, желая почтить заслуги Сѣверскаго полка, сформированнаго изъ Нижегородскаго, за оказанныя онымъ боевыя отличія и славныя дѣла въ продолженіе Кавказской войны, высочайше повелѣлъ числить Его Величество и въ этомъ полку. Такимъ образомъ награда Сѣверцевъ является новою наградою Нижегородскому полку, вѣковая слава котораго отразилась и на новомъ имени Сѣверцевъ.

Когда начался церемоніальной маршъ, государь самъ сталъ во главѣ Нижегородскаго полка, и обнаживъ шашку, провелъ его передъ главнокомандующимъ Кавказской арміею. Когда императоръ, отсалютовавъ, подъѣхалъ къ своему августѣйшему брату, великій князь со слезами на глазахъ припалъ къ плечу государя. Государь его обнялъ. Минута была торжественная. Нижегородскій полкъ первый грянулъ ура!—и оно тотчасъ же подхвачено было остальными войсками.

Милости, оказанныя государемъ драгунской бригадѣ, на этомъ еще не кончились. По просьбѣ офицеровъ, своихъ однополчанъ, государь послѣ парада посѣтилъ ихъ лагерь, кушалъ у нихъ чай и слушалъ ихъ пѣсенниковъ. Особенно понравилась государю пѣсня, сложенная на сформированіе Сѣверскаго полка изъ Нижегородскаго, въ которой говорится, что

Расходясь, мы подѣлили,
Словно съ братомъ братъ,
Все что вмѣстѣ заслужили,
Въ чемъ—вся честь солдатъ:
    Знакъ «Отличья» надъ гербами,
    Трубы за походъ,
    И штандарты съ ихъ крестами,
    И шитье господъ...

«Да! — сказалъ государь: —Нижегородцы и Сѣверцы — это родные братья».

Уже совершенно стемнѣло, когда государь вернулся изъ лагеря и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ балъ, данный владикавказскимъ дворян-

Императоръ Александръ II на смотру подъ Владикавказомъ

въ 1871 году.

ствомъ, въ городской ротондѣ, устроенной въ саду надъ самымъ берегомъ Терека. Проходя черезъ залъ, среди привѣтствовавшей его многочисленной публики, государь внезапно остановился передъ княземъ Амилахвари. «А ты отчего одѣтъ не по формѣ?» сказалъ онъ громко. Не только князь Амилахвари, но и всѣ окружавшіе государя и слышавшіе его голосъ, смутились. Князь Амилахвари ничего не отвѣтилъ. «Я тебя спрашиваю,— продолжалъ государь:—почему у тебя на эполетахъ нѣтъ моихъ вензелей? Поздравляю флигель-адъютантомъ!» и онъ передъ всѣми обнялъ Амилахвари. Могильная тишина, наступившая при первыхъ словахъ государя, вдругъ смѣнилась шумными и восторженными поздравленіями. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ тотчасъ послалъ за своими эксельбантами, и ихъ тутъ же надѣли на Амилахвари. Торжество Нижегородцевъ было полное.

На другой день императоръ выѣхалъ въ Тифлисъ, и князь Амилахвари, въ качествѣ флигель-адъютанта, назначенъ былъ сопровождать его въ дальнѣйшемъ путешествіи, которое ознаменовалось для Нижегородцевъ еще новымъ и чрезвычайно важнымъ эпизодомъ, долженствующимъ занять въ исторіи полка выдающееся мѣсто. Проѣзжая Гори, государь остановился въ домѣ уѣзднаго предводителя дворянства князя Эристова, на дочери котораго женатъ былъ князь Амилахвари. Государь вспомнилъ, что онъ ночевалъ въ этомъ же домѣ, когда посѣщалъ Кавказъ еще цесаревичемъ, и выразилъ, что ему пріятно оживить воспоминанія своей молодости. У крыльца, также какъ и въ 50-мъ году, государя встрѣтилъ почетный караулъ изъ грузинскихъ князей и дворянъ, въ рядахъ которыхъ стоялъ и маститый князь Гиви. Его невѣстка, княгиня Анна Александровна Амилахвари (дочь Эристова), приняла государя на порогѣ отцовскаго дома съ хлѣбомъ и солью. Государь тотчасъ вспомнилъ, что эта же княгиня— тогда молодая княжна—встрѣчала его и въ 50-мъ году, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ. Въ залѣ государь обратилъ вниманіе на мраморную доску, вдѣланную въ стѣну, и прочелъ начертанную на ней золотыми буквами надпись: «Домъ сей осчастливленъ посѣщеніемъ Государя Наслѣдника-Цесаревича Александра Николаевича 17-го сентября 1850 г.». Теперь, рядомъ съ этою доскою, появилась другая, свидѣтельствующая, что императоръ Александръ II, государь Наслѣдникъ-Цесаревичъ Александръ Александровичъ и великіе князья Владиміръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ, намѣстникъ Кавказскій, также осчастливили этотъ

домъ своимъ посѣщеніемъ 25-го сентября 1871 года. Во время завтрака шесть человѣкъ старѣйшихъ грузинскихъ князей, и въ ихъ числѣ князь Гиви, вошли въ залъ съ большими турьими рогами въ рукахъ и осушили ихъ до дна во здравіе государя. Государь отвѣтилъ тостомъ за здоровье хозяина, княгини Анны Александровны и князя Амилахвари. Князь Эристовъ тутъ же назначенъ былъ флигель-адъютантомъ.

Въ одной изъ комнатъ, отведенныхъ подъ царское помѣщеніе, государь увидѣлъ на стѣнѣ фотографическій снимокъ съ извѣстной картины Коррадини «Группа Нижегородскихъ офицеровъ», и подозвавъ Амилахвари, выразилъ желаніе имѣть ее у себя въ Петербургѣ. Нечего говорить, до какой степени эта высокая честь тронула Амилахвари. Проводивъ государя до границъ Горійскаго уѣзда, онъ поспѣшилъ возвратиться въ Тифлисъ, заказалъ дорогую раму съ надписью: «Отъ Нижегородцевъ своему августѣйшему Однополчанину», и отправилъ картину въ Петербургъ при слѣдующемъ письмѣ къ Министру Двора:

«Лестное вниманіе, оказанное обожаемымъ Монархомъ Нижегородскому полку, даетъ мнѣ смѣлость просить Вашего предстательства о предоставленіи полку счастія имѣть у себя портретъ августѣйшаго Однополчанина въ полковомъ мундирѣ. Я бы не дерзнулъ просить объ этой милости, если бы не былъ убѣжденъ въ высокой отеческой любви Государя Императора къ нашему полку, и въ томъ, что за милость эту молодые Нижегородцы, усугубивъ чувства рвенія къ службѣ, докажутъ, что они были достойны такой высокой чести» ([5]).

Желаніе Нижегородцевъ было исполнено. Но портретъ полученъ былъ только черезъ два года, когда Амилахвари сдалъ уже полкъ, и счастливый жребій благодарить за него государя выпалъ на долю его преемника. Портретъ этотъ, изображающій императора въ Нижегородскомъ мундирѣ, писанъ во весь ростъ масляными красками и замѣчателенъ своею художественною работой.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, государь, встрѣтивъ генерала Багговута, милостиво передалъ ему о томъ прекрасномъ состояніи, въ которомъ онъ нашелъ Нижегородскій полкъ,—и старый ветеранъ не замедлилъ подѣлиться съ полкомъ своими радостными чувствами.

«Такъ сердце и рвалось» — писалъ къ Амилахвари генералъ Багговутъ: чтобы еще разъ взглянуть во время высочайшаго смотра на нашъ лихой Нижегородскій полкъ... Честь и слава ему и его камандиру, новому

Офицеры Нижегородскаго полка 1856 года.

(Съ акварельнаго рисунка Коррадини).

(Картина поднесена Государю Императору въ 1871 году).

адъютанту русскаго царя! Прошу передать отъ стараго боеваго товарища душевный поклонъ офицерамъ, а храбрымъ драгунамъ—спасибо, что вездѣ молодцами и въ бою и на смотрахъ»... (6).

Въ другой разъ государь вспомнилъ о томъ же смотрѣ въ день Нижегородскаго праздника,—и вотъ что телеграфировали объ этомъ въ полкъ 27-го ноября два старые его командира—графъ Ностицъ и графъ

Комната въ домѣ князя Эристова, гдѣ останавливался Императоръ Александръ II.

Граббе: «Сегодня мы имѣли счастіе поздравлять Государя Императора. Его Величество былъ въ сюртукѣ нашего дорогаго полка и изволилъ говорить, насколько онъ остался доволенъ бывшимъ смотромъ, и увѣренъ что Нижегородцы всегда и вездѣ будутъ тѣми же молодцами. За завтракомъ Государь подозвалъ насъ къ себѣ и провозгласилъ отдѣльный тостъ за благоденствіе полка. Поздравляемъ всѣхъ товарищей съ новымъ и столь высокимъ вниманіемъ къ полку августѣйшаго Монарха».

Такъ закончился въ Нижегородскомъ полку, обильный событіями,

1871-й годъ. Послѣдовавшіе за нимъ два года уже не отличались ни крупными историческими фактами, ни выдающимися явленіями во внутренней жизни. Можно развѣ упомянуть только о новомъ перевооруженіи полка, когда весною 1872 года старыя нарѣзныя ружья смѣнились скорострѣльными винтовками Крынка, да о печальномъ эпизодѣ, послѣдовавшемъ въ кампаментъ 1873 года, когда Нижегородскому полку выпала скорбная честь хоронить своего стараго вождя графа Евдокимова, связаннаго съ полкомъ цѣлымъ рядомъ боевыхъ воспоминаній. Нижегородцы были ближайшими свидѣтелями тѣхъ исполинскихъ работъ, которыя были совершены имъ въ послѣдній періодъ кавказской войны, и повели за собой умиротвореніе края, не знавшаго, что такое миръ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исторія. Надъ гробомъ Евдокимова погасла вражда, которая преслѣдовала его при жизни, забылись старые счеты,—и остались только его великія заслуги передъ отечествомъ. Три милліона десятинъ земли, пріобрѣтенныя его мечемъ,—прекрасное наслѣдіе, оставленное имъ Россіи. Кто-то сдѣлалъ оригинальное сравненіе между судьбами Евдокимова и судьбами самаго Нижегородскаго полка, одинаково обязанныхъ своею извѣстностію одному и тому же Кавказу. Какъ Евдокимовъ изъ простыхъ кантонистовъ возвысился до степени графа, и, что еще важнѣе, сдѣлался лицомъ историческимъ, такъ и Нижегородскій полкъ, во время этой столѣтней войны, успѣлъ изъ ряда темныхъ армейскихъ полковъ подняться на такую высоту, на которой недоставало наградъ, чтобы отличать его подвиги!

Погребеніе Евдокимова совершилось 9-го мая. Офицеры Нижегородскаго полка несли ордена покойнаго и были у штанговъ, а два маіора Андреевъ и Авалдовъ, какъ старшіе представители полка, поддерживали кисти балдахина; Нижегородскіе унтеръ-офицеры, старые сподвижники графа, несли его гербъ и предшествовали духовенству съ иконами и хоругвями. Тысячи русскихъ людей со всѣхъ окрестностей собрались на эту печальную церемонію, и русскіе люди съ глубокою скорбію проводили на вѣчный покой русскаго государственнаго дѣятеля. Прахъ его похороненъ въ штабъ-квартирѣ Нижегородскаго полка, въ оградѣ новаго Пятигорскаго собора, гдѣ надъ его могилой стоитъ большая каменная часовня, внутри которой помѣщенъ мраморный бюстъ покойнаго. Двери въ часовню, однакоже, заперты, и о существованіи бюста мало кто знаетъ. Можно пожелать, чтобы онъ былъ поставленъ на виду у всѣхъ, какъ требуютъ

заслуги, оказанныя покойнымъ русскому государству, которыя не должны забываться народомъ.

Великій князь, посѣтившій Пятигорскъ въ этомъ году уже послѣ кампамента, вечеромъ, въ самый день своего пріѣзда, отправился вмѣстѣ со всѣми офицерами драгунской бригады въ новый соборъ, и тамъ надъ могилою Евдокимова отслужена была торжественная панихида.

Это былъ послѣдній пріѣздъ великаго князя въ командованіе князя Амилахвари, который 30-го августа произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при кавказской кавалерійской дивизіи. На мѣсто Амилахвари командиромъ Нижегородскаго полка тѣмъ же Высочайшимъ приказомъ назначенъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка полковникъ принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій.

Приготовляясь къ сдачѣ полка, князь Амилахвари, однимъ изъ своихъ послѣднихъ распоряженій, учредилъ особый праздникъ для трубаческой команды, назначивъ праздновать его 19-го ноября, въ самый день Башъ-кадыкъ-ларскаго сраженія. Почему князь Амилахвари остановился на увѣковѣченіи среди трубачей именно этого дня, объясняется тѣмъ, что первая кровь, пролитая Нижегородцами въ Башъ-кадыкъ-ларскомъ сраженіи, была кровь трубача 4-го дивизіона Степана Мещеренки, убитаго ядромъ съ той самой батареи, которая вслѣдъ за тѣмъ была взята Нижегородцами. Благословляя трубачей богатою иконою, во имя св. Илліодора, память котораго чествуется 19-го ноября, Амилахвари завѣщалъ полку ежегодно начинать день этотъ панихидой по убитымъ однополчанамъ, и затѣмъ посвящать его разсказамъ и воспоминаніямъ о подвигахъ Нижегородцевъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ бояхъ, чтобы самъ полкъ на долгіе годы сталъ вѣрнымъ хранилищемъ своихъ достославныхъ преданій.

Образъ, заказанный тогда же, полученъ былъ трубачами гораздо позднѣе, уже при полковникѣ Кельнерѣ. «Особенная торжественность, которая придана была празднованію 19-го ноября трубачами,—писалъ по этому поводу Кельнеръ къ князю Амилахвари—можетъ свидѣтельствовать до какой степени мы всѣ сочувственно отнеслись къ прошлой славѣ полка, и къ вашей мысли увѣковѣчить такой славный для Нижегородцевъ день. Даръ вашего сіятельства полученъ въ команду, къ сожалѣнію, попорченный отъ пересылки, но трубачи отвергли мое предложеніе исправить образъ, говоря, что у нихъ есть на то свои заработанныя

деньги. Фактъ этотъ можетъ служить удостовѣреніемъ, какъ воспитанный вами Нижегородскій полкъ отнесся къ пожертвованію вашего сіятельства. Позвольте мнѣ отъ имени полка благодарить васъ за пожалованный трубачамъ образъ, и выразить увѣренность, что дорогая о васъ память въ Нижегородскомъ полку навсегда упрочится учрежденнымъ вами празднованіемъ дня Башъ-Кадыкъ-Лара. Письмо ваше я велѣлъ хранить на вѣчныя времена въ кіотѣ пожертвованнаго вами образа» (7).

Къ сожалѣнію, другая, высокая по мысли задача князя Амилахвари— собрать и сохранить полку слѣды его минувшихъ поколѣній: всѣ письменные памятники ихъ, всѣ частные мемуары, и дорогія изображенія лицъ, потрудившихся надъ созиданіемъ исторической славы полка, не могла осуществиться вполнѣ. Но за нимъ все же остается починъ и честь заложенія перваго краеугольнаго камня въ этомъ великомъ дѣлѣ созданія исторіи своихъ доблестныхъ предковъ. Онъ понималъ всю важность сохранить для полка его вѣковыя преданія, чтобы не пришлось сказать потомъ вмѣстѣ съ поэтомъ:

Эхъ! наша слава пропала,
Подвиговъ нашихъ молва
Сказкой казарменной стала...

Потребовались, однакоже, цѣлыя шестнадцать лѣтъ, чтобы завѣтная мысль князя Амилахвари перешла наконецъ въ дѣло и осуществилась однимъ изъ его позднѣйшихъ преемниковъ—княземъ Сергѣемъ Илларіоновичемъ Васильчиковымъ.

Но возвратимся къ прошлому, старому времени.

Въ ожиданіи прибытія новаго полкового командира, Нижегородцамъ пришлось еще разъ отпраздновать, вмѣстѣ съ княземъ Амилахвари, 13-е октября, совпавшее въ этомъ году съ десятилѣтнимъ юбилеемъ зачисленія въ полкъ его высочества великаго князя Михаила Николаевича, и полковой праздникъ, на которомъ старый командиръ въ послѣдній разъ, съ чувствомъ глубокаго умиленія, прочелъ милостивыя депеши царственныхъ Однополчанъ. Принцъ Саксенъ-Альтенбургскій также поздравилъ полкъ телеграммою. «Сегодня,—писалъ онъ,—я представлялся государю. Его величество изволилъ сказать: «Я горжусь, что ношу мундиръ полка, заслужившаго такую славу въ русской арміи».

Этимъ днемъ и этими завѣтными словами, можно сказать, заверши-

лось командованіе Амилахвари. Полковымъ праздникомъ оно началось и полковымъ праздникомъ окончилось. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 24-го декабря, Нижегородцы читали слѣдующій прощальный приказъ своего командира:

«Родные Нижегородцы! Вступивъ въ ряды ваши совершенно юнымъ, я среди васъ взросъ и возмужалъ, и, проходя всѣ ступени воинскаго званія, отъ нижняго чина до генерала, совершенно сроднился съ вами.

«Я былъ участникомъ безсмертныхъ боевыхъ подвиговъ полка, совершенныхъ въ турецкую кампанію и при покореніи Кавказа—и этому-то участію, болѣе чѣмъ своимъ заслугамъ, я приписываю, что имѣлъ великое счастіе и честь сдѣлаться вашимъ командиромъ. Съ пройденною мною 24-лѣтнею службою въ Нижегородскомъ полку, связаны лучшія воспоминанія моей жизни; я былъ все это время самымъ счастливымъ товарищемъ и начальникомъ, видя, что высокія качества, которыми полкъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу, свято хранятся всѣми чинами полка. Качества эти — совершенная преданность Монарху, уваженіе къ дисциплинѣ, безпредѣльная храбрость и вмѣстѣ съ тѣмъ великодушіе къ побѣжденнымъ, высокая нравственность и товарищество — составляли всегда достояніе полка.

«Нынѣ, разставаясь съ вами, заклинаю васъ, Нижегородцы, сохраните это дорогое достояніе, мало того —передайте его всецѣло младшимъ товарищамъ вашимъ, чтобы быть достойными на вѣчныя времена славныхъ преданій полка.

«Унося съ собою самыя отрадныя воспоминанія жизни моей въ полку, прощаюсь съ вами, Нижегородцы. Искренно и душевно благодарю начальниковъ частей, должностныхъ и всѣхъ офицеровъ полка за примѣрно-трудовую и славную службу; нижнимъ чинамъ прошу передать мое усердное спасибо; отпускаю въ каждый эскадронъ по 25 руб. въ полковую учебную и трубаческую команду по 10 руб. въ нестроевую роту и въ команду писарей по 20 руб. сер.».

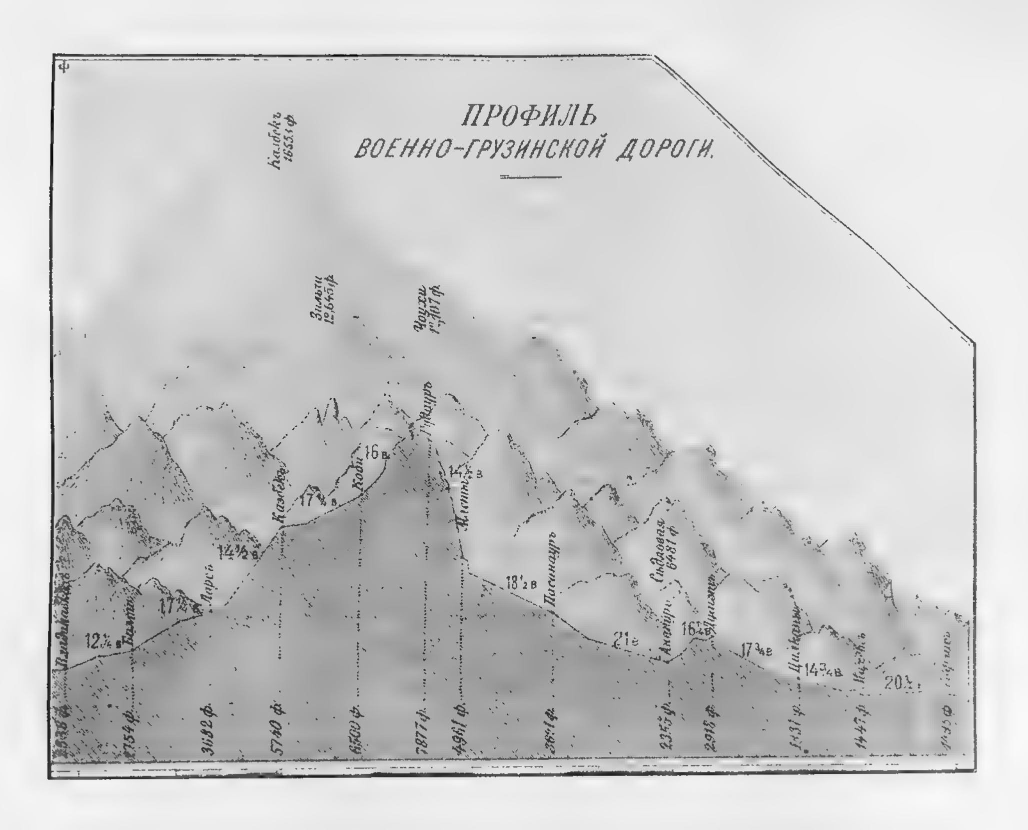
Проводы князя Амилахвари были самые задушевные, да они и не могли быть иными. Это былъ патріархъ Нижегородской семьи—говоритъ про него одинъ изъ его позднѣйшихъ преемниковъ:—и никакія бури и ломки не могли бы расшатать въ полку тѣ высокія нравственныя военныя добродѣтели, которыя столь послѣдовательно и неотступно проводились имъ въ сознаніи офицеровъ. На него и нельзя иначе смотрѣть,

какъ на даровитаго военнаго педагога, воспитавшаго свою часть въ боевомъ духѣ въ то время, когда боевой школы уже не было.

Князь Амилахвари въ своемъ командованіи, дѣйствительно, является апостоломъ великаго значенія нравственнаго духа. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ похожъ на того благоразумнаго мужа, который, по словамъ евангелія, построилъ домъ свой на камнѣ... И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что построенъ былъ на камнѣ... Этимъ-то камнемъ, положеннымъ «во главу угла», и служили князю Амилахвари полковыя преданія и духъ ихъ.

Домъ въ Гори, гдѣ останавливался Государь въ 1871 году.

VI.

Передъ войною.

(1874—1876).

Принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій.—Эпизодъ изъ прежней его службы въ полку.—Начало его командованія.—Полученіе портрета государя императора.—Характеръ полковой жизни въ командованіе принца.—Строевыя занятія.—Кампаментъ 1875 года.—Назначеніе командиромъ полка полковника Кельнера.—Его прежняя служба.—Смотръ великаго князя Николая Николаевича.—Впечатлѣнія Сербской войны.—Особый характеръ зимнихъ занятій съ 1875 на 1876 годъ.—Новая милость полку великаго князя Михаила Николаевича.—Внезапное выступленіе полка въ военный походъ.—Посадка въ вагоны.—Путь до Тифлиса.—Александрополь.—Канунъ войны.—Памятный смотръ на Баяндурскомъ полѣ.

25-го декабря 1873 года, въ первый день праздника Рождества Христова, въ Пятигорскомъ соборѣ между молящимися обращалъ на себя вниманіе всѣхъ молодой штабъ-офицеръ, лѣтъ тридцати, высокій, стройный,

бѣлокурый, въ Нижегородскомъ мундирѣ; на груди его былъ русскій георгіевскій крестъ и иностранная звѣзда; черезъ плечо шла широкая пунцовая лента, окаймленная узкими темно-зелеными полосками. Это былъ новый командиръ Нижегородскаго полка его высочество принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій, двоюродный братъ великой княгини Александры Іосифовны.

Принцъ, какъ мы знаемъ, уже не въ первый разъ становился въ ряды Нижегородцевъ, сохранявшихъ о немъ наилучшую память, какъ о человѣкѣ, который глубоко проникся полковыми традиціями и понялъ самый духъ полка,—не тотъ, который водилъ его къ побѣдамъ, а другой — интимный и симпатичный, на который указывала вся его внутренняя семейная жизнь. Это были тѣ высоко-нравственные принципы, которые не позволяли полку никогда забывать своихъ старыхъ, уже выбывшихъ изъ него сослуживцевъ. Вотъ эта-то черта и выразилась въ то время при обстоятельствахъ очень близко касавшихся самого принца. Когда онъ прибылъ въ Царскіе Колодцы, его очень затруднялъ выборъ помѣщенія, такъ какъ штатъ при немъ былъ большой, а удобныхъ домовъ въ Царскихъ Колодцахъ не было. Воинскій начальникъ и инженерный офицеръ, завѣдывавшій дистанціей,—оба предлагали ему свои помѣщенія, какъ лучшія въ урочищѣ, и принцъ уже готовъ былъ согласиться, какъ случилось обстоятельство, заставившее его отклонить отъ себя и то и другое предложеніе. Въ Царскихъ Колодцахъ проживалъ въ то время старый духовникъ Нижегородскаго полка священникъ Незлобинскій. Кромѣ пенсіи, довольно скромной, и небольшого домика, въ которомъ онъ когда-то принималъ у себя жандармскаго генерала Викторова *), у него не было никакихъ средствъ къ существованію. Домъ между тѣмъ стоялъ не занятый. Почти тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ старый священникъ оставилъ Нижегородскій полкъ, а въ эти тридцать лѣтъ составъ офицерскаго общества успѣлъ перемѣниться нѣсколько разъ, и въ цѣломъ полку оставался только одинъ человѣкъ, который еще помнилъ Незлобинскаго. И этотъ человѣкъ, маіоръ Авалдовъ, вотъ что сказалъ тогда своимъ товарищамъ: «Господа! священникъ Незлобинскій служилъ въ нашемъ полку, и наше дѣло помочь ему: мы не должны болѣе видѣть его въ такомъ положеніи». Офицеры тотчасъ изъявили согласіе, но принцъ предупредилъ всѣхъ: онъ просто нанялъ для себя болѣе чѣмъ скромный

*) См. т. IV гл. XII.

и неудобный во всѣхъ отношеніяхъ домикъ священника, и пока жилъ въ Царскихъ Колодцахъ, платилъ за него по тогдашнему времени значительную сумму. Эпизодъ этотъ окажется еще трогательнѣе, если принять въ соображеніе, что принцъ былъ лютеранинъ, а маіоръ Авалдовъ армянинъ, которымъ повидимому до православнаго священника не было никакого дѣла ([1]).

Съ тѣхъ поръ прошло только пять лѣтъ, а въ судьбѣ принца произошли большія перемѣны; онъ уже успѣлъ окуриться порохомъ во время франко-прусской войны, въ которой принялъ участіе, какъ членъ одного изъ владѣтельныхъ германскихъ домовъ, и носилъ на груди, пожалованный ему императоромъ Александромъ II-мъ, крестъ св. Георгія 4-й степени. Вступая такимъ образомъ въ командованіе полкомъ уже съ репутаціею боевого офицера, вотъ что писалъ онъ въ своемъ приказѣ 25-го декабря 1873 года:

«Сего числа я вступаю въ командованіе вами, доблестные Нижегородцы! Назначеніе меня командиромъ вашимъ тѣмъ болѣе для меня лестно, что оно связано съ прежнимъ служеніемъ моимъ съ вами. Горжусь высочайшимъ назначеніемъ, и честью стоять во главѣ полка, полнаго славныхъ преданій. Увѣренъ, что всѣ чины, какъ всегда, будутъ трудиться, чтобы поддержать свойственный полку боевой духъ, и то мирное преуспѣяніе, которое требуется современнымъ развитіемъ военнаго искусства».

Самое начало командованія принца ознаменовалось въ полку счастливымъ событіемъ—полученіемъ портрета государя императора, о которомъ просилъ еще князь Амилахвари. Онъ былъ присланъ 8-го августа 1874 г. при письмѣ министра императорскаго двора.

«Нижегородцы — телеграфировалъ принцъ по этому поводу: — имѣли счастіе получить драгоцѣнный портретъ своего обожаемаго Монарха, и глубоко тронутые этимъ новымъ знакомъ Высочайшаго вниманія, повергаютъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства безпримѣрной благодарности и всегдашней вѣрноподданнической преданности».

«Весьма радъ, — отвѣчалъ государь въ тотъ же день—что могъ дать полку новое доказательство моего глубокаго уваженія къ его прежнимъ доблестямъ. Увѣренъ, что нынѣшніе и будущіе Нижегородцы будутъ всегда ихъ достойны. Александръ».

Командованіе принца полкомъ продолжалось только полтора года, и это короткое время кто-то весьма удачно сравнилъ съ блестящимъ метеоромъ, который мелькнулъ и погасъ, оставивъ послѣ себя впечатлѣніе

сильнаго и яркаго свѣта. Подъ режимомъ принца полковая жизнь нѣсколько измѣнила свой обычный тихій характеръ. Принцъ любилъ общественныя удовольствія, любилъ, чтобы его офицеры появлялись всюду, и всюду вносили бы съ собой оживленіе; онъ заботился о поддержаніи полку извѣстнаго престижа, въ смыслѣ декорума, блеска и той представительности, которая служила рекламой, разносившей молву о Нижегородцахъ курсовыми посѣтителями по цѣлой Россіи.

Но это была только одна сторона полковой жизни; другая,—обнимавшая собою область служебныхъ занятій, преслѣдовалась принцемъ съ неукоснительною строгостью. Онъ самъ былъ лихой наѣздникъ, и требовалъ того же отъ своихъ офицеровъ. Верховая ѣзда, джигитовка, скачка съ препятствіями, охоты съ борзыми или ружейныя по дикимъ мѣстамъ Баксана составляли любимое времяпрепровожденіе принца, и заставляя офицеровъ принимать въ нихъ участіе, поддерживали, а пожалуй, и развивали ту лихую кавалерійскую удаль, которая была унаслѣдована ими еще отъ Кавказской войны. До сихъ поръ памятны тѣ скачки, которыя принцъ устраивалъ на собственный счетъ во время полковыхъ кампаментовъ. Призы были цѣнные, но за то и мѣстность, выбираемая для скачекъ, была такова, что по ней можно было скакать только съ опасностью и рискомъ для жизни. Почти всѣ офицеры въ командованіе принца имѣли по двѣ, а нѣкоторые по три верховыя лошади, и привычка къ сѣдлу была такъ велика, что даже увеселительныя поѣздки по группамъ минеральныхъ водъ,—и тѣ совершались верхами. Молодежъ щеголяла исправностію по службѣ. Бывало, всю ночь на пролетъ протанцуютъ гдѣ-нибудь въ Кисловодскѣ, а къ свѣту всѣ—уже на Подкумкѣ, въ лагерѣ, и ночной переѣздъ въ 30 слишкомъ верстъ считался ни почемъ. Опоздавшихъ на ученья почти никогда не бывало, да принцъ и не потерпѣлъ бы такого отношенія къ службѣ. Въ этомъ случаѣ онъ не стѣснялся даже предоставленной ему закономъ мѣрою взысканія, и нарядъ офицеровъ на *сто* лишнихъ дежурствъ случался не рѣдко. Никому изъ офицеровъ и въ голову не приходило роптать на подобныя взысканія. Ходитъ-ходитъ, бывало, такой офицеръ съ рапортами къ принцу и наконецъ до того приглядится, что тотъ его спроситъ: А что вы такъ часто дежурите?— Ваше высочество нарядили меня на сто лишнихъ дежурствъ. — «Это много,—скажетъ, бывало, принцъ съ своимъ неподражаемымъ акцентомъ:— больше не дежурьте». Хорошую службу онъ замѣчалъ и не оставлялъ

безъ поощренія, и какъ герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій, исходатайствовалъ пожалованіе орденами Саксенъ-Альтенбургскаго герцогства многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ Нижегородскаго полка (2).

Полковыя ученья въ кампаментахъ производились лихія, на горячихъ аллюрахъ и съ переходомъ черезъ препятствія. Впрочемъ, по отношенію къ строевымъ занятіямъ, какъ принцъ, такъ и эскадронные командиры, вѣчно стояли между Сцилою и Харибдою. Начальникъ дивизіи графъ Лотрикъ, не признававшій воинскаго духа и вообще нравственныхъ качествъ кавалеріи въ мирное время, придерживался взглядовъ, что война портитъ кавалерію, а полевая ѣзда губитъ хорошо выѣзжанную лошадь. Онъ любилъ ранжиръ, красоту въ подборѣ фланговъ, высокій курцъ галопъ, крутой сборъ внизъ, и смотровые эффекты. Онъ ненавидѣлъ пѣшій строй и считалъ негоднымъ для кавалеріи офицеромъ того, кто хоть нѣсколько дней прослужилъ въ пѣхотѣ. Бригадный командиръ генералъ-маіоръ князь Захарій Чавчавадзе (старый Нижегородецъ) былъ человѣкъ иного закала, и требованія его были вполнѣ боевыя. Ему угодить было не легко, и эскадронные командиры готовились къ его смотрамъ совсѣмъ иначе, нежели къ смотрамъ начальника дивизіи, употребляя на нихъ больше труда и заботъ для надлежащей подготовки людей и лошадей. И это тѣмъ болѣе, что князь не особенно церемонился въ выраженіяхъ своего неудовольствія не только эскадроннымъ командирамъ, но даже и самому принцу.

Эта двойственность требованій, какъ замѣчаетъ одинъ современникъ, была полезна для выработки у эскадронныхъ командировъ инціативы, самостоятельности и находчивости, и, дополняя одно другимъ, ставила строевое образованіе полка, дѣйствительно, на высокую степень (3).

Кампаментъ 1875 года,—послѣдній въ командованіе принца, ознаменовался пріѣздомъ великаго князя Михаила Николаевича, котораго полкъ принялъ въ своемъ лагерѣ на Подкумкѣ, съ иллюминаціей, фейерверкомъ, и всѣми военными атрибутами кавказскаго празднества. Вечерній чай, который великій князь удостоилъ принять, окончился поздно, и весь Нижегородскій полкъ въ полномъ составѣ, съ факелами въ рукахъ, сопровождалъ ночной переѣздъ его высочества изъ лагеря въ городъ. Зрѣлище было до того волшебное, никогда не виданное въ Пятигорскѣ, что о немъ и до сихъ поръ любятъ вспоминать старожилы (4).

Во время этого же кампамента, въ іюнѣ мѣсяцѣ, полкомъ была совер-

шена военная проѣздка изъ Пятигорска въ Ставрополь—проѣздка, составлявшая въ то время еще новинку для нашей кавалеріи. Полкъ выступилъ утромъ, и миновавъ желѣзноводскій лѣсъ, вышелъ въ открытыя ставропольскія степи. День былъ знойный, а на пути не было ни капли воды, такъ какъ всѣ ручьи и колодцы пересохли отъ засухи. Съ ранняго утра до 10 часовъ вечера полкъ шелъ безъ приваловъ, нигдѣ не останавливаясь, не слѣзая съ коней, и только темною ночью добрался до большого села, гдѣ могъ, наконецъ, напоить лошадей. Оказалось, что прошли 110 верстъ, и одна лошадь пала отъ солнечнаго удара. Чуть свѣтъ выступили дальше, такъ какъ до Ставрополя оставалось еще 80 верстъ, и прибыли туда около полудня. Графъ Лотрикъ со всѣмъ своимъ штабомъ выѣхалъ на встрѣчу полка и пригласилъ офицеровъ обѣдать въ городскую ротонду, а вечеромъ всѣ были на балѣ, который далъ городъ въ честь Нижегородцевъ. На другой день утромъ Лотрикъ сдѣлалъ выводку, и полкъ, найденный въ отличномъ порядкѣ, выступилъ въ обратный путь. На дорогѣ пала еще одна лошадь, но остальныя перенесли этотъ, не совсѣмъ обычный, походъ бодро и безъ всякихъ послѣдствій ([5]).

Кампаментъ закончился въ этомъ году общимъ маневромъ подъ Кисловодскомъ, а вслѣдъ затѣмъ, 27-го іюля принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій назначенъ былъ командующимъ лейбъ-гвардіи Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ, и выѣхалъ изъ Пятигорска, сопровождаемый нѣсколько станцій, до самой Невинки, дружною семьею Нижегородцевъ.

На мѣсто принца Саксенъ-Альтенбургскаго командиромъ Нижегородскаго полка, тѣмъ же высочайшимъ приказомъ 27-го іюля 1875 года, назначенъ былъ полковникъ Александръ Александровичъ Кельнеръ, служившій съ 1854 года, т. е. самаго производства своего изъ кадетъ 1-го корпуса, лейбъ-гвардіи въ Конно-гренадерскомъ полку.

Это былъ одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ послѣдователей новыхъ вѣяній въ кавалеріи, которыя послѣ франко-германской войны сдѣлались силой, настойчиво потребовавшей пересмотра и переработки нашихъ кавалерійскихъ уставовъ. Всѣ опыты, провѣрки и сравненія новыхъ перестроеній со старыми производились великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ исключительно въ Конно-гренадерскомъ полку,—и полковникъ Кельнеръ, командовавшій этимъ полкомъ за болѣзнію генерала Гурко въ самую горячую пору реформъ, сдѣлался такимъ образомъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ великаго князя, который вложилъ въ это дѣло

всю свою душу. Немало пришлось нашимъ новаторамъ бороться съ рутиной, успѣвшей пустить глубокіе корни, но въ концѣ концовъ новый проектъ кавалерійскаго устава все-таки былъ принятъ, и Кельнеръ привезъ его съ собою въ Нижегородскій полкъ. Офицерамъ понравились эти новые, свѣжіе взгляды, разнившіеся со взглядами начальника дивизіи, но какъ нельзя болѣе подходившіе къ боевымъ требованіямъ бригаднаго командира. До какой степени былъ хорошъ и воспріимчивъ составъ полка старшими и младшими офицерами—говоритъ въ своихъ запискахъ Кельнеръ:—можно судить по тому, что черезъ два мѣсяца, когда великій князь Николай Николаевичъ, проѣздомъ въ Тифлисъ, смотрѣлъ въ Пятигорскѣ драгунскую бригаду—Нижегородскій полкъ представился ему уже по новому уставу—и не было ни одной ошибки (6).

Но въ свою очередь и полковнику Кельнеру многому пришлось поучиться у Нижегородцевъ, и особенно у ихъ бригаднаго командира князя Чавчавадзе. «Я сознавалъ,—пишетъ въ своихъ запискахъ самъ Кельнеръ:—что князь имѣетъ за собой огромный боевой опытъ, котораго недоставало мнѣ, и въ частыхъ бесѣдахъ старался выпытывать отъ него знакомство съ новымъ для меня предметомъ. Но князь вообще былъ не словоохотливъ, и мнѣ только изрѣдка удавалось подбить его на разсказы въ высшей степени для меня поучительные и интересные. Такимъ образомъ изъ бесѣдъ какъ съ нимъ, такъ и со старыми офицерами полка, я выяснилъ вполнѣ какую роль играютъ въ бою нравственныя качества части, и разъ усвоивъ себѣ эту идею, я сталъ уже горячимъ послѣдователемъ и поклонникомъ всего, что развиваетъ именно эти качества» (7).

А время тогда стояло тревожное. Въ исторіи не часто бываютъ такіе моменты, которые пришлось переживать Россіи въ 1875 и 1876 годахъ, когда политическія событія такъ благопріятно подготовляли почву для сознательнаго и глубоко прочувствованнаго народнаго движенія. Маленькая Сербія, объявившая войну могущественной Турціи, вызывала симпатіи во всѣхъ слояхъ общества, выражавшіяся и крупными пожертвованіями, и тѣми высокими чувствами, которыя заставляли молодежь и стариковъ-ветерановъ умирать подъ сербскими знаменами; даже темныя неразвитыя массы простого люда, и тѣ напряженно прислушивались къ вѣстямъ изъ далекаго края, гдѣ лилась кровь новыхъ христіанскихъ мучениковъ. Полки предчувствовали близость кровавой войны и исподволь къ ней готовились. Нижегородскій полкъ, заблаговременно приве-

денный въ 16-рядный составъ, весь поглощенъ былъ ожиданіемъ надвигавшихся событій и провелъ всю зиму, благодаря отсутствію караульной службы и мягкой погодѣ, въ усиленныхъ полевыхъ занятіяхъ, дававшихъ самую широкую инициативу частнымъ начальникамъ. Курсъ стрѣльбы былъ пройденъ зимою два раза. Эскадроны по тревогѣ внезапно вызывались въ Пятигорскъ и участвовали въ маневрахъ, заканчивавшихся всегда или кавалерійскою атакой, или штурмомъ высотъ, или ученьемъ съ боевыми патронами. Послѣ ученья—веселый завтракъ, и эскадроны съ пѣснями расходились по своимъ станицамъ. Весьма распространенное въ то время мнѣніе, что съ преобладаніемъ огня надъ холоднымъ оружіемъ, кавалерія должна утратить значеніе въ современномъ бою, къ счастію, не находило себѣ отголоска среди Нижегородцевъ, остававшихся вѣрными завѣту своихъ предшественниковъ. «Полковыя преданія—говоритъ полковникъ Кельнеръ:—были достояніемъ не только общества офицеровъ, но и громаднаго большинства нижнихъ чиновъ. Мы готовились предстать на грозный боевой экзаменъ во всеоружіи порядка, дисциплины, знанія своего дѣла, и въ твердой увѣренности, что каждый изъ насъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы достойно поддержать старинную славу полка. Мы были сильны духомъ, тверды единомысліемъ и общностью нашихъ интересовъ. Словомъ, мы до такой степени вѣровали въ успѣхъ, что неуспѣха не должно было быть,—и его не было» ([8]).

Среди такого настроенія общества, Нижегородскій полкъ осчастливленъ былъ новою, милостію великаго князя Михаила Николаевича, пожаловавшаго шесть тысячъ рублей для основанія въ полку офицерскаго заемнаго капитала, названнаго, по единодушному рѣшенію общества, «Михайловскимъ». Этотъ капиталъ послужилъ прекраснымъ подспорьемъ офицерамъ въ ихъ домашнемъ быту, а вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ и вѣчный памятникъ заботамъ и милостямъ, которыя оказывались полку его августѣйшимъ Однополчаниномъ.

Такъ наступило лѣто 1876 года. Драгунская бригада отбыла обычный кампаментъ, но едва эскадроны разошлись на траву, какъ 14-го сентября пришло приказаніе, чтобы черезъ два дня Нижегородскій полкъ, а за нимъ и Сѣверскій—выступили изъ Пятигорска въ походъ на кавказско-турецкую границу и стали въ Александрополѣ. Закипѣла усиленная дѣятельность по приведенію полка на всякій случай въ боевую готовность— и 16-го числа Нижегородскіе эскадроны до свѣту сошлись въ станицѣ Сол-

датской. Отсюда до Владикавказа они должны были сдѣлать переѣздъ по желѣзной дорогѣ. Посадка въ вагоны представляла полку дѣло новое, а потому и хлопотливое. Способъ вводить лошадей по мосткамъ съ завязанными глазами оказался неудобнымъ, такъ какъ лошади, пугаясь стука копытъ, бросались въ сторону и падали съ мостковъ. Мостки покрыли мягкими настилками, и смирныхъ лошадей стали вводить прямо подъ уздцы, а для болѣе строгихъ принятъ былъ весьма оригинальный, хотя и чрез-

Посадка въ вагоны.

вычайно опасный пріемъ: лучшій ѣздокъ садился верхомъ на подобную лошадь, шагомъ подъѣзжалъ къ мосткамъ, и затѣмъ, давъ шпоры, карьеромъ влеталъ въ вагонъ. Весь секретъ заключался въ томъ, чтобы, нагнувшись въ дверяхъ, не разбить головы о притолоку, и моментально осадить коня въ вагонѣ. Ни одного несчастнаго случая, впрочемъ, не было, и къ 4 часамъ утра посадка была покончена (⁹).

Изъ Владикавказа полкъ двинулся уже походнымъ порядкомъ по

военно-грузинской дорогѣ. Осень стояла чудная, мѣстность кругомъ живописная, но солдаты, избалованные кавказской природой и приглядѣвшіеся ко всевозможнымъ видамъ, мало обращали на нее вниманія. Ихъ даже не поразилъ серебряный вѣнецъ Казбека, сверкавшій въ лучахъ восходящаго солнца. Проходя у самаго подножья этого колосса, драгуны говорили только: «Вишь, какая здоровая гора, — на нее не взлѣзешь». И этимъ ограничились всѣ увлеченія ихъ природою. За то по ту сторону горъ ихъ ожидали самыя радушныя встрѣчи. Въ Душетѣ полкъ угощалъ мѣстный грузинскій помѣщикъ Карангозовъ, сынъ котораго служилъ въ полку полковымъ адъютантомъ, а въ Мцхетѣ на встрѣчу выѣхалъ и самъ старый командиръ полка князь Иванъ Гивичъ Амилахвари *). При его появленіи—разсказываетъ Кельнеръ:—солдаты точно преобразились, и надо было слышать съ какимъ восторженнымъ чувствомъ грянуло въ отвѣтъ на его привѣтствіе обычное: «Здравія желаемъ, ваше сіятельство!» Онъ также предложилъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ хлѣбъ-соль, въ сообществѣ многихъ почетныхъ лицъ, съѣхавшихся для встрѣчи полка изъ окрестныхъ имѣній. Обѣдали въ виноградномъ саду, подъ открытымъ небомъ, при громѣ музыки и пѣсенниковъ. Радушный пріемъ и грузинская азарпеша съ карталинскимъ виномъ, обходившая присутствующихъ, вызвали безконечные тосты и пожеланія. Но всѣхъ чаще и всѣхъ задушевнѣе провозглашался тостъ за то, чтобы полкъ въ предстоящей кампаніи исполнилъ свой долгъ по завѣту отцовъ, «по нижегородски». На другой день князь Амилахвари повелъ всѣхъ офицеровъ въ Мцхетскій соборъ, усыпальницу послѣднихъ грузинскихъ царей, и тамъ, среди ихъ саркофаговъ, указалъ мраморную плиту, подъ которой покоился нижегородскій офицеръ прапорщикъ князь Грузинскій, убитый на штурмѣ Карса 17-го сентября 1855 года ([10]). Это была первая родная могила, попавшаяся на ихъ дорогѣ, а сколько еще дорогихъ и близкихъ сердцу могилъ встрѣтятъ они на чужой землѣ, на пути къ этому же самому Карсу.

Въ Тифлисѣ полкъ осмотрѣлъ великій князь, и направилъ его въ Александрополь кратчайшею дорогой черезъ Лорійскую степь и Мокрыя горы. Чтобы разнообразить монотонность этого похода, по мѣстамъ глухимъ и пустыннымъ, Кельнеръ производилъ небольшія ученья, которыя

*) Князь Амилахвари тогда былъ генералъ-маіоромъ свиты Его Величества.

служили для всѣхъ и развлеченіемъ, и вмѣстѣ школой и репетиціей передъ войною. 12-го октября вступили, наконецъ, въ Александрополь, и прямо съ похода направились къ высокому холму надъ Арпачаемъ, носившему названіе «Холмъ Чести». Тамъ почивали Нижегородцы, павшіе въ Крымскую войну, и надъ ихъ могилами полкъ отслужилъ торжественную панихиду (11).

Подъ Александрополемъ Нижегородцы простояли въ учебномъ лагерѣ около трехъ недѣль, но затѣмъ проливные дожди и холодъ заставили распустить ихъ на зимнія квартиры. Стоянка назначена была верстахъ въ пяти отъ города, въ армянскихъ деревняхъ Хорумъ, Кяфтарлы, Томарташъ и Мечетли. Мобилизація въ это время уже была объявлена. Въ эскадронахъ точили штыки и отпускали шашки. Для Нижегородскаго полка формировался особый маршевой эскадронъ, силою въ 544 человѣка. Взамѣнъ драгунской дивизіи, которая прекратила свое существованіе, составлены были три сводныя кавалерійскія, причемъ Нижегородскій и Сѣверскій драгунскіе полки, 1-й и 2-й Волжскіе, 2-й Кизляро-гребенской и батарея Терскаго казачьяго войска образовали 2-ю, подъ командой генералъ-маіора Лорисъ-Меликова. Начальникомъ всей кавалеріи назначенъ генералъ-маіоръ князь Захарій Чавчавадзе.

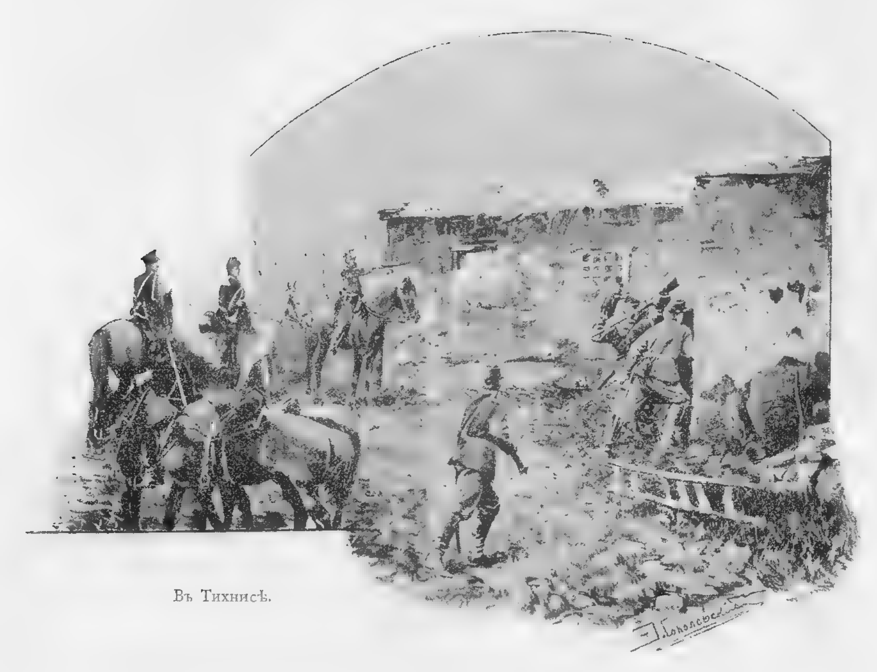
Такъ наступила весна 1877 года, и Нижегородскій полкъ, внезапно вызванный съ своихъ зимовыхъ квартиръ, 2-го апрѣля явился на Баяндурское поле, гдѣ собиралась лѣвая колонна дѣйствующаго корпуса. Она состояла изъ четырехъ полковъ кавказскихъ гренадеръ, 2-й кавалерійской дивизіи и семи батарей пѣшей и конной артиллеріи. 7-го числа въ Баяндуръ прибылъ великій князь-главнокомандующій и произвелъ смотръ на томъ самомъ историческомъ полѣ, гдѣ Нижегородцы выдержали первый бой въ кампанію 1853 года,—бой, приведшій ихъ къ славному дню Башъ-Кадыкъ-Лара. Передъ началомъ парада великій князь вызвалъ впередъ всѣхъ офицеровъ, напомнилъ имъ о прошлыхъ подвигахъ кавказскихъ войскъ и выразилъ надежду на будущіе. Обратившись затѣмъ къ драгунамъ, онъ сказалъ: «Вы, Нижегородцы и Сѣверцы—братья! Съ вами мнѣ говорить нечего. Я увѣренъ, что если понадобится, вы достойно поддержите вашу старую славу». Какъ только офицеры передали эти слова солдатамъ, восторженное ура! пронеслось по всему Баяндурскому полю, и отголоски его замерли гдѣ-то далеко—далеко, уже на Туречинѣ... Любуясь бодрымъ и молодецкимъ видомъ полковъ, про-

ходившихъ церемоніальнымъ маршемъ, великій князь обратился къ командирамъ частей и произнесъ достопамятныя слова: «Если съ такими войсками мы не побѣдимъ, то будемъ виноваты сами» (12).

Проводивъ великаго князя, отрядъ расположился лагеремъ надъ самымъ Арпачаемъ. А по ту сторону рѣки стояли турецкіе посты и ходили уже турецкіе разъѣзды.

Александропольская крѣпость.

Въ Тихнисѣ.

VII.
Отъ границы до Бегли-Ахмета.
(1877 г.).

Ночь передъ выступленіемъ за границу.—Захватъ турецкаго поста и стычка у Тихниса.—Приказъ великаго князя главнокомандующаго.—Кавалерійскій рейдъ въ окрестностяхъ Карса.—Возвращеніе назадъ и стычки у Каны-кея и Мугараджика.—Кавалерійская стоянка на Визинкевскихъ высотахъ.—Походъ къ Кагызману.—Заимскій лагерь.—Извѣстіе о взятіи Ардагана.—Начало блокады Карса и движеніе кавалеріи къ Хаджи-Халилю.—Вторичный бой у Мугараджика.—Прибытіе въ Хаджи-Халиль.

11-го апрѣля 1877 года, позднимъ вечеромъ, когда въ лагерѣ уже были выставлены ночные пикеты, изъ Александрополя пріѣхалъ начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе и привезъ извѣстіе, что война объявлена. Разсвѣтъ 12-го апрѣля долженъ былъ застать русское войско уже

на томъ берегу Арпачая, а потому распоряженія дѣлались спѣшныя. Черезъ полчаса полковой адъютантъ Нижегородскаго полка князь Андрониковъ вошелъ въ палатку начальника кавалеріи, и князь Чавчавадзе встрѣтилъ его слѣдующими словами: «прикажите 1-му дивизіону сѣдлать лошадей и строиться передъ лагеремъ. Мы сейчасъ перейдемъ границу». Было два часа ночи, когда 1-й дивизіонъ, поднятый съ бивуака, сѣлъ на коней, и къ нему подъѣхалъ начальникъ кавалеріи. Онъ поздравилъ людей съ походомъ и сказалъ лаконически: «съ Богомъ! Переправляйтесь!» Великая минута объявленія войны, которую такъ долго ожидали, подступила тихо, ни для кого незамѣтно. Снимая кивера и усердно крестясь на темное, подернутое тучами ночное небо, каждый солдатъ изъ глубины души прочелъ какую умѣлъ молитву, и затѣмъ дивизіонъ въ глубокомъ молчаніи двинулся къ переправѣ. Оба головные взвода, подъ командой поручиковъ Панчулидзева и Коронгозова, тотчасъ отдѣлились отъ своихъ эскадроновъ и пошли впередъ. Оба они первые переступили нашъ заповѣдный рубежъ и понеслись карьеромъ направо и налѣво. Имъ надо было обскакать шурагельскія высоты съ двухъ сторонъ, чтобы попытаться захватить турецкое орудіе, которое еще наканунѣ видѣли стоявшимъ на этихъ самыхъ высотахъ. На томъ пути, по которому скакалъ Панчулидзевъ, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ берега стояла каменная казарма, занятая пограничнымъ турецкимъ постомъ. У воротъ ея ходилъ часовой. Онъ видѣлъ нашу скакавшую конницу, но смотрѣлъ на нее благодушно, такъ какъ въ послѣднее время русскіе офицеры часто пріѣзжали на турецкій постъ цѣлыми группами, и къ нимъ давно уже привыкли. Между тѣмъ взводъ, доскакавъ до казармы, быстро спѣшился, и прежде чѣмъ часовой успѣлъ опомниться — турецкій гарнизонъ былъ уже обезоруженъ. Постъ былъ захваченъ, такъ сказать, мимоходомъ; но скакать дальше Панчулидзеву не было надобности: разсвѣло совершенно, и онъ видѣлъ ясно, что турецкаго орудія тамъ, гдѣ его предполагали, не было. Оказалось, дѣйствительно, что его, точно по какому-то предчувствію, отвезли наканунѣ въ Карсъ ([1]).

Въ это время подошелъ весь дивизіонъ съ полковымъ командиромъ, и Панчулидзевъ представилъ ему 12 человѣкъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ ихъ лошадьми, оружіемъ и имуществомъ. Это были первые плѣнные въ эту кампанію. Пока Панчулидзевъ отводилъ ихъ обратно въ Баяндурскій лагерь, гдѣ еще стояла гренадерская дивизія и нашъ 2-й дивизіонъ, Кельнеръ при-

казалъ 2-му эскадрону сдѣлать развѣдки у Башъ-Шурагеля, а первый направилъ въ Тихнисъ, гдѣ, по увѣреніямъ жителей, стоялъ цѣлый куртинскій полкъ, силою въ 800 коней. Впереди эскадрона пошелъ небольшой разъѣздъ съ прапорщикомъ Тургіевымъ. Никакого полка въ Тихнисѣ, разумѣется, не оказалось, но человѣкъ 60 конныхъ и пѣшихъ курдовъ встрѣтили нашъ разъѣздъ сильнымъ огнемъ. Съ Тургіевымъ было только 12 драгунъ; но раздумывать было некогда, и разъѣздъ, очертя голову, кинулся въ шашки. Нѣсколько турокъ было изрублено, но остальные засѣли въ сакляхъ и продолжали огонь. Тургіевъ спѣшилъ драгунъ, а между тѣмъ на выстрѣлы прискакалъ и полковникъ Кельнеръ съ 1-мъ эскадрономъ. Въ деревнѣ произошла небольшая стычка; нѣсколько саклей были взяты штурмомъ, нѣсколько домовъ зажжено. Какой-то конный курдъ кинулся было на полкового командира, съ пикой, но въ этотъ моментъ выскочилъ впередъ штабъ-трубачъ Березнякъ и выстрѣломъ изъ пистолета положилъ его на мѣстѣ. Въ нашихъ рукахъ осталось шесть непріятельскихъ тѣлъ и девять плѣнныхъ, которые всѣ были ранены шашками. Такимъ образомъ у Тихниса раздались первые выстрѣлы, пролита была первая кровь, и первый георгіевскій крестъ въ начинавшуюся войну достался въ Нижегородскій полкъ—Березняку ([2]).

Въ полдень въ Тихнисъ прибыла гренадерская дивизія, и вмѣстѣ съ нею 2-й дивизіонъ Нижегородцевъ. Войска эти были задержаны въ Баяндурѣ постройкою моста и перешли границу только въ 10 часовъ утра, послѣ напутственнаго молебствія, при которомъ прочтенъ былъ слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

«Войска Кавказской арміи! Державная воля государя императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства вашего отечества. За вами—славное прошлое кавказскихъ войскъ, передъ вами—поля и твердыни, обагренныя кровью вашихъ отцовъ и братій. Впередъ, съ Богомъ—за родину и великаго государя!»

И такъ, война началась. Нижегородскій полкъ, переночевавъ въ Аргынѣ, вмѣстѣ съ конною батареею, на другой день перешелъ въ Джемушлю и захватилъ переправу на Карсъ-чаѣ. Ходили слухи о большомъ кавалерійскомъ рейдѣ, готовящемся къ сторонѣ Саганлуга, и, дѣйствительно, 14-го апрѣля Нижегородскій полкъ былъ передвинутъ въ Кюльверанъ, гдѣ собиралась вся 2-я кавалерійская дивизія, перешедшая границу въ разныхъ мѣстахъ на всемъ протяженіи ея отъ Баяндура до

Казаръ-Абата. Въ приготовленіяхъ къ этому рейду нельзя было не замѣтить извѣстной опытности и навыка къ походной жизни, не утраченныхъ еще въ продолжительно-долгое мирное время. Нижегородцы первые сняли мундштуки, хотя и возили ихъ, на случай, привороченными къ задней лукѣ; тяжелые вьюки замѣнились туземными курджимами, а сѣдельные чемоданы—подушками, которыя покрывали ленчикъ, на манеръ казачьихъ. Къ этому нужно прибавить еще одну особенность, вынесенную Нижегородцами также изъ практическихъ уроковъ войны—это обычай имѣть въ каждомъ взводѣ заводную неосѣдланную лошадь, на случай замѣщенія убыли, чтобы случайная потеря коня не ставила солдата въ опасное положеніе остаться среди непріятеля пѣшкомъ (3).

Наконецъ всѣ приготовленія были окончены, и 15-го апрѣля кавалерія выступила изъ Кюльверанскаго лагеря на Суботань и Хаджи-Вали. Въ послѣднемъ пунктѣ присоединилась къ ней вся 1-я дивизія генерала Шереметева, и летучій отрядъ, силой въ 12 эскадроновъ драгунъ, 30 сотенъ казаковъ и 16 конныхъ орудій, подъ начальствомъ князя Чавчавадзе, двинулся къ Саганлугскимъ горамъ. Нижегородскій и Волжскій казачій полки пошли въ авангардѣ. Съ Визинкевскихъ высотъ видно было, какъ изъ Карса выѣхала турецкая кавалерія, и какъ Нижегородцы, разсыпавъ противъ нея конную цѣпь, завязали перестрѣлку. Къ вечеру отрядъ подошелъ къ подошвѣ каныкейскихъ высотъ и расположился у бѣдной деревушки, прилѣпившейся къ самымъ горамъ своими черными, точно обожженными саклями. Глубокое ущелье прорѣзываетъ съ юга на сѣверъ эти каменистыя горы и служитъ сообщеніемъ карской равнины съ равниною по ту сторону возвышенности. Берега ущелія круты, обрывисты, и усѣяны огромными камнями.

Здѣсь мы узнали, что въ Бозгалахъ стоитъ турецкая пѣхота. Главнокомандующій анатолійскою арміею Мухтаръ-паша, помнившій какіе печальные результаты имѣла для турецкой арміи потеря Саганлугскаго хребта въ минувшую войну, заблаговременно вышелъ изъ Карса и сталъ на арзерумской дорогѣ. Съ нимъ было девять батальоновъ пѣхоты. И вотъ, какъ только направленіе нашего рейда обозначилось ясно, Мухтаръ покинулъ Бозгалинскій лагерь и быстрымъ движеніемъ на Сайгутли и Кякячъ предупредилъ насъ въ Саганлугскихъ горахъ. Кавалерія наша въ Бозгалахъ его уже не застала. Она преслѣдовала его весь день до наступленія глубокой ночи, но только передовыя казачьи партіи успѣли

захватить нѣсколько человѣкъ отсталыхъ. Мухтаръ ушелъ въ Саганлугскія горы и занялъ крѣпкую позицію у Зивина.

Продолжать поиски дальше въ главной квартирѣ считали неудобнымъ, такъ какъ продолжительное отсутствіе кавалеріи стѣсняло дѣйствія

Атака Каныкейскихъ высотъ.

корпуса—и князь Чавчавадзе получилъ приказаніе возвратиться назадъ. 18-го апрѣля началось обратное движеніе. Кавалерія прошла мимо Владикарса, лежавшаго со времени минувшей войны въ печальныхъ развалинахъ, и на другой день переправилась черезъ Карсъ-чай у Большой Тикмы. Въ это время изъ Карса выступили турецкія войска съ очевидною цѣлью отрѣзать намъ отступленіе. Ближайшія высоты были уже

заняты турецкою артиллеріею, и намъ пришлось итти къ Каныкею подъ огнемъ дальнобойныхъ орудій. Но и на Каныкейскихъ высотахъ уже были башибузуки. Первая дивизія пронеслась черезъ дефиле подъ ихъ огнемъ и стала занимать противоположную гору; вторая—распорядилась иначе: слѣдовавшій во главѣ ея Нижегородскій полкъ вдругъ повернулъ налѣво, и вмѣстѣ съ конною батареей карьеромъ ринулся прямо на высоты, гдѣ былъ непріятель. Башибузуки тотчасъ кинулись внизъ и ускакали къ своей пѣхотѣ. Нижегородскіе эскадроны между тѣмъ спѣшились на вершинѣ горы и стали по сторонамъ орудій; скоро подошли остальные полки дивизіи, и расположились за флангами Нижегородцевъ. Ружейный огонь прекратился; но за то началось любопытное состязаніе нашихъ четырехъ-фунтовокъ съ турецкими орудіями большого калибра. При этой артиллерійской канонадѣ, въ Нижегородскомъ полку убиты двѣ лошади и раненъ драгунъ,—первыя жертвы въ кампанію 77-го года. Какъ велики были потери у турокъ—неизвѣстно, но они первые прекратили огонь и отступили къ Карсу. 2-й дивизіонъ маіора Наврузова тотчасъ сѣлъ на коней. и, спустившись къ Азаткеву, всю ночь посылалъ разъѣзды и наблюдалъ за непріятелемъ. На другой день турки снова попытались атаковать нашу кавалерію при переправѣ ея черезъ глубокій магараджикскій оврагъ, но появленіе на визинкевскихъ горахъ цѣлой гренадерской бригады, высланной для поддержанія конницы, не позволило имъ отойти далеко отъ крѣпости. И дѣло ограничилось на этотъ разъ только пушечной канонадой, да небольшою стычкой въ арьергардѣ, гдѣ взводъ Нижегородскихъ драгунъ, съ прапорщикомъ Форжетомъ, разсѣялъ толпу башибузуковъ ([4]).

Въ Визинкевѣ на встрѣчу кавалеріи выѣхалъ самъ корпусный командиръ и прочиталъ передъ всѣми слѣдующую телеграмму великаго князя: «Только что получилъ вашу депешу о лихомъ поискѣ вашей молодецкой кавалеріи. Въ высшей степени доволенъ и благодарю; объявить войскамъ мое спасибо. Кресты вышлю завтра. Разрѣшаю выдать ихъ по одному на каждый эскадронъ, сотню и батарею, а во 2-ю Терскую батарею два —какъ просятъ». Эти первые кресты достались въ Нижегородскомъ полку старшимъ вахмистрамъ: Казначейскому, Ленскусу и Клюшникову, а въ 3-мъ эскадронѣ унтеръ-офицеру Ильину, такъ какъ вахмистръ этого эскадрона Плетеницкій имѣлъ уже двѣ степени за Кавказскую войну ([5]).

По возвращеніи кавалеріи, она была оставлена въ лагерѣ у Визинкева, чтобы наблюдать за южною стороною крѣпости, а главныя силы

попрежнему стояли у Заима, на сѣверо-востокъ отъ Карса, на прямомъ сообщеніи его съ Ардаганомъ. Впрочемъ Нижегородскому полку не долго пришлось простоять на этой позиціи. 23-го апрѣля вечеромъ, когда 2-й дивизіонъ занималъ аванпосты, начальникъ кавалеріи получилъ приказаніе отправить летучую колонну для открытія сообщенія съ Эриванскимъ отрядомъ, который, двигаясь долиною Ефрата, подходилъ уже къ Діадину. Въ ту же ночь 1-й дивизіонъ Нижегородцевъ, два полка казаковъ и конная батарея, подъ командой генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, выступили изъ Визинкева. 2-му дивизіону также послали приказаніе смѣниться съ аванпостовъ и догонять отрядъ на рысяхъ. Погода была ненастная, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и дождь перемежался со снѣгомъ. Никто не зналъ куда и зачѣмъ идутъ въ такую темную ночь по каменистымъ тропамъ, болотамъ и оврагамъ. Артиллерію все время тащили на лямкахъ. Только къ полудню на слѣдующій день добрались наконецъ до спуска въ долину Аракса и сдѣлали здѣсь небольшой привалъ. Кругомъ насъ были голыя скалы, снѣгъ, невылазная грязь, а внизу сіяло солнце, пестрѣли цвѣты, и взоръ ласкала чудная, бархатистая зелень полей. Тамъ въ полномъ смыслѣ слова царствовало лѣто. Здѣсь только мы узнали, что идемъ занимать Кагызманъ—городъ, лежавшій на нашемъ прямомъ сообщеніи съ Алашкертской долиной. Сюда же со стороны Діадина двигалась летучая колонна полковника Граббе, которая и заняла Кагызманъ почти одновременно съ нами. Турецкія власти бѣжали. Городъ отворилъ ворота и принялъ наши войска съ хлѣбомъ и солью. Въ минувшую войну Нижегородцы также занимали Кагызманъ, и теперь среди его жителей нашлось еще много такихъ, которые помнили князя Дондукова. Тогда, какъ и теперь, съ занятіемъ Кагызмана мы не только установили сообщеніе съ Эриванскимъ отрядомъ, но пріобрѣли вліяніе на всѣ куртинскія племена, кочевавшія по склонамъ Агридага. Кагызманъ служилъ для нихъ центромъ торговыхъ сношеній, а эти сношенія ставили ихъ въ зависимость отъ того, кто владѣлъ Кагызманомъ. Устроивъ въ городѣ русское правленіе, отряды разошлись въ разныя стороны, и Лорисъ-Меликовъ 27-го апрѣля кружнымъ путемъ вернулся къ Визинкеву. Кавалерійскаго лагеря тамъ уже не было,—его перевели въ Заимъ, откуда почти половина корпуса ушла подъ Ардаганъ.

Нижегородскій полкъ, оставленный подъ Карсомъ въ составѣ блокадныхъ войскъ, имѣлъ достаточно времени, чтобы отдохнуть, поправить

лошадей и привести въ порядокъ хозяйство, такъ какъ турки вылазокъ не дѣлали, а вся аванпостная служба, дальніе разъѣзды и рекогносцировки возлагались преимущественно на иррегулярную конницу. Только однажды, 4-го мая, громъ крѣпостныхъ орудій поднялъ на ноги весь русскій лагерь. Сѣверскій полкъ былъ дежурный и поскакалъ на тревогу. Оказалось, что конная дагестанская бригада, производившая рекогносцировку около Карса, была атакована турками и выдержала горячее кавалерійское дѣло. Дагестанцы показали себя молодцами въ блестящихъ атакахъ, но понесли огромную потерю, до 80 человѣкъ, и лишились доблестнаго своего начальника свиты его величества генералъ-маіора князя Челокаева—стараго Нижегородца, командовавшаго въ полку 2-мъ эскадрономъ еще во времена Чавчавадзе и Дондукова. Въ другой разъ, 8-го мая, Нижегородскій полкъ принялъ участіе въ рекогносцировкѣ сѣверо-восточныхъ укрѣпленій Карса, входилъ даже въ сферу крѣпостного огня, но дѣло только и ограничилось пушечною канонадою. Въ тотъ же день вечеромъ пришло извѣстіе, что Ардаганъ взятъ штурмомъ, и что наши войска возвращаются обратно.

Хроника Нижегородскаго полка должна занести на свои страницы, что въ этомъ блистательномъ штурмѣ принялъ участіе и одинъ изъ Нижегородскихъ офицеровъ, капитанъ Панчулидзевъ, командовавшій личнымъ конвоемъ корпуснаго командира. Въ то время, какъ наши войска готовились итти на штурмъ Эмиръ-Оглы—одного изъ сильнѣйшихъ укрѣпленій на гелявердинскихъ высотахъ, замѣчено было, что часть его гарнизона уходитъ въ городъ, спускаясь по балкамъ и длинному скату горы. Кавалеріи подъ рукою не было, и корпусный командиръ приказалъ своему конвою отрѣзать имъ отступленіе. Смѣлые горцы, предводимые капитаномъ Панчулидзевымъ, блистательно исполнили эту задачу. Подъ страшнымъ огнемъ они прорвались между укрѣпленіемъ Эмиръ-Оглы и городскою стѣною, распространили общую панику, и выскочили уже за гелявердинскія высоты (6). Объ этой смѣлой атакѣ много говорили въ отрядѣ. Ликованіе, вообще, было общее. Вся кавалерія выѣхала на встрѣчу корпусному командиру, чтобы поздравить его съ первою блестящею побѣдой, служившей, какъ казалось тогда, вѣстникомъ и близкаго паденія Карса.

Съ сосредоточеніемъ всѣхъ нашихъ войскъ подъ стѣнами крѣпости, начинается новый періодъ кампаніи—тѣсная блокада Карса. Войска 39-й дивизіи, подъ командой генерала Девеля, остались на сѣверѣ, противъ

чакмахскихъ высотъ, у сел. Мацра, а гренадеры и большая часть кавалеріи съ генераломъ Гейманомъ передвигались на юго-западъ къ Араартану, чтобы держать въ своихъ рукахъ всѣ сообщенія съ Арзерумомъ. Пока пѣхота поджидала транспортовъ, шедшихъ изъ Александрополя, вся кавалерія Лорисъ-Меликова,—за исключеніемъ 1-го дивизіона Нижегородскаго полка, оставленнаго при главной квартирѣ, уже выступила въ Хаджи-Халиль, чтобы какъ можно скорѣй стать на пути къ Саганлугу. 13-го мая кавалерія эта дошла до Магараджика. Здѣсь предстояла ей трудная переправа черезъ глубокій, каменистый оврагъ, а турки между тѣмъ вышли изъ Карса и быстро приближались къ тому же самому оврагу съ очевидною цѣлью помѣшать переправѣ. Начальникъ отряда выдвинулъ противъ нихъ 16 конныхъ орудій. Непріятель остановился; онъ сдѣлалъ попытку къ фронтальной атакѣ, но видя ея безуспѣшность, двинулъ часть своихъ силъ въ обходъ нашего праваго фланга, гдѣ стоялъ 2-й дивизіонъ Нижегородцевъ. Турки пробрались оврагомъ, и вдругъ поднявшись на высоты, осыпали его градомъ пуль изъ магазинокъ; турецкая артиллерія также направила сюда орудійный огонь, и первая граната лопнула въ рядахъ 4-го эскадрона. «Нѣтъ ли раненыхъ?» крикнулъ эскадронный командиръ капитанъ Кусовъ. «Кажись, нѣту, ваше благородіе», отвѣтилъ вахмистръ, оглядывая фронтъ. Во фронтѣ, дѣйствительно, не произошло никакого волненія, а между тѣмъ шинель у рядового Зайцева вся была залита кровью. Кусовъ это замѣтилъ.—Ты что, раненъ? спросилъ онъ у Зайцева.—«Такъ точно, ваше благородіе, раненъ».—Что жъ ты молчишь? Куда ты раненъ?—«Руку оторвало, ваше благородіе». Руки, дѣйствительно, не было. Этого стоика тотчасъ отправили на перевязочный пунктъ, а на мѣсто его явился изъ обоза рядовой Аксеновъ. Онъ былъ на лошади Зайцева и съ его оружіемъ. «Ты откуда взялся?»—«Дозвольте остаться, я штрафованный, хочу омыться кровью», отвѣчалъ Аксеновъ ([7]).

Чтобы избавиться отъ перекрестнаго огня, Кусовъ спѣшилъ взводъ поручика князя Церетели и приказалъ ему занять высоту. Атаку быстро поддержали двѣ сотни пѣшихъ гребенцовъ съ полковникомъ Климентовымъ, тоже старымъ Нижегородцемъ, и турки, не выдержавъ рукопашной схватки, были сбиты и отброшены назадъ къ своимъ батареямъ. Канонада все еще продолжалась, и только вечеромъ непріятель отодвинулся наконецъ къ Карсу. Изъ числа Нижегородцевъ одинъ былъ убитъ, восемь

13

ранено и пять лошадей выбыло изъ фронта. Въ ожиданіи ночного нападенія, кавалерія всю ночь держала лошадей въ поводу. Впереди лежали секреты. Холодный дождь лилъ какъ изъ ведра, но тѣмъ не менѣе переправа обоза продолжалась всю ночь, при свѣтѣ фонарей и факеловъ. Къ утру удалось, наконецъ, переправить батареи, и отрядъ благополучно дошелъ до Хаджи-Халиля.

Стычка у Магараджика.

Ночной Бегли-Ахметскій бой.

VIII.

Бегли-Ахметъ.

(Ночной кавалерійскій бой).

(1877 г.).

Появленіе непріятеля въ Кякячѣ.—Движеніе противъ него кавалеріи.—Муса-Кундуховъ, бывшій генералъ русской службы.—Бивуакъ его у Бегли-Ахмета.—Наступленіе наше тремя колоннами.—Неудачное движеніе князя Эристова и бой въ лѣвой колоннѣ.—Движеніе 1-го дивизіона Нижегородцевъ на выручку Эристова.—Геройская атака 3-го эскадрона маіора Витте и затѣмъ 4-го, капитана Кусова.—Полный разгромъ Кундухова и взятіе орудій.—Смерть Форжета.—Потери 2-го дивизіона.—Торжественная встрѣча Нижегородцевъ пѣхотою.—Взятіе лагеря въ Кякячѣ.—Значеніе Бегли-Ахметскаго боя въ общемъ ходѣ кампаніи.—Награды за Бегли-Ахметъ.

На другой день послѣ Магараджикскаго дѣла въ Хаджи-Халиль прибылъ самъ начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе съ 1-мъ дивизіономъ Нижегородцевъ и съ тремя конно-иррегулярными

полками. Тотчасъ были отправлены разъѣзды по всѣмъ дорогамъ, и къ вечеру у насъ уже получились свѣдѣнія, что сильный непріятельскій лагерь стоитъ у Кякяча. Объ этомъ тотчасъ дали знать корпусному командиру. Не сомнѣваясь, что эти войска спустились съ Саганлуга, чтобы прорваться въ Карсъ, корпусный командиръ приказалъ пѣхотѣ Геймана итти форсированнымъ маршемъ и вмѣстѣ съ кавалеріей атаковать непріятеля.

Послѣдствіемъ этого распоряженія и былъ ночной Бегли-ахметскій бой.

17-го мая, часовъ въ пять пополудни, когда пѣхота Геймана только что подходила къ Хаджи-Халилю, вся кавалерія князя Чавчавадзе выступила уже изъ лагеря по дорогѣ къ Ардосту. На пути полученъ былъ ею цѣлый рядъ извѣстій, сводившихся къ тому, что войска, появившіяся у Кякяча, составляютъ самостоятельный кавалерійскій отрядъ, высланный для дѣйствія на Карсской плоскости. Отрядъ этотъ состоялъ преимущественно изъ нашихъ кавказскихъ горцевъ, слѣдовательно, изъ людей, привычныхъ къ партизанской войнѣ, да и самъ начальникъ его, нѣкто Муса-Кундуховъ, представлялъ собою личность весьма замѣчательную. Онъ былъ уроженецъ Терской области, воспитывался въ Петербургѣ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, и выпущенъ въ 1836 году корнетомъ въ одинъ изъ нашихъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, гдѣ природныя способности и отличное знаніе русскаго языка быстро выдвинули его изъ среды товарищей. Черезъ десять лѣтъ службы онъ уже былъ подполковникомъ и командовалъ въ Варшавѣ Кавказско-горскимъ дивизіономъ. Въ венгерскую войну дивизіонъ этотъ, подъ его начальствомъ, заслужилъ георгіевское знамя, а самъ Кундуховъ за цѣлый рядъ боевыхъ отличій былъ переведенъ въ Собственный Конвой Его Величества. Потомъ онъ служилъ на Кавказѣ, не разъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ Нижегородскихъ драгунъ, и, наконецъ, будучи уже генераломъ и георгіевскимъ кавалеромъ, управлялъ Владикавказскимъ военнымъ округомъ ([1]). Но этимъ и закончилась его служебная карьера. Подъ вліяніемъ извѣстнаго ученья «Зикры», онъ вышелъ въ отставку и, переселившись въ Турцію, жилъ частнымъ человѣкомъ. Война застала его въ Сивазѣ, гдѣ онъ имѣлъ небольшія помѣстья. Кундухову было въ то время болѣе 60 лѣтъ; но годы не угасили въ немъ прежней энергіи, и онъ, явившись въ Арзерумъ, получилъ мѣсто бригаднаго генерала въ анатолійской арміи. Силы Кундухова, стоявшія въ Кякячѣ, опредѣляли различно, но большинство свѣдѣній сходились на томъ, что онъ имѣетъ два полка

сувари и отъ 15 до 20 сотенъ горцевъ, т. е. мы могли имѣть противъ себя отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ хорошихъ наѣздниковъ, вооруженныхъ притомъ магазинными ружьями, которыхъ у насъ не было ([2]).

Въ полночь на 18-е мая кавалерія князя Чавчавадзе подошла къ Карсъ-чаю, и неожиданно увидѣла на той сторонѣ рѣки большіе бивуачные огни, раскинутые у Бегли-Ахмета. Одинъ армянскій священникъ, бѣжавшій изъ этой деревни, сообщилъ намъ, что это и есть лагерь Кундухова, перешедшій сюда изъ Кякяча. Онъ также опредѣлялъ числитель-

Переправа черезъ Карсъ-Чай у Тикмы.

ность непріятеля въ три или четыре тысячи всадниковъ, но говорилъ, что при нихъ имѣются два горныя орудія, которыя наканунѣ доставили къ нимъ изъ Карса. Свѣдѣнія были настолько обстоятельны, что Чавчавадзе рѣшилъ въ ту же ночь напасть на непріятеля.

Вся кавалерія раздѣлилась на три колонны: средняя—Нижегородскій и 1-й Волжскій казачій полки съ конною батареею всего 4 эскадрона, 4 сотни и 12 орудій — должна была атаковать непріятеля съ фронта; лѣвой колоннѣ, князя Эристова, (12 сотенъ) приказано было зайти непрія-

телю въ тылъ, чтобы стать на пути его отступленія въ Саганлугскія горы, а правой, Лорисъ-Меликова—(Сѣверскій полкъ, 8 сотенъ и 4 орудія) отрѣзать его отъ крѣпости и атаковать бивуакъ со стороны большой карсской дороги. При всей простотѣ и несложности этого плана, онъ не могъ быть выполненъ въ такую темную ночь и повелъ за собою только невообразимую путаницу: войска сбились съ дороги, не попали на назначенныя имъ мѣста — и вся тяжесть боя, какъ увидимъ, обрушилась на одинъ дивизіонъ Нижегородцевъ.

Въ два часа ночи кавалерія перешла Карсъ-чай, и средняя колонна, при которой находился самъ князь Чавчавадзе, начала спускаться въ лощину, ведущую къ Бегли-Ахмету. Ночь была такая темная, что нельзя было видѣть даже сосѣднихъ частей, и только непріятельскіе костры, какъ путеводныя звѣздочки, указывали намъ направленіе, котораго надо было держаться. Скоро и эти огни исчезли за ближними высотами. Отрядъ остановился, такъ какъ до лагеря оставалось только двѣ-три версты, и надо было дать время боковымъ колоннамъ обойти непріятельскую позицію. Въ эту минуту влѣво отъ насъ вдругъ послышался гулъ, весьма похожій на отдаленный шумъ горнаго водопада. Ясно было, что шла кавалерія, и шла значительною массою. Посланный туда поручикъ Панчулидзевъ вернулся назадъ съ докладомъ, что въ полуверстѣ отъ насъ идетъ лѣвая колонна Эристова, которая по диспозиціи должна была находиться значительно лѣвѣе и дальше; она очевидно сбилась съ дороги и шла совсѣмъ не туда, куда ей было назначено. Нѣсколько встревоженный этимъ извѣстіемъ, князь Чавчавадзе вторично послалъ Панчулидзева, но поправить ошибку уже было нельзя: едва этотъ офицеръ, не нашедшій колонны на прежнемъ мѣстѣ, поднялся на возвышенность, какъ грянулъ ружейный выстрѣлъ, и затѣмъ огонь моментально охватилъ всю непріятельскую линію ([3]). Теперь, судя по направленію выстрѣловъ, можно было догадываться, что колонна Эристова внезапно наткнулась на турецкій бивуакъ и отступаетъ, сильно тѣснимая непріятелемъ. Такимъ образомъ первый приступъ нашъ вышелъ весьма неудаченъ. Разсчитавъ однако, что горцы, преслѣдуя Эристова, все дальше и дальше отходятъ отъ своего бивуака, начальникъ кавалеріи приказалъ Волжскому полку подняться на хребетъ и ударить имъ въ тылъ, а самъ съ батареей и Нижегородскимъ полкомъ продолжалъ наступленіе. Такъ какъ отрядъ построился при этомъ въ боевой порядокъ, и батарея развернулась по головному орудію вправо,

то 1-й дивизіонъ Нижегородцевъ, слѣдовавшій впереди, очутился на лѣвомъ флангѣ ея, а 2-й, замыкавшій колонну,—на правомъ (4). Въ такомъ расположеніи мы продолжали подвигаться впередъ, и скоро вошли въ сферу ружейнаго огня. Пули свистали со всѣхъ сторонъ, но сообразить что-нибудь въ этомъ глубокомъ, окутывавшемъ насъ мракѣ, не было никакой возможности. Впереди, однакоже, слышался шумъ и гамъ битвы. Полагая, что тамъ находится колонна Эристова, князь Чавчавадзе двинулъ на помощь къ ней весь 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, а батарею оставилъ подъ охраной только двухъ эскадроновъ.

Офицеры-Нижегородцы, участвовавшіе въ этой битвѣ, разсказываютъ, что какъ только дивизіонъ поднялся на возвышенность, они увидѣли волжскихъ казаковъ, которые скакали назадъ, очевидно опрокинутые ружейнымъ огнемъ какой-нибудь пѣшей партіи, такъ какъ ихъ никто не преслѣдовалъ. Драгуны пропустили ихъ мимо себя и пошли галопомъ. Волжцы скоро, однако, оправились и, какъ оказалось потомъ, кинулись на котанлинскую дорогу, гдѣ имѣли дѣло съ тою партіей, которая преслѣдовала Эристова. Драгуны между тѣмъ, проскакавъ около версты въ прямомъ направленіи и не видя нигдѣ непріятеля, остановились. Шумъ разгоравшагося сраженія слышался у нихъ и слѣва и справа. Но драгуны не успѣли еще оріентироваться, какъ увидѣли батарею, подъѣзжавшую къ нимъ безъ всякаго прикрытія (5). Съ нею прибылъ и полковникъ Кельнеръ, отъ котораго узнали, что 2-й дивизіонъ пошелъ въ атаку, и гдѣ онъ теперь—неизвѣстно. О правой колоннѣ не было также ни слуху, ни духу.

Въ то время какъ 1-й дивизіонъ отдѣлился отъ отряда, батарея стояла еще въ лощинѣ у подошвы довольно крутой возвышенности, на которую надо было подниматься. Казалось, что бой, начинавшій разыгрываться отдѣльными эпизодами, совсѣмъ не захватитъ въ свой кругъ 2-й дивизіонъ, связанный по рукамъ и ногамъ тяжелою артиллеріею. Оно бы, по всей вѣроятности, такъ и случилось,—если бы не одно обстоятельство, которое дало дѣлу совсѣмъ иной оборотъ. Вправо отъ насъ послышался шумъ какой-то двигавшейся массы. Полагая, что это подходитъ правая колонна, князь Чавчавадзе одинъ поднялся на возвышенность и громко крикнулъ: какая это часть? Въ отвѣтъ послѣдовалъ залпъ, — и не будь такая страшная темь, князь Чавчавадзе неминуемо сдѣлался бы жертвою своей неосторожности. Но еще не смолкли ра-

скаты залпа среди сосѣднихъ холмовъ, какъ поле внезапно огласилось бѣшенымъ топотомъ несущейся конницы, криками ура! — и на ошеломленнаго непріятеля со всѣхъ сторонъ посыпались шашечные удары. Это былъ 3-й эскадронъ маіора Витте, который не сталъ ожидать ни чьихъ приказаній, а бросился съ своимъ эскадрономъ прямо на выстрѣлы. Ударъ этотъ — какъ выражается въ своемъ донесеніи князь Чавчавадзе,—произведенъ былъ съ такою замѣчательной отвагой, что его по справедливости можно причислить къ прежнимъ достославнымъ подвигамъ Нижегородцевъ. Огромная толпа пѣшихъ горцевъ, смятая и стоптанная конями, не могла даже бѣжать, потому что драгуны, ворвавшіеся въ ряды, косили ее, какъ траву. Тогда на помощь къ пѣшимъ кинулись конные,—и началась жестокая рубка. Самъ Витте едва не погибъ въ рукопашномъ бою, и былъ спасенъ только рядовымъ Юнайтусомъ, который, во-время замѣтивъ опасность, отвелъ направленный на него ударъ. Сѣча длилась нѣсколько минутъ, но горцы наконецъ не выдержали, повернули коней и помчались назадъ. Драгуны гнались за ними и устилали путь вражескими тѣлами. Но вотъ, на смѣну бѣгущимъ являются свѣжія массы,—и Витте видитъ вокругъ себя подавляющія силы. Положеніе представлялось безвыходнымъ. Но чѣмъ оно становилось труднѣе, тѣмъ выше поднимался духъ эскадрона,—и въ этомъ случаѣ князь Чавчавадзе не безъ основанія ставилъ его дѣйствія въ уровень со старыми кавказскими бойцами. Такова уже сила преемственныхъ полковыхъ преданій! Съ несокрушимымъ мужествомъ встрѣчаетъ эскадронъ все новыя и новыя толпы, стремящіяся въ битву, всюду вноситъ за собою страшное опустошеніе. Казалось, и конца не будетъ этому побоищу..... ([6]).

Между тѣмъ 4-й эскадронъ, оставленный при батареѣ, продолжалъ подвигаться впередъ, и вмѣстѣ съ нею поднялся наконецъ на крутую, и при томъ довольно каменистую возвышенность. Влѣво отъ насъ, въ какой-нибудь верстѣ разстоянія, опять-таки за цѣлымъ рядомъ холмовъ, чуть видны были догоравшіе огни турецкаго бивуака. Но былъ ли тамъ непріятель, или онъ направилъ всѣ свои силы на маіора Витте—этого мы не знали; но во всякомъ случаѣ неизвѣстность, что происходитъ въ 3-мъ эскадронѣ, и необходимость отвлечь отъ него хоть часть непріятеля, заставили насъ двинуть впередъ и послѣдній, 4-й эскадронъ, оставивъ батарею подъ защитою только ея канонировъ. «Никакихъ опредѣленныхъ приказаній—что именно атаковать, говоритъ въ своихъ запискахъ полков-

[illegible]

никъ Кельнеръ: дать эскадрону было невозможно. Непріятель былъ и слѣва и справа, стало-быть онъ былъ и впереди насъ,—вотъ все, что я могъ сказать, передавая приказанія командиру 2-го дивизіона маіору Наврузову. Но какъ Наврузовъ, такъ и командиръ 4-го эскадрона капитанъ Кусовъ—горецъ по происхожденію, были офицеры достойные, на иниціативу которыхъ можно было вполнѣ положиться. Эскадронъ тронулся рысью, но мы могли слѣдить за его атакою только по конскому топоту, такъ какъ самого эскадрона, затонувшаго во мракѣ, совсѣмъ не было видно. Черезъ нѣсколько минутъ до насъ донесся страшный залпъ, потомъ дружное ура! и вслѣдъ затѣмъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Наша батарея также послала двѣ-три гранаты, но тотчасъ же прекратила огонь изъ опасенія поражать своихъ». Оставшись совсѣмъ безъ прикрытія, она двинулась влѣво и, какъ мы знаемъ, случайно наткнулась на 1-й дивизіонъ, который принялъ ее подъ свою охрану (7).

Теперь мы перейдемъ къ главному моменту сраженія, именно къ атакѣ 4-го эскадрона, замѣчательной какъ по своей необычайной отвагѣ и рѣшительности, такъ еще болѣе по тѣмъ результатамъ, которые были ею достигнуты.

Какъ только эскадронъ двинулся впередъ, наѣздники его услышали за ближнимъ холмомъ какой-то говоръ и пріостановились. Поручикъ князь Церетели поѣхалъ узнать въ чемъ дѣло, но едва онъ поднялся на холмъ, какъ крикнулъ: «Здѣсь непріятель!» Въ отвѣтъ на это грянулъ залпъ,—а вслѣдъ за залпомъ 4-й эскадронъ, имѣя во главѣ капитана Кусова, ринулся съ мѣста и врѣзался въ огромную конную массу. Атака была такъ стремительна, что прапорщикъ баронъ де-Форжетъ, скакавшій впереди и не успѣвшій въ моментъ удара сдержать своего коня, очутился въ самой срединѣ толпы и былъ жестоко израненъ. Горцы хотѣли добить его, но рядовые Морозовъ и Башковъ успѣли отстоять и вынести своего офицера. Подъ капитаномъ Кусовымъ была убита лошадь. Рядовой Сидоровъ отдалъ ему свою, а самъ, примкнувши штыкъ, бросился въ рукопашную схватку пѣшкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ горцы уже мчались назадъ, а драгуны, преслѣдуя и рубя бѣгущихъ, внезапно налетѣли на главныя силы Кундухова, смяли ихъ, и неслись все дальше и дальше, продолжая истребленіе. Самъ Кундуховъ, сидѣвшій на превосходной лошади, едва ускакалъ, но его значокъ и оба горныя орудія были отбиты драгунами. Турецкій штабъ-офицеръ, командовавшій глав-

Возвращеніе Нижегородцевъ изъ Бегли-Ахметскаго боя.

нымъ резервомъ, разсказывалъ впослѣдствіи, что онъ никакъ не ожидалъ нападенія съ этой стороны и былъ захваченъ врасплохъ. По его словамъ, онъ стоялъ впереди своихъ конныхъ сотенъ, когда внезапно услыхалъ влѣво отъ себя шумъ, крики и выстрѣлы. Сдѣлавъ въ ту сторону нѣсколько шаговъ, онъ началъ всматриваться въ темноту, стараясь разгадать, что тамъ происходитъ, какъ вдругъ надъ его ухомъ раздался страшный крикъ и на него посыпались удары. Больше онъ ничего не помнитъ; онъ упалъ съ коня, и былъ подобранъ послѣ боя съ 17-ю шашечными ранами ([8]).

Съ пораженіемъ Кундухова и потерей орудій началось поголовное бѣгство непріятеля. Видя, что эскадронъ, проскакавшій болѣе двухъ верстъ, начинаетъ уже зарываться, маіоръ Наврузовъ послалъ за подкрѣпленіемъ. Посланный случайно наткнулся на полковника Кельнера, который и повелъ первый эскадронъ, приказавъ 2-му оставаться при орудіяхъ. Но помощь оказалась уже ненужною: бой былъ оконченъ, и 3-й и 4-й эскадроны возвращались назадъ изъ своего преслѣдованія. «На всемъ пути, гдѣ мы проѣзжали,—говоритъ полковникъ Кельнеръ,—разбросаны были убитые горцы, а въ одномъ мѣстѣ они навалены были даже цѣлою кучею, до 70 человѣкъ; далѣе мы встрѣтили и перевязочный пунктъ, гдѣ докторъ Кучинскій, участвовавшій въ атакѣ вмѣстѣ съ эскадрономъ, перевязывалъ раненнаго Форжета, у котораго голова была разрублена въ двухъ мѣстахъ до самаго мозга». Въ это время уже совсѣмъ разсвѣло. По горамъ виднѣлись горцы, бѣжавшіе къ Саганлугу, но преслѣдовать ихъ было рѣшительно нечѣмъ. Только теперь появилась наконецъ правая колонна Лорисъ-Меликова, но и она преслѣдовала, по всей вѣроятности, слишкомъ слабо, потому что лагерь Кундухова въ Кякячѣ, находившійся всего въ 13 верстахъ отъ мѣста боя, такъ и остался не тронутымъ ([9]).

Бегли-ахметское сраженіе было окончено. Драгуны потеряли въ этомъ бою, кромѣ прапорщика Форжета, умершаго отъ ранъ, 6 нижнихъ чиновъ убитыми, 16 ранеными, и 28 лошадей, выбывшими изъ строя. Замѣчательно, что изъ числа всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, только одинъ рядовой Савченко были пораженъ пулею, а всѣ остальные—холоднымъ оружіемъ. Трофеями 4-го эскадрона были два горныя орудія, четыре зарядные ящика и два значка, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ самому Кундухову. Но главное значеніе Бегли-ахметскаго боя заключается въ его

результатахъ, отразившихся на дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій подъ Карсомъ. Истребленіе 4-хъ тысячъ горцевъ избавило насъ отъ слишкомъ назойливаго элемента, который могъ безпокоить наши войска на каждомъ шагу и стѣснять всѣ наши операціи. Самъ Кундуховъ открыто признавалъ свое пораженіе, и на другой день послѣ битвы прислалъ сказать капитану Кусову, что ему весьма прискорбно быть разбитымъ Нижегородцами, своими учениками, которыхъ онъ водилъ когда-то къ побѣдамъ.

Къ 8 часамъ утра вся кавалерія собралась въ Бегли-Ахметъ, и послѣ короткаго привала, двинулась обратно къ Карсъ-чаю, куда съ другой стороны подходила уже пѣхота Геймана. Гренадеры, выстроившіеся на своихъ бивуакахъ, встрѣтили Нижегородскій полкъ восторженнымъ ура! Впереди шелъ 4-й эскадронъ и везъ отбитые значки и орудія. Апплодисменты и громкіе крики: «Браво Нижегородцы!» раздавались кругомъ. По мѣрѣ приближенія полка всѣ хоры музыки играли «Нижегородскій маршъ» ([10]).

На другой день весь полкъ присутствовалъ при отпѣваніи прапорщика Форжета, тѣло котораго отправили въ Александрополь, въ общую почетную усыпальницу нашихъ героевъ. Тамъ, на «Холмѣ Чести», среди родныхъ Нижегородскихъ могилъ, находится и его могила, отмѣченная скромнымъ памятникомъ, поставленнымъ усердіемъ Нижегородцевъ. Едва отошла панихида, какъ 1-й дивизіонъ сѣлъ на коней и съ колонной генерала Духовского отправился въ Саганлугскія горы, чтобы успокоить населеніе, бѣжавшее изъ своихъ домовъ послѣ пораженія Кундухова. Нѣкоторыя селенія были дѣйствительно пусты, но въ другихъ черкесы выходили на встрѣчу къ намъ съ заявленіемъ покорности, хотя въ толпахъ и замѣтны были многіе со свѣжими, еще окровавленными повязками. На обратномъ пути колонна завернула въ Кякячъ и захватила брошенный Кундуховымъ лагерь. Весь этотъ лагерь, въ числѣ 80 палатокъ, корпусный командиръ приказалъ отдать въ войска, участвовавшія въ дѣлѣ.

За блестящимъ для Нижегородцевъ днемъ послѣдовали и блестящія награды: командиръ 2-го дивизіона маіоръ Наврузовъ получилъ орденъ св. Великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени и чинъ подполковника; обоимъ эскадроннымъ командирамъ: маіору Витте и капитану Кусову пожалованы золотыя шашки и, сверхъ того, Витте произведенъ въ подполковники, а Кусовъ въ маіоры. Нижнимъ чинамъ назначено

18 знаковъ отличія Военнаго ордена, и, кромѣ того, нѣсколько крестовъ пожаловано было особо раненымъ, на которыхъ навѣсилъ ихъ самъ корпусный командиръ при посѣщеніи походнаго лазарета. Откликнулся на это славное дѣло и старый командиръ Нижегородцевъ генералъ-лейтенантъ графъ Иванъ Григорьевичъ Ностицъ, который письмомъ на имя полкового командира поздравилъ полкъ съ молодецкимъ дѣломъ и прислалъ 500 рублей для раздачи раненымъ и тѣмъ, кто удостоился знака отличія Военнаго ордена ([11]).

Орудія, взятыя Нижегородцами, передъ палаткою Великаго Князя.

Драгунскій разъѣздъ въ горахъ.

IX.

Подъ Карсомъ и за Саганлугомъ.

(1877 г.).

Тѣсная блокада Карса. — Тревога у Магараджика. — Кавалерійскій лагерь въ Когалахъ. — Пріѣздъ великаго князя — главнокомандующаго. — Ночное движеніе къ Шораху. — Приготовленія къ штурму Карса. — Нижегородцы сторожатъ саганлугскіе проходы. — Роковая ночь со 2-го на 3-е іюня и отмѣна штурма. — Возвращеніе кавалеріи въ Когалы. — Походъ за Саганлугъ. — Бой у Зивина, и послѣдствія этого боя.

Черезъ пять дней послѣ Бегли-ахметскаго боя, 23-го мая, войска окончательно заняли мѣста, назначенныя имъ для блокированія Карса. Пѣхота Геймана расположилась у Аравартана, а кавалерія заняла Бозгалы,—тѣ самые, которые Нижегородцы занимали въ минувшую войну

и называли «Дондуковкою». Отсюда кавалерія держала аванпосты вплоть до Владикарса и высылала небольшія партіи, которыя, перебираясь черезъ Карсъ-чай, рыскали по обѣимъ сторонамъ арзерумской дороги и перехватывали курьеровъ и транспорты. Турки, какъ будто озадаченные нашими движеніями, въ первые два дня ничего не предпринимали, но 26-го мая, подъ вечеръ, сдѣлали вылазку и напали опять въ Магараджикскомъ оврагѣ на Кабардино-кумыкскій полкъ, слѣдовавшій въ Александрополь. На выручку къ нему былъ посланъ сводный дивизіонъ (1-й и 3-й эскадроны) Нижегородскаго полка, подъ командой маіора Витте; но такъ какъ отъ него всю ночь не было извѣстій, то передъ свѣтомъ изъ лагеря выступилъ весь Сѣверскій полкъ, но встрѣтилъ Нижегородскіе эскадроны, уже возвращавшіеся обратно, и узналъ отъ нихъ, что непріятель отступилъ.

Въ тотъ же день, 27 мая, въ нашемъ блокадномъ отрядѣ сдѣланы были нѣкоторыя перемѣщенія, и кавалерія перешла въ Когалы, лежавшіе на большой дорогѣ между Араварташомъ и Бегли-Ахметомъ, слѣдовательно ближе къ Саганлугу. Но еще не успѣли разбить палатки, какъ получилось извѣстіе, что изъ Аравартана ѣдетъ августѣйшій главнокомандующій великій князь Михаилъ Николаевичъ, и полки выстроились по всему протяженію дороги отъ Чакмахскаго спуска до лагеря. Проѣзжая въ Когалы мимо Нижегородцевъ, его высочество благодарилъ ихъ за славный бой 18-го мая, и затѣмъ, осмотрѣвъ блокадныя позиціи, тѣмъ же путемъ возвратился обратно. Проводивъ великаго князя, Нижегородскій полкъ съ наступленіемъ вечера выступилъ вмѣстѣ съ конною батареею въ ночную экскурсію и взялъ направленіе къ Шорахскимъ высотамъ. Шли очень тихо. Густая пыль, лежавшая по дорогамъ, глушила топотъ конскихъ копытъ, а колеса и даже лафеты орудій обмотаны были соломой. Въ полночь приблизились къ Тохмасъ-табіи, и батарея внезапно открыла по ней учащенный огонь. Пока испуганный гарнизонъ становился въ ружье, батарея подвинулась еще впередъ и принялась осыпать картечными гранатами лагерь. По всему протяженію оборонительной линіи турокъ били барабаны, и войска сбѣгались на тревогу. Изъ крѣпости открыли огонь,—но батареи уже не было: она ускакала въ лагерь вмѣстѣ съ Нижегородцами ([1]).

Подобныя тревоги стали производиться часто, чтобы пріучить къ нимъ турокъ и этимъ усыпить ихъ бдительность. На этомъ у насъ, какъ

кажется, основывали даже успѣхъ самаго штурма, о которомъ уже давно говорили. Ожидали только прибытія осадной артиллеріи, чтобы въ одну ночь построить 22 батареи, и подъ прикрытіемъ огня ста-пятидесяти осадныхъ орудій штурмовать передовыя укрѣпленія. Артиллерія наконецъ прибыла, и штурмъ назначенъ былъ со 2-го на 3-е іюня. Кавалерія также готовилась принять въ немъ участіе; но наканунѣ, 1-го іюня, вся 2-я дивизія, за исключеніемъ Сѣверскаго полка, неожиданно передвинута была въ Кякячъ, чтобы наблюдать за арзерумскою дорогой, откуда могъ появиться Мухтаръ-паша съ значительными силами.

2-го іюня утромъ кавалерія прибыла въ Кякячъ и расположилась фронтомъ къ Саганлугскимъ горамъ, куда Нижегородскій полкъ немедленно отправилъ четыре разъѣзда, подъ командой штабсъ-капитана Венярскаго и прапорщиковъ Долинскаго, Бернадскаго и Гурскаго. Они возвратились съ извѣстіемъ, что видѣли на перевалѣ небольшія партіи башибузуковъ, но что Мухтаръ-паша находится еще далеко за Саганлугомъ. Тогда для открытія главныхъ силъ непріятеля Лорисъ-Меликовъ отправилъ два новые разъѣзда: одинъ, подъ командой поручика Панчулидзева, въ Саракамышъ, другой, съ штабсъ-капитаномъ Карангозовымъ, на Зивинъ. Въ Саракамышѣ непріятеля совсѣмъ не оказалось, но въ Зивинѣ, куда былъ посланъ Карангозовъ, удалось открыть огромный лагерь, занятый всѣми тремя родами оружія. Путь къ этому лагерю проходилъ черезъ густые лѣса, въ которыхъ, по словамъ проводника, разбросаны были небольшія селенія, занятыя куртинскою конницею. Эти селенія обошли благополучно; но затѣмъ наступила такая темная ночь, что двигаться съ разъѣздомъ по густому лѣсу не было возможности. Карангозовъ оставилъ его на дорогѣ, а самъ поѣхалъ впередъ въ сопровожденіи только одного трубача. Часа черезъ два проводникъ вывелъ его на поляну, откуда Карангозовъ увидѣлъ по ту сторону горной рѣчки высокую скалу, увѣнчанную старинными развалинами. Онъ догадался, что это зивинскій замокъ, и, всматриваясь въ даль, при свѣтѣ взошедшей луны, скоро различилъ большую деревню и раскинувшійся надъ нею по горамъ значительный турецкій лагерь. Онъ подвинулся еще ближе и, высмотрѣвъ все, что было можно, поскакалъ назадъ.

Въ лагерь Карангозовъ вернулся уже передъ свѣтомъ, и къ удивленію не нашелъ ни аванпостовъ, ни бивуака на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ оставилъ съ вечера. Кавалерія ушла, и онъ очутился въ опасномъ

положеніи, не зная куда ему направиться. Къ счастію, онъ скоро встрѣтилъ разъѣздъ 2-го эскадрона, который сообщилъ ему, что ночью Гейманъ потребовалъ къ себѣ обратно всю кавалерію, и что Лорисъ-Меликовъ, не имѣя возможности ожидать разъѣзда, оставилъ для встрѣчи его только одинъ 2-й эскадронъ (2).

Когда кавалерія прибыла въ Когалы, она застала наши войска возвратившимися уже изъ своей неудачной ночной экспедиціи къ Карсу. Заложеніе батарей окончательно не удалось. Колонны мацринскаго отряда въ темнотѣ и невылазной грязи сбились съ дороги, перепутались между собою и совсѣмъ не попали на назначенныя имъ мѣста. Гейманъ тщетно ожидалъ ихъ, чтобы приступить къ работамъ. Приближался разсвѣтъ, турки могли замѣтить царившую въ войскахъ неурядицу и поставить ихъ въ опасное положеніе. Надо было скорѣе увозить осадную артиллерію изъ-подъ выстрѣловъ крѣпости, иначе, — съ восходомъ солнца турецкія батареи нанесли бы ей значительный уронъ. Гейманъ извѣстилъ объ этомъ генерала Девеля и повернулъ назадъ, а за нимъ стали уходить и колонны мацринскаго отряда. О новомъ штурмѣ нечего было и думать, такъ какъ турки, предупрежденные уже о нашихъ намѣреніяхъ, конечно, не позволили бы намъ такъ легко во второй разъ заложить осадныя батареи. Пришлось отказаться отъ плана, къ которому такъ долго готовились, и ограничиться опять одною блокадою. Въ когалинскомъ лагерѣ уже стали устраиваться на долгую стоянку, какъ вдругъ, въ тотъ же день около полудня, къ сторонѣ Аравартана поднялась страшная канонада. Сѣверскій полкъ былъ дежурный, и первый ускакалъ на тревогу; за нимъ двинулась и остальная кавалерія. На дорогѣ узнали, что турки сами сдѣлали вылазку и напали на нашъ аравартанскій отрядъ съ цѣлію, какъ говорили, захватить осадную артиллерію. Нападеніе сдѣлано было врасплохъ. Измученная ночнымъ движеніемъ, пѣхота наша не приняла на этотъ разъ никакихъ мѣръ предосторожности и даже не выставила аванпостовъ. Турки воспользовались этимъ и, подойдя къ лагерю, открыли картечный огонь по палаткамъ. При другихъ условіяхъ такая нечаянность могла бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія; но здѣсь непріятель нарвался на лучшія кавказскія войска, которыя не привыкли смущаться ни предъ чѣмъ. Пока гранаты ложились по всѣмъ направленіямъ лагеря, Грузинскій гренадерскій полкъ полковника Рыдзевскаго и саперный батальонъ Заземана уже кинулись на непріятеля и сбили его съ

высотъ,—а тутъ подоспѣла изъ Когалы и кавалерія (3). Это былъ Сѣверскій драгунскій полкъ, знаменитая аравартанская атака котораго пріобрѣла себѣ историческую извѣстность. Десять таборовъ пѣхоты съ артиллеріею, покровительствуемые крѣпостнымъ огнемъ, были разметаны и обращены въ бѣгство тремя его эскадронами (*). Отважная рѣшимость командира и офицеровъ, передававшаяся солдатамъ, достигла цѣли, и огонь лучшаго огнестрѣльнаго оружія, доведенный до высшей степени своего напряженія, не составилъ для нихъ неодолимаго препятствія. Ни разрывавшіяся надъ эскадронами картечныя гранаты изъ трехъ укрѣпле-

Выступленіе въ разъѣздъ.

ній, ни убійственный, сосредоточенный перекрестный огонь пѣхоты изъ нѣскольких ярусовъ, ни картечь, вырывавшая цѣлые ряды, не могли остановить геройскаго порыва. «И если—пишетъ въ своемъ донесеніи князь Чавчавадзе:—кому-нибудь принадлежитъ честь носить имя героя, то это всецѣло относится къ Сѣверскому полку за его отважную атаку, подобную которой я въ своей боевой жизни не имѣлъ случая видѣть. Полковникъ Батіевскій (**) безъ всякаго сомнѣнія заслужилъ георгіев-

(*) Четвертый былъ въ резервѣ.
(**) Старый Нижегородецъ, командовавшій въ полку эскадрономъ и дивизіономъ.

скій крестъ» (4). Подобная атака,—говорится въ другомъ мѣстѣ: —есть лучшій отвѣтъ на теоретическія изслѣдованія о роли, какую можетъ играть кавалерія, при современныхъ условіяхъ боя (5).

Нижегородцамъ не пришлось принять непосредственнаго участія въ этомъ дѣлѣ. Двигаясь за Сѣверцами, они были остановлены противъ укрѣпленія Тохмасъ-табія, и выдержали, въ пассивной роли прикрытія артиллеріи, цѣлый градъ бомбъ и гранатъ, сыпавшихся на нихъ изъ форта. Только въ шесть часовъ вечера канонада прекратилась, и кавалерія была отпущена домой. Сѣверскій полкъ былъ встрѣченъ въ лагерѣ восторженными криками войскъ, а Нижегородцы привѣтствовали его сѣверскимъ маршемъ (6).

Такъ окончился памятный день 3-го іюля. А четвертаго—по лагерю ходили уже новые, еще болѣе тревожные слухи объ эриванскомъ отрядѣ, который, углубившись слишкомъ далеко въ Драмъ-дагскія горы, отрѣзанъ былъ отъ нашихъ границъ и находился въ весьма опасномъ положеніи. Послѣднее обстоятельство повело за собою перемѣну въ цѣломъ планѣ кампаніи. Теперь рѣшено было оставить подъ Карсомъ только часть войскъ съ генераломъ Девелемъ, а главныя силы отправить за Саганлугъ, чтобы предварительно выручить эриванскій отрядъ, и затѣмъ, покончивъ съ Мухтаръ-пашею, опять обратиться на Карсъ. Въ походу назначены были четыре гренадерскіе полка, подъ командой генерала Геймана, и вся 2-я кавалерійская дивизія, съ начальникомъ кавалеріи княземъ Чавчавадзе. При отрядѣ находился и самъ корпусный командиръ со всѣмъ своимъ штабомъ.

Изъ аравартанскаго лагеря кавалерія выступила 8-го іюня, а на другой день двинулись за нею и гренадеры. Войска пошли на Саракамышъ, и переваливъ Саганлугскій хребетъ на высотѣ 8-ми тысячъ футовъ, спустились къ Миллидюзу, откуда уже ясно обрисовались Драмъ-дагскія горы, гдѣ долженъ былъ находиться нашъ эриванскій отрядъ. На тѣхъ горахъ виднѣлись два большіе непріятельскіе лагеря, и точно такой же лагерь стоялъ напротивъ насъ у Зивина. Между тѣмъ князь Чавчавадзе, производившій рекогносцировку съ 1-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка и грузинской дружиной, убѣдился, что въ Зивинѣ находится до 20 батальоновъ пѣхоты, и что Мухтаръ-паша, находившійся въ Драмъ-дагскихъ горахъ, уже направилъ на помощь къ нимъ еще значительныя силы, которыя идутъ черезъ Хоросанъ. Какъ кажется, эти-то послѣднія

свѣдѣнія и повели къ окончательному рѣшенію атаковать зивинскій лагерь прежде, чѣмъ подоспѣютъ къ нему подкрѣпленія. Въ тотъ же день вся кавалерія получила приказаніе занять Меджингертъ, лежавшій въ самомъ узлѣ дорогъ, расходившихся отсюда на Хоросанъ и Зивинъ; пѣхота пока осталась еще въ Миллидюзѣ. Миллидюзъ и Меджингертъ! Эта были имена, полныя историческихъ преданій, напоминавшихъ полку его славные подвиги въ кампанію 1829 г., когда въ этихъ самыхъ горахъ погибли, разбитыя на голову, двѣ сильныя турецкія арміи.

На этихъ позиціяхъ войска провели цѣлый день, и только съ разсвѣтомъ 13-го іюня получили наконецъ приказаніе двинуться къ Зивину. На пути сдѣланы были и окончательныя распоряженія: гренадерская дивизія должна была штурмовать позицію съ фронта, а кавалерія обойти правый флангъ и тылъ непріятеля. По свѣдѣніямъ, которыя у насъ имѣлись относительно обходной дороги, разсчитывали, что князь Чавчавадзе появится въ тылу непріятеля около трехъ часовъ пополудни, слѣдовательно, какъ разъ къ тому времени, когда гренадеры поведутъ рѣшительную атаку съ фронта.

Съ послѣдняго привала, откуда видна была уже вся турецкая позиція съ ея укрѣпленіями, ярко освѣщенными солнцемъ, кавалерія выступила ровно въ 12 часовъ. Но такъ какъ ей приходилось итти нѣкоторое время въ сферѣ дѣйствительнаго артиллерійскаго огня, то, по предложенію подполковника генеральнаго штаба Лундеквиста, свернули влѣво и пошли ущельемъ, которое закрыло насъ отъ выстрѣловъ. Сначала дорога была сносная, но затѣмъ ущелье постепенно стало съуживаться и, наконецъ, голова колонны остановилась совсѣмъ, такъ какъ двигаться дальше не было никакой возможности. Пришлось всѣ 16 орудій снять съ передковъ, повернуть на рукахъ назадъ, и возвращаться на прежнюю дорогу. Въ результатѣ оказались потеря времени и безполезное утомленіе людей и лошадей. Выбравшись наконецъ изъ ущелья, кавалерія на полныхъ рысяхъ пронеслась подъ огнемъ непріятеля, и свернула опять на тропу, которая то поднималась на обрывистые утесы, то падала внизъ и спускалась въ изрытые промоинами овраги. Одинъ изъ зарядныхъ ящиковъ сорвался съ кручи и полетѣлъ въ пропасть. Страшная крутизна подъемовъ и спусковъ дѣлала дорогу настолько непроходимою для артиллеріи, что пришлось спѣшить драгунъ и тащить ее на рукахъ. Всѣ, съ горькимъ сознаніемъ полнаго безсилія, пришли къ убѣжденію, что при

такихъ условіяхъ нечего было и думать поспѣть во́-время къ мѣсту сраженія. Было шесть часовъ вечера, когда колонна, взобравшись на какую-то высокую гору, опять увидѣла Зивинъ, стоявшій уже нѣсколько сзади. Бой въ это время былъ въ полномъ разгарѣ. Пушечные и ружейные выстрѣлы сливались въ одинъ общій гулъ, но нельзя было различить—на чью сторону склоняется побѣда, такъ какъ вся позиція покрыта была густыми облаками дыма. Только изрѣдка можно было замѣтить, что наши линіи какъ будто подвигаются къ турецкимъ окопамъ. Въ виду невозможности слѣдовать дальше съ артиллеріей, князь Чавчавадзе бросилъ батареи, подъ прикрытіемъ большой части кавалеріи, а самъ съ драгунскою бригадою и Волжскимъ казачьимъ полкомъ двинулся рысью. Вскорѣ отрядъ вышелъ на небольшую поляну, раскинувшуюся у подножья довольно крутой горы, на которой стоялъ турецкій редутъ. Оттуда встрѣтили насъ пушечными выстрѣлами. Волжскіе казаки и одинъ эскадронъ Сѣверскаго полка, спѣшившись, взобрались на гору и открыли огонь по редуту. Между тѣмъ подошла артиллерія. Два головныя орудія, съ удвоенною запряжкою, попытались подняться къ казакамъ, но всѣ ихъ усилія остались тщетны, и съ полдороги оба они спустились обратно внизъ. Такимъ образомъ, имѣя при себѣ 16 орудій, мы не могли употребить ни одного изъ нихъ на то, чтобы разгромить редутъ и утвердиться на правомъ флангѣ непріятельской позиціи.

Бой между тѣмъ началъ замѣтно стихать, и линіи ружейныхъ дымковъ, постепенно отходившія отъ турецкой позиціи, ясно указывали, что гренадеры отступаютъ. Въ то же время разъѣзды дали знать, что со стороны Хорасана появилась турецкая конница, и что изъ Зивина вышли четыре батальона съ батареею на помощь къ редуту. Дѣлать было нечего,—пришлось отступать. Ночь настала безлунная, и отрядъ, добившись кое-какъ до небольшой каменистой возвышенности, остановился, рѣшившись выждать появленіе луны. Предполагая, что турки воспользуются своимъ успѣхомъ и опрокинутся на нашу изолированную кавалерію, находившуюся въ 30 верстахъ отъ главныхъ силъ, князь Чавчавадзе поставилъ батареи на позицію, спѣшилъ драгунъ и приготовился къ оборонѣ. Къ счастію, турки, выступившіе изъ Зивина, вернулись обратно. Между тѣмъ взошла луна, и отрядъ двинулся дальше. Нижегородскій полкъ, выждавъ, когда колонна отдѣлилась отъ него на значительное разстояніе, пошелъ въ арьергардѣ. «Молча и тихо—говоритъ полковникъ

Кельнеръ:—снялись мы съ позиціи, но не прошли и пять верстъ, какъ настигли нашу кубанскую батарею, приставшую вслѣдствіе выбившихся изъ силъ лошадей. Путь предстоялъ еще верстъ въ 25, и мы положительно на людяхъ вывозили орудіе за орудіемъ, ящикъ за ящикомъ на всякую ничтожную горку. Я не помню дня во всю кампанію, гдѣ бы мы были такъ утомлены, какъ за этотъ переходъ; мы едва доползли съ артиллеріей къ 9 часамъ утра до отряда» (7).

Весь день, 14-го іюня, войска провели въ самомъ мрачномъ настроеніи духа: погребали убитыхъ, перевязывали раненыхъ, а въ сумеркахъ отрядъ отошелъ къ Миллидюзу, откуда вся кавалерія послана была въ Саракамышъ, чтобы захватить выходъ изъ Саганлугскаго ущелья. Пѣхота оставалась на южномъ склонѣ Саганлугскихъ горъ еще цѣлый день, и только 17-го числа соединилась наконецъ съ кавалеріей. По ея слѣдамъ появился и непріятель. Вечеромъ 18-го іюня казаки, державшіе аванпосты къ сторонѣ Миллидюза, были внезапно атакованы турецкою конницею. Но, по всей вѣроятности, это были только передовыя партіи, высланныя отъ авангарда тревожить наше расположеніе, потому что при первомъ появленіи Нижегородскаго полка, выскочившаго изъ лагеря для поддержанія пикетовъ, они ускакали за горы. На слѣдующій день, когда войска изъ Саракамыша перешли въ Катанлы, турецкая конница произвела въ отрядѣ новую тревогу: дали знать, что начальникъ кавалеріи князь Чавчавадзе, отдѣлившійся съ грузинскою дружиной къ Бегли-Ахмету, окруженъ непріятелемъ. Весь Нижегородскій полкъ опять понесся на выручку, и всѣ разсчитывали, что у знакомаго имъ Бегли-Ахмета будетъ новое блестящее кавалерійское дѣло,—но турки во-время увидѣли несущихся драгунъ и поспѣшно скрылись въ горахъ (8).

Эти оба случая показывали однако, что непріятель идетъ по нашимъ слѣдамъ, и, дѣйствительно, разъѣзды наши открыли авангардъ его уже въ Саракамышѣ. Къ счастію, турецкая армія подвигалась впередъ очень медленно, и дала возможность нашимъ войскамъ безъ всякихъ потерь отступить за Карсъ-чай, и затѣмъ черезъ Хаджи-Халиль, Магараджикъ и Халифъ-Оглы присоединиться къ мацринскому отряду.

Такъ неудачно окончился для насъ первый саганлугскій походъ, завершившійся кровавою зивинскою катастрофою. Въ свое время бой этотъ вызвалъ много сужденій и толковъ, придававшихъ ему значеніе

поворотнаго пункта кампанiи, и послужившаго главной причиной цѣлаго ряда послѣдующихъ отступленiй и застоя въ нашихъ военныхъ дѣйствiяхъ.

Бивуакъ при Магараджикѣ.

Древній соборъ въ Огузлахъ.

X.

На защитѣ нашихъ границъ.
(1877 г.).

Снятіе блокады Карса.—Появленіе Мухтаръ-паши и занятіе имъ Аладжинской позиціи. — Нижегородцы въ Башъ-кадыкъ-ларскомъ лагерѣ. — Участіе полка въ дѣлахъ 16-го іюля и 6-го августа.—Двѣ стычки у Суботана.—Бой за Кизилъ-тапу и отступленіе нашего авангарда къ Байрахтару. — Вооруженіе полка винтовками Бердана и первый стрѣлковый бой съ новымъ оружіемъ.—Трехдневное сраженіе 20, 21 и 22-го сентября. — Отступленіе непріятеля. — Занятіе нами Кизилъ-тапы, Хаджи-вали и Суботана.

Неудачный исходъ перваго саганлугскаго похода, какъ извѣстно, вызвалъ общее наступленіе турецкой арміи, а насъ заставилъ снять блокаду Карса и отступить по большой александропольской дорогѣ, ближе къ границѣ, чтобы оградить наши собственные предѣлы отъ вторженія

турокъ. 6-го іюля весь дѣйствующій корпусъ расположился у Кюрюкъ-Дара, а авангардъ былъ выдвинутъ къ Башъ-Кадыкъ-Лару. Въ этомъ послѣднемъ лагерѣ сосредоточилась вся кавалерія и 8 батальоновъ пѣхоты при 32-хъ орудіяхъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Девеля: кавалерія расположилась къ востоку отъ селенія, а пѣхота — противъ отдѣльной высокой горы, Кизилъ-тапа, на которой стояли наши аванпосты. Лагерь еще не успѣлъ устроиться, какъ съ передовыхъ постовъ дали знать, что турецкая конница атаковала наши пикеты. Нижегородскій полкъ, собравшійся раньше другихъ, первый поскакалъ на тревогу, но пока онъ прибылъ къ аванпостной цѣпи, казаки успѣли уже потерять до 40 человѣкъ выбывшими изъ строя. Нападеніе тѣмъ не менѣе было ими отбито. Тогда для преслѣдованія турокъ князь Чавчавадзе направилъ весь Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, приказавъ Нижегородцамъ двигаться за нимъ въ видѣ резерва. Скоро со склоновъ Аладжинскихъ горъ послышались пушечные выстрѣлы, и гранаты стали бороздить землю передъ нашимъ фронтомъ. Кавалерія остановилась. Убѣдившись, что передъ нею весьма значительныя силы, она повернула назадъ и возвратилась въ лагерь.

Послѣдующія рекогносцировки выяснили, что вся горная цѣпь, идущая отъ Карса до рѣки Арпачая, и достигающая высоты 4-хъ тысячъ футъ надъ уровнемъ равнины,—была покрыта турецкими войсками, которыя занимали сѣверный склонъ Аладжи, и отсюда тянулись черезъ Авліярскія горы и группы Орлокскихъ и Визинкевскихъ высотъ до передовыхъ укрѣпленій Карса. Самая Аладжа, и безъ того неприступная, была прикрыта съ фронта еще отдѣльною коническою горою Инахъ-тепеси, перегораждавшею доступъ къ ней со стороны Башъ-Кадыкъ-Лара, а на лѣвомъ крылѣ передовыя турецкія войска, выдвинутыя впередъ, стояли въ Хаджи-вали и Суботани, опираясь на двѣ высокія горы Большія и Малыя Ягны. Въ общемъ, позиція турокъ представляла собою обширный укрѣпленный лагерь, въ которомъ Карсъ и Аладжа составляли два главные опорные пункта, а прочія укрѣпленныя высоты служили для нихъ какъ бы отдѣльными фортами.

Чтобы еще болѣе выяснить расположеніе непріятеля и заставить его развернуть свои силы, корпусный командиръ предпринялъ большую рекогносцировку къ сторонѣ Суботана. 16-го іюля, часовъ въ 7 утра, вся кавалерія князя Чавчавадзе подошла къ подошвѣ Большихъ Ягновъ и,

не найдя здѣсь непріятеля, поставила на вершинѣ горы свои пикеты. Подъ ихъ прикрытіемъ корпусный командиръ и производилъ осмотръ турецкихъ позицій съ обоихъ склоновъ горы. Турки между тѣмъ открыли пушечный огонь съ Авліяра, и такъ какъ легкая казачья артиллерія не могла состязаться съ дальнобойными турецкими орудіями, то наша кавалерія медленно стала отходить назадъ. Турки провожали ее учащеннымъ огнемъ. Въ это время на самой горѣ вдругъ послышался залпъ, и свита корпуснаго командира была осыпана пулями. Кавалерія также очутилась подъ сильнымъ фланговымъ огнемъ. Оказалось, что наши пикеты, увидѣвъ отступленіе конницы, съѣхали внизъ и дали возможность туркамъ подняться на гору. Дагестанскій полкъ и одинъ изъ Сѣверскихъ эскадроновъ кинулись было сбивать непріятеля; но турки встрѣтили ихъ такою массой огня, что корпусный командиръ вернулъ ихъ съ полудороги. Потеря у насъ оказалась значительная и, къ общему сожалѣнію, смертельно раненъ командиръ Сѣверскаго дивизіона маіоръ Гоппе. Подоспѣвшая бригада гренадеръ смѣнила наконецъ драгунъ и дала имъ возможность выйти изъ-подъ выстрѣловъ ([1]).

Прошло около трехъ недѣль послѣ описанной рекогносцировки, а на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій не происходило ничего особеннаго. Кавалерія наша спокойно стояла на аванпостахъ у Кизилъ-тапы, или занималась фуражировками, которыя при изобиліи покосныхъ мѣстъ и прекрасной травѣ представляли собой настоящіе праздники. Ходили слухи, что турки готовятся къ вторженію въ наши предѣлы, но эти слухи повторялись такъ часто, что имъ перестали вѣрить, хотя и выставили довольно сильный наблюдательный отрядъ къ развалинамъ Ани. На этотъ разъ слухи, однакоже, скоро перешли въ дѣйствительность,—и не прошло нѣсколькихъ дней, какъ разнеслась молва, что Мухтаръ-паша двигаетъ значительную часть своихъ силъ за Арпачай, на Кульпы, чтобы соединиться съ Измаилъ-пашею и вторгнуться въ наши предѣлы со стороны Эриванской губерніи. Войска, стоявшія въ Ани, тотчасъ получили приказаніе итти форсированнымъ маршемъ въ эриванскій отрядъ, а вслѣдъ за ними туда же послали Тверской драгунскій полкъ и горско-моздокскихъ казаковъ. Съ отправкой этихъ подкрѣпленій, мы были сами значительно ослаблены; но тѣмъ не менѣе, чтобы заставить Мухтаръ-пашу подумать о защитѣ собственныхъ позицій, рѣшили произвесть усиленную демонстрацію къ сторонѣ Инахъ-тепеси, и если возможно отнять у турокъ

этотъ передовой опорный пунктъ ихъ. Главная атака поручена была генералу Девелю съ пѣхотой башъ-кадыкъ-ларскаго лагеря, а для отвлеченія отъ него вниманія непріятеля направлены были еще двѣ колонны: полковника Комарова и генерала Геймана, изъ которыхъ первая должна была дѣйствовать противъ Большихъ Ягновъ, вторая — противъ Хаджи-Вали и Суботана. Кавалерія, подъ общимъ начальствомъ князя Чавчавадзе, составила общій резервъ и расположилась близъ Кюльверана. Бой начался 6-го августа часовъ въ семь утра, но густой дымъ, нависшій надъ полемъ, не позволялъ кавалерійскому резерву слѣдить за ходомъ сраженія, и только по гулу артиллерійскихъ выстрѣловъ, сливавшихся съ грохотомъ ружейной пальбы, онъ могъ судить о томъ что почти всѣ войска уже вступили въ дѣло. Часовъ въ 10 утра огонь на правомъ флангѣ усилился до крайнихъ предѣловъ, и князь Чавчавадзе получилъ приказаніе вести кавалерію къ Большимъ Ягнамъ, чтобы поддержать колонну Комарова, сильно тѣснимую турками. Кавалерія понеслась на полныхъ рысяхъ. Вотъ и Большія Ягны. Нижегородскій полкъ, слѣдовавшій въ головѣ отряда, галопомъ перестроился въ линію взводныхъ колоннъ и, спустившись въ лощину, остановился. Князь Чавчавадзе поѣхалъ впередъ и увидѣлъ отрядъ Комарова, который отступалъ, какъ левъ, охваченный со всѣхъ сторонъ турецкими таборами. Пѣхота, высланная къ нему на помощь изъ колонны Геймана, была еще далеко, въ 7 или 8-ми верстахъ отъ мѣста боя, а потому князь Чавчавадзе рѣшилъ употребить въ дѣло свою кавалерію. Нижегородскій полкъ спѣшился, и подъ его прикрытіемъ терская батарея открыла огонь шрапнелями: 1-й дивизіонъ, укрытый отъ выстрѣловъ пологою лощиной, остался при орудіяхъ, 2-й — быстро перебѣжавъ открытую полянку, залегъ на каменистой возвышенности и принялся поражать непріятеля фланговымъ огнемъ. Турки, не подозрѣвавшіе, что имѣютъ дѣло со спѣшенными частями кавалеріи, остановились. Батарея ихъ подвинулась было впередъ, чтобы заставить насъ показать свои силы; но едва первый дивизіонъ, вскочивъ на коней, выѣхалъ изъ лощины, какъ турки, увидѣвъ передъ собою кавалерію, поспѣшно убрали орудія. Воспользовавшись этимъ моментомъ, Комаровъ вывелъ изъ боя свои войска, и дальше отступалъ уже подъ прикрытіемъ кавалеріи, которую въ свою очередь смѣнила гренадерская бригада, подоспѣвшая съ Гейманомъ.

Возвращаясь назадъ мимо Суботана, Нижегородцы встрѣчены были

сильнымъ огнемъ какой-то партіи, засѣвшей въ деревнѣ, и хотя полковникъ Кельнеръ, спѣшивъ лучшихъ стрѣлковъ, быстро заставилъ ее отступить, но эта короткая и незначительная стычка стоила намъ двухъ офицеровъ: поручикъ принцъ Махмудъ-мирза персидскій былъ контуженъ, а поручикъ Евстафьевъ раненъ пулею въ ногу. Кромѣ ихъ въ этотъ день выбыло изъ полка 4 драгуна и 6 лошадей (2).

Въ лагерѣ войска узнали, что укрѣпленныя высоты Инахъ-Тепеси, также не были взяты, и что колонна Девеля отступила съ значительною потерею. Такимъ образомъ весь бой 6-го августа не доставилъ намъ никакихъ положительныхъ результатовъ; но если мы хотѣли только удержать непріятеля отъ посылки подкрѣпленій въ корпусъ Измаилъ-паши, то эта цѣль была достигнута вполнѣ, что доказали событія 13-го августа, когда исполнилось ровно два мѣсяца послѣ битвы подъ Зивинымъ.

Но прежде чѣмъ наступилъ этотъ роковой день, Нижегородцамъ еще разъ пришлось встрѣтиться съ турками, — и опять у того же самаго Суботана. На другой день послѣ сраженія 6-го августа, въ полночь, послана была значительная партія охотниковъ потревожить передовые посты непріятеля, и, пользуясь этимъ, развѣдать, какими силами онъ располагаетъ въ центрѣ своей позиціи. Для поддержанія же охотниковъ выдвинутъ былъ къ Суботану весь Нижегородскій полкъ съ конною батареею. Охотники благополучно обошли непріятельскую цѣпь, и кинувшись на главный караулъ, захватили его въ полномъ расплохѣ. Больше 20-ти турокъ было изрублено, а пять человѣкъ сувари взяты въ плѣнъ, вмѣстѣ съ своимъ офицеромъ, котораго, какъ нашли въ постели, такъ и привезли закутаннаго въ теплое ваточное одѣяло. Ночное нападеніе вызвало тревогу во всѣхъ турецкихъ лагеряхъ и укрѣпленіяхъ. Въ это самое время два эскадронные командира Нижегородскаго полка, капитанъ Чернышевъ и маіоръ Витте, разговаривая между собою, поднялись на небольшую возвышенность, чтобы посмотрѣть на дѣйствія нашихъ охотниковъ, какъ вдругъ между ними упала граната и, разорвавшись, обдала ихъ своими осколками: Чернышевъ былъ сильно контуженъ въ ногу, Витте въ голову, — и обоихъ пришлось отправить на перевязочный пунктъ. Нельзя не отмѣтить этой странной случайности по отношенію къ Нижегородцамъ: въ такомъ кровавомъ бою, какъ Бегли-ахметскій, они потеряли только одного офицера, а незначительныя стычки у Суботана стоили имъ четверыхъ! За первымъ выстрѣломъ, сразившимъ двухъ офицеровъ, турки открыли уча-

щенный огонь со всѣхъ батарей, а на окрестныхъ высотахъ появились многочисленные таборы. Къ счастію, въ обманчивомъ свѣтѣ, едва начинавшагося туманнаго утра, предметы едва были видны, и турецкія гранаты, сыпавшіяся градомъ, ложились мимо, обдавая насъ только землею и щебнемъ. Дождавшись охотниковъ, полкъ повернулъ назадъ и отступилъ безъ дальнѣйшей потери.

Несмотря на то, что противъ нашей позиціи оказались весьма значительныя силы, весь центръ тяжести военныхъ дѣйствій продолжалъ переноситься въ эриванскій отрядъ, и все вниманіе сосредоточивалось исключительно на его операціяхъ противъ Измаила-паши, который стоялъ уже въ нашихъ предѣлахъ. Занимая Агридагскія горы, непріятель могъ двинуться отсюда на Кульпы или Игдыръ, и поднять за собою все мусульманское населеніе страны. Въ эриванскій отрядъ посылались подкрѣпленія за подкрѣпленіями, но генералъ Тергукасовъ все еще не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы перейти въ рѣшительное наступленіе, а между тѣмъ политическія обстоятельства края требовали немедленнаго очищенія нашей территоріи отъ турокъ. Въ этихъ видахъ 11-го августа изъ Башъ-Кадыкъ-Лара отправили на Кульпы еще два полка 39-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями, подъ начальствомъ генерала Девеля,—и въ нашемъ авангардѣ осталось пѣхоты всего три батальона: два изъ нихъ находились въ лагерѣ, а третій высылался на Кизилъ-Тапу, для охраны ея, какъ передового опорнаго пункта. Непріятель не хуже насъ понималъ значеніе Кизилъ-Тапы и, тотчасъ по уходѣ Девеля, рѣшилъ овладѣть ею внезаннымъ нападеніемъ.

12-го августа въ нашемъ корпусномъ штабѣ имѣлись объ этомъ уже положительныя свѣдѣнія, и корпусный командиръ поспѣшилъ отправить въ авангардный лагерь еще два батальона Владикавказскаго полка и пѣшую батарею, приказавъ имъ расположиться на Кизилъ-Тапѣ для ея обороны. Но такъ какъ батальоны прибыли поздно, а дорога на гору для артиллеріи еще не была разработана, то весь этотъ отрядъ и заночевалъ у подошвы горы, а на вершинѣ ея попрежнему остался только одинъ очередной батальонъ имеретинцевъ. Аванпосты въ эту ночь держала мусульманская конница, а въ резервѣ за нею расположенъ былъ 3-й эскадронъ Нижегородцевъ.

Ночь уже была на исходѣ, какъ вдругъ весь Башъ-кадыкъ-ларскій лагерь разбуженъ былъ грохотомъ пальбы и свистомъ пуль и гранатъ,

разрывавшихся среди нашихъ палатокъ. Въ первую минуту никто не могъ отдать себѣ отчета, что такое происходитъ кругомъ, но вскорѣ пришлось убѣдиться, что непріятель уже на Кизилъ-Тапѣ, и что съ ея-то вершины и направлены на насъ его дальнобойныя пушки. Два имеретинскіе батальона, выскочившіе изъ своихъ палатокъ, бѣгомъ пустились къ подошвѣ горы, гдѣ были Владикавказцы, чтобы вмѣстѣ съ ними атаковать непріятеля и выручить товарищей, захваченныхъ на Казилъ-тапинскомъ посту. Нижегородскій полкъ также прискакалъ изъ лагеря вмѣстѣ съ конной артиллеріей и получилъ приказаніе дѣйствовать правѣе пѣхоты. Доскакавъ до горы, полковникъ Кельнеръ тотчасъ выдвинулъ впередъ батарею подъ прикрытіемъ 1-го эскадрона, а 2-й и 4-й поставилъ позади орудій; о третьемъ эскадронѣ, стоявшемъ на аванпостахъ, не было никакого извѣстія. Тутъ только мы узнали обстоятельно, что турецкая кавалерія, посадивъ на крупы своихъ лошадей пѣхотинцевъ, внезапно прорвалась чрезъ наши аванпосты, вскочила на гору, и послѣ жестокаго боя сбросила имеретинцевъ внизъ съ огромною потерею. За турецкою конницею бѣгомъ слѣдовали лучшіе арабистанскіе батальоны, и черезъ нѣсколько минутъ Кизилъ-тапа была уже прочно занята непріятелемъ. Въ эту минуту подъѣхалъ къ отряду князь Чавчавадзе и приказалъ четыремъ батальонамъ отбить у непріятеля гору. Бой завязался жаркій,—и были минуты, когда побѣда видимо склонялась на нашу сторону, какъ вдругъ князь Чавчавадзе пораженъ былъ пулею въ голову и вынужденъ оставить поле сраженія. Съ его отъѣздомъ войска остались безъ общаго начальника и окончательно потеряли связь въ своихъ дѣйствіяхъ ([3]).

Пока пѣхота истощалась въ безплодныхъ усиліяхъ и несла огромныя потери, конная батарея неустанно осыпала турокъ картечными гранатами, но за то и сама выдерживала сильнѣйшій огонь, направленный на нее съ вершинъ и скатовъ горы. При этой канонадѣ въ Нижегородскомъ полку раненъ прапорщикъ Эрастовъ, убитъ осколкомъ гранаты фельдшеръ, перевязывавшій за фронтомъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, и выбыло изъ строя 6 драгунъ и болѣе 20 лошадей.

Съ разсвѣтомъ бой началъ принимать болѣе широкіе размѣры, и скоро охватилъ всю нашу боевую линію. Часовъ въ 10 утра Нижегородскій полкъ получилъ приказаніе какъ можно скорѣе двигаться на самый крайній правый флангъ нашей позиціи, гдѣ непріятель, выславъ сильную колонну изъ Карса, угрожалъ уже самому кюрюкъ-даринскому лагерю.

Вмѣстѣ съ Нижегородцами пошла и батарея. На правомъ флангѣ полкъ встрѣтилъ генералъ Шереметевъ, и вмѣстѣ съ Ейскимъ казачьимъ полкомъ, повелъ его на Кабахъ-тапу и Паргетъ. Трудная задача выпала на долю этого маленькаго кавалерійскаго отряда, которому приходилось выдержать бой противъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля и не допустить турецкую кавалерію до лагеря, гдѣ уже снимали палатки и устраивали вагенбургъ. Спѣшивъ Нижегородцевъ, генералъ Шереметевъ болѣе трехъ часовъ мѣткимъ огнемъ задерживалъ непріятельскую пѣхоту у Кабахъ-тапы, а ейскія сотни дѣйствовали противъ нея со стороны паргетской дороги. Но вотъ непріятель выдвинулъ резервы, и положеніе Шереметева сдѣлалось критическимъ. Къ счастію, какъ разъ въ это время пришло извѣстіе, что колонна Девеля возвращается изъ эриванскаго отряда, — и турки, узнавшіе объ этомъ еще ранѣе насъ, пріостановили наступленіе: они рѣшили удовольствоваться достигнутымъ успѣхомъ — занятіемъ Кизилъ - Тапы, и въ 4 часа пополудни перестрѣлка съ ихъ стороны начала стихать, а въ 5-мъ — замолкла и канонада (4). Пѣхота возвратилась въ лагерь, но Нижегородскій полкъ до самой ночи оставался на своей позиціи, куда прибылъ и 3-й эскадронъ, стоявшій въ эту ночь, какъ мы знаемъ, въ резервѣ за аванпостами.

По его словамъ, до двухъ часовъ ночи на передовыхъ постахъ все было тихо и спокойно; разъѣзды ходили въ цѣпь и возвращались съ донесеніями, что все обстоитъ благополучно. Ровно въ два часа грянулъ одинокій выстрѣлъ. Эскадронъ сѣлъ на коней, а вахмистръ между тѣмъ поскакалъ узнать о причинѣ выстрѣла. Въ эту минуту вся вершина горы мгновенно освѣтилась ружейными огнями, и вахмистръ, прискакавшій назадъ, доложилъ, что цѣпь прорвана, и непріятель въ огромныхъ силахъ поднимается на гору. Едва эскадронъ тронулся съ мѣста, какъ встрѣченъ былъ слѣва толпами башибузуковъ, а справа огнемъ пѣхоты, уже стоявшей на откосахъ горы. Попавъ подъ перекрестные выстрѣлы, штабсъ-капитанъ Макріевичъ приказалъ прапорщику Мезенкампфу съ наѣздниками удерживать башибузуковъ, а самъ отвелъ эскадронъ нѣсколько назадъ, и спѣшивъ его, завязалъ перестрѣлку. Когда совершенно разсвѣло, драгуны отступили къ своей пѣхотѣ, а оттуда послѣ короткаго отдыха направились къ правому флангу, гдѣ и нашли полкъ во время самаго разгара боя (5).

Ночь застала Нижегородцевъ все еще стоявшими на позиціи противъ Кабахъ-тапы; необходимость, однако, напоить лошадей заставила

полковника Кельнера отправлять эскадроны на водопой по очередно; а такъ какъ рѣка находилась въ 7 или въ 8 верстахъ отъ позиціи, то 3-й эскадронъ, выступившій послѣднимъ, вернулся поздно,—и не засталъ уже полка на мѣстѣ. Не зная куда онъ ушелъ, Макріевичъ повелъ эскадронъ къ Караялу и, переночевавъ въ главной квартирѣ, только на слѣдующій день разыскалъ свой полкъ въ Огузлахъ (6).

Ближайшимъ послѣдствіемъ Кизилъ-тапинскаго сраженія было то, что турецкая армія, спустившись съ аладжинскихъ горъ, сосредоточила главную массу своихъ войскъ на равнинѣ, въ окрестностяхъ Хаджи-вали и Суботана, имѣя передъ своимъ фронтомъ уже сильно укрѣпленную гору Кизилъ-тапу. Фронтъ нашей позиціи также измѣнился. Съ потерею Кизилъ-тапы нельзя было держаться на Башъ-кадыкъ-ларскихъ высотахъ, и нашъ авангардъ отступилъ къ Огузламъ и Байрахтару, опершись своимъ лѣвомъ флангомъ на высокую гору Учъ-тапа, которая прикрывала притомъ и единственную колесную переправу черезъ Арпачай у Кегача.

Съ занятіемъ этой новой позиціи служба кавалеріи значительно усложнилась, такъ какъ аванпостную цѣпь пришлось протянуть до самаго Караяла, а на это требовалось ежедневно нѣсколько сотенъ казаковъ и два дивизіона драгунъ, вслѣдствіе чего аванпостную службу приходилось нести черезъ сутки. Къ этому въ драгунской бригадѣ прибавились еще усиленныя занятія стрѣльбою изъ новыхъ винтовокъ Бердана, которыя только что были доставлены въ полки взамѣнъ скорострѣльныхъ ружей системы Крынка (7). Новое вооруженіе драгунъ подоспѣло какъ нельзя болѣе кстати, именно въ моментъ перелома войны, когда войска готовились уже къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Этотъ моментъ наступилъ тотчасъ же послѣ неудачнаго для насъ сраженія 13-го августа, когда главнокомандующій самъ прибылъ въ главную квартиру дѣйствующаго корпуса и принялъ войска въ свое непосредственное командованіе. Онъ сразу рѣшилъ возвратиться на прежній путь дѣйствій, и первыя распоряженія его коснулись именно сосредоточенія войскъ на главномъ театрѣ войны, гдѣ рѣшалась участь кампаніи. Изъ эриванскаго отряда, очевидно имѣвшаго въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій лишь второстепенное значеніе, потребовали обратно всѣ части, посланныя изъ дѣйствующаго корпуса, а въ то же время къ намъ прибыла изъ Россіи цѣлая гренадерская дивизія, и постепенно подходили войска изъ Ардагана, съ черноморскаго побережья и даже съ береговъ Урала.

Г.-Адъют. князь
Святополкъ-Мирскій.

Его Имп. Высоч. Вел. кн.
Михаилъ Николаевичъ.

Г.-Адъют.
Лорисъ-Меликовъ.

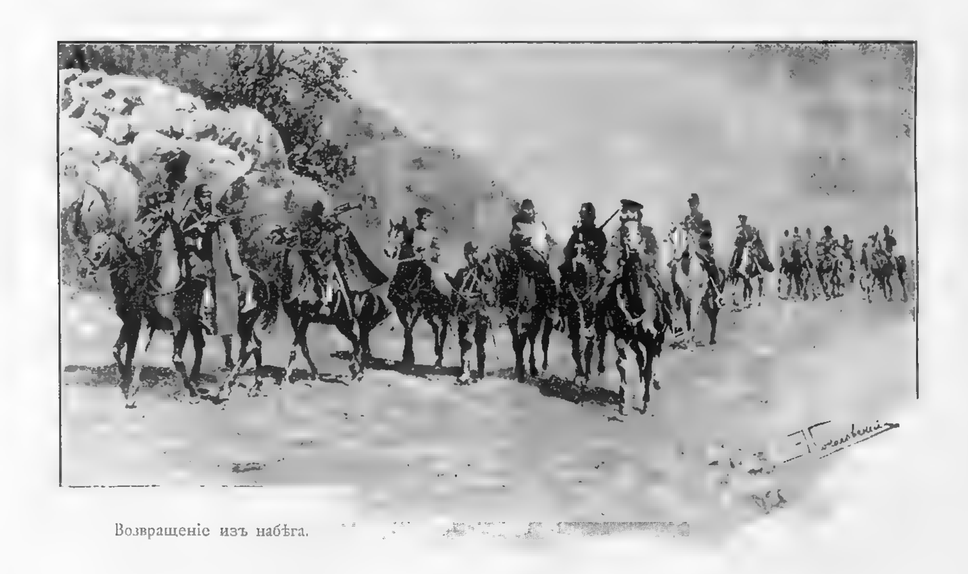
Какъ только собралась большая часть этихъ подкрѣпленій, у насъ рѣшено было не медля атаковать турецкую армію и направить ударъ одновременно съ фронта и съ тыла. Колонна, назначенная для послѣдней цѣли, собрана была, подъ начальствомъ генерала Шелковникова, на Камбинскомъ посту; но прежде чѣмъ предпринять обходное движеніе, ей предстояло еще предварительно взять Кизилъ-гульскія укрѣпленія, сторожившія тылъ Аладжи, и штурмъ ихъ назначенъ былъ наканунѣ общаго сраженія, т. е. 19-го сентября. Для того же, чтобы отвлечь отъ нихъ вниманіе непріятеля и облегчить атаку, приказано было изъ байрахтарскаго лагеря сдѣлать усиленную диверсію къ Инахъ-тепеси, съ тѣмъ чтобы вызвать общую тревогу въ главномъ непріятельскомъ лагерѣ. Демонстрація эта поручена была полковнику Кельнеру съ небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ, въ составъ котораго вошли четыре эскадрона Нижегородцевъ, шесть сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и два казачьи орудія.

Кельнеръ на разсвѣтѣ 19-го сентября подошелъ къ деревнѣ Арасъ-Оглы и, остановивъ драгунъ, приказалъ Дагестанскому полку сбить турецкіе аванпосты. Дагестанцы ввязались, однако, въ горячее дѣло, а между тѣмъ наступилъ день, и съ Инахъ-тепеси, замѣтивъ нашу малочисленность, двинули три батальона пѣхоты и массу черкесской конницы. Кельнеръ приказалъ первому дивизіону спѣшиться въ самой деревнѣ, возлѣ которой поставлены были орудія, а второму оставаться на коняхъ и прикрывать наши фланги; Дагестанскому полку также послали приказаніе отступить и расположиться на высотахъ, примыкавшихъ къ деревнѣ справа и слѣва. Но едва дагестанцы повернули назадъ, какъ черкесы кинулись въ шашки. Минута была чрезвычайно опасная. Къ счастію, быстрое появленіе 3-го эскадрона маіора Витте съ одной стороны, и залпъ изъ берданокъ съ другой—заставили ихъ разсѣяться. Нѣсколько разъ пыталась турецкая конница переходить въ наступленіе, осыпая насъ градомъ пуль изъ своихъ магазинокъ,—и каждый разъ, встрѣчаемая дружнымъ залпомъ, отступала съ огромною потерею. Но вотъ подошла, наконецъ, турецкая пѣхота. Три сотни дагестанцевъ, занимавшія высоту на лѣвомъ флангѣ, не выдержали ея огня и стали отступать. Черкесская конница тотчасъ воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и, вскочивъ на гору, поставила насъ подъ перекрестный огонь. Въ одну минуту въ нашей цѣпи семь человѣкъ были ранены, а коноводы потеряли пять лошадей. Видя опасное положеніе отряда, взводъ 4-то эскадрона, подъ командой прапорщика Слизена, спѣшился и

смѣло атаковалъ высоту; его поддержалъ весь 4-й эскадронъ капитана Кусова. Гора осталась за нами, но тѣмъ не менѣе держаться на позиціи противъ трехъ таборовъ, покровительствуемыхъ сильною артиллеріею, становилось невозможнымъ. Къ счастію въ это время пришло извѣстіе, что атака Шелковникова на Кизилъ-Гулъ отмѣнена, и кавалеріи приказано возвратиться назадъ къ Байрахтару (8). Въ лагерѣ ей даже не пришлось отдохнуть. Въ полночь Нижегородскій полкъ снова сѣлъ на коней и выступилъ на Суботанскую дорогу, гдѣ собиралась колонна генерала Шатилова.

Съ разсвѣтомъ 20-го сентября началось большое сраженіе, охватившее всю непріятельскую линію отъ Большихъ и Малыхъ Ягновъ до Инахъ-тепеси включительно. Мы не будемъ его описывать, такъ какъ Нижегородскій полкъ не принялъ въ немъ никакого участія и все время простоялъ въ резервѣ, а вечеромъ 23-го числа вмѣстѣ съ остальными войсками отступилъ на позицію къ Караялу. Ночью, однако, разнесся слухъ, что непріятель самъ переходитъ въ наступленіе и передъ свѣтомъ рѣшилъ атаковать Учъ-тапу, чтобы повторить кизилъ-тапинскую катастрофу. Въ виду опасности, грозившей всему байрахтарскому лагерю, Нижегородскій полкъ получилъ приказаніе скакать къ Учъ-тапѣ, и, присоединивъ къ себѣ два батальона Владикавказскаго полка, держаться на горѣ во что бы то ни стало до прибытія остальныхъ подкрѣпленій. Но эта тревога оказалась фальшивою. Непріятель, ослабленный и деморализованный кровавою трехъ-дневною битвою, 20, 21 и 22-го сентября, не только не помышлялъ о новыхъ захватахъ, но не разсчитывалъ даже на свои собственныя позиціи, и думалъ лишь о своевременномъ и благополучномъ отступленіи. Утромъ 27-го сентября по лагерю дѣйствительно разнеслась молва, что турки очистили Кизилъ-тапу и ушли на аладжинскія горы. Аванпосты занималъ въ эту ночь 2-й эскадронъ Нижегородскаго полка, и всѣ недоумѣвали, какъ могли турки уйти на его глазахъ незамѣченными. Впослѣдствіи уже оказалось, что непріятель пустилъ въ дѣло довольно остроумную выдумку, которая подъ покровомъ ночи вполнѣ ему и удалась: рѣшившись покинуть гору, турки поставили вмѣсто орудій длинныя жестянки, дававшія при свѣтѣ костровъ точно такой же отблескъ какъ пушки, а затѣмъ у самой подошвы горы зажгли бурьянъ, и когда густой дымъ закрылъ всю гору, тихо, безо всякаго шума спустились внизъ и незамѣтно скрылись прежде, чѣмъ наши аванпосты замѣтили ихъ отсутствіе (9).

Когда драгуны прискакали къ Кизилъ-тапѣ, то нашли ее уже занятою нашею пѣхотой, и пустились дальше, предполагая, что можетъ быть и Инахъ-тепеси покинута турками. Пушечные выстрѣлы заставили ихъ, однако, остановиться; но канонада скоро стала стихать и только у развалинъ Ани шла сильная перестрѣлка съ турецкою конницей. Предполагая, что турки свозятъ орудія, взводъ 3-го эскадрона, подъ командой прапорщика Протопопова, кинулся было къ горѣ, но встрѣченный залпомъ долженъ былъ отступить ([10]). Турки, какъ оказалось, и не думали покидать Инахъ - тепеси; они оставили только свои передовыя позиціи, лежавшія на равнинѣ, — и наши войска въ тотъ же день заняли Кизилъ-тапу, Большія и Малыя Ягны, Хадживали и Суботанъ.

Возвращеніе изъ набѣга.

Взятіе турецкаго знамени. (Съ картины Рубо).

XI.

Нижегородцы при разгромѣ турецкой арміи.

(1877 г.).

Нижегородскій полкъ въ обходной колоннѣ генерала Лазарева.—Занятіе сю Дигора и Акряка.—Первыя свѣдѣнія о непріятелѣ. —Бой 2-го октября на Орлокскихъ высотахъ. — Ночь со 2-го на 3-е октября. — Одновременная атака непріятельской позиціи съ фронта и съ тыла. — Движеніе Нижегородскаго полка къ Визинкевскимъ высотамъ.—Нижегородцы берутъ турецкое знамя.—Унтеръ-офицеръ Мурашкинъ. —Бой на Визинкевскихъ высотахъ.—Нижегородскій полкъ въ конномъ строю беретъ главный люнетъ и траншеи.—Полный разгромъ турецкой арміи.—Преслѣдованіе ея къ Карсу и сдача турокъ на Аладжи-дагѣ.—Полковая пѣсня.—Награды полку.—Исторія серебрянаго рубля, присланнаго владикавказскимъ мѣщаниномъ.

Событія 27-го сентября убѣдили насъ въ томъ, что разстроенная и понесшая значительныя потери, турецкая армія не будетъ держаться на Аладжинскихъ горахъ, а отступитъ или въ Карсъ, или за Саганлугскія

горы, или, наконецъ, двинется на соединеніе съ Измаилъ-пашею. Чтобы своевременно разстроить планъ непріятеля и помѣшать его движенію, куда бы то ни было,— войскамъ ,стоявшимъ передъ Кизилъ-тапою и Инахъ-тепеси, приказано было въ ту же ночь двинуться прямо съ своихъ позицій черезъ Кигачъ къ канбинской переправѣ, а оттуда итти на Дигоръ и Базарджикъ, чтобы выйти въ тылъ непріятельской арміи на Орлокскихъ высотахъ. Общее начальство надъ этимъ обходнымъ отрядомъ поручено было генералъ-лейтенанту Лазареву.

Нижегородскій полкъ двинулся изъ-подъ Инахъ-тепеси въ 10 часовъ вечера и, перейдя Арпачай, ночевалъ уже въ русскихъ предѣлахъ у Кигача. Всю ночь подходили пѣхотныя части и артиллерія. Съ разсвѣтомъ на слѣдующій день отрядъ двинулся дальше, и авангардъ его, подъ командой генералъ-маіора Лорисъ-Меликова,—всего шесть батальоновъ пѣхоты, Нижегородскій драгунскій полкъ, три полка Терскихъ казаковъ и 16 орудій, – переправившись у Канбиза обратно на турецкую сторону, занялъ Акрякъ, лежавшій уже на прямомъ пути къ Базарджику. Пѣхота Лазарева, въ составѣ 17 батальоновъ и 54-хъ орудій, осталась въ Дигорѣ. Здѣсь пришлось простоять цѣлые три дня, поджидая обозовъ, которые везли войскамъ сухари, провіантъ и боевые запасы. Какъ ни былъ силенъ отрядъ генерала Лазарева, но чтобы облегчить опасное положеніе его въ тылу непріятеля, весь дѣйствующій корпусъ во все время, пока совершалось обходное движеніе, продолжалъ стоять передъ фронтомъ турецкихъ позицій наготовѣ. Каждый день шла канонада, и каждый день оглушительные выстрѣлы нашихъ осадныхъ орудій, гудѣвшихъ равномѣрно по три и по четыре раза въ часъ, поражали не только турецкія боевыя позиціи, но и ихъ лагери. Турецкія палатки снимались и переносились все выше и выше на Аладжу. Угрожая такимъ образомъ Мухтаръ-пашѣ ежеминутною атакой, мы не только не позволяли ему обрушиться на изолированный отрядъ генерала Лазарева всѣми своими силами, но даже выдѣлить противъ него какія-нибудь значительныя части. Въ окрестностяхъ Акряка, гдѣ стоялъ нашъ авангардъ, дѣйствительно не было никакихъ извѣстій о непріятелѣ, и даже Орлокскія высоты не были еще заняты турками. Небольшая команда охотниковъ Нижегородскаго полка, сдѣлавшая въ это время поискъ, подъ командой прапорщика Протопопова, къ куртинскимъ кочевьямъ, пригнала оттуда до трехъ тысячъ головъ скота и даже имѣла перестрѣлку съ небольшою партіей

башибузуковъ [1], но кромѣ этой партіи, Протопоповъ, прошедшій довольно большое разстояніе, нигдѣ и ничего не слыхалъ о турецкихъ войскахъ. Только 2-го октября утромъ въ Акрякѣ получены были первыя и довольно серьезныя извѣстія о томъ, что къ Базарджику для занятія Орлокскихъ высотъ двигаются съ Аладжи-Дага 12 батальоновъ пѣхоты съ 18 орудіями, и что туда же черезъ Хаджи-Халиль идутъ еще шесть батальоновъ съ 4-мя орудіями, изъ корпуса Измаилъ-паши, стоявшаго, какъ мы знаемъ, на эриванской границѣ.

Для провѣрки послѣдняго извѣстія Лорисъ-Меликовъ тотчасъ послалъ въ Хаджи-Халиль летучій отрядъ изъ 3-го эскадрона Нижегородскаго полка, сотни Кизляро-гребенскихъ казаковъ и взвода дагестанскихъ горцевъ, подъ общею командой маіора Витте, а самъ съ остальными войсками быстро двинулся на Базарджикъ. Скоро головные разъѣзды его дали знать о появленіи турокъ. Нижегородскій полкъ, первый поднявшись на ближнія высоты, дѣйствительно увидѣлъ на южномъ склонѣ Орлокскихъ высотъ нѣсколько таборовъ, которые поспѣшно возводили окопы, а къ нимъ бѣгомъ подходили еще батальоны, скрываемые отъ глазъ глубокою балкою. 4-й эскадронъ маіора Кусова спѣшился и завязалъ перестрѣлку. Въ это время къ полку подъѣхалъ генералъ Шелковниковъ. Онъ обратилъ вниманіе Кельнера на высокую гору Шатыръ-Оглы, примыкавшую къ правому флангу непріятельскихъ окоповъ, и посовѣтовалъ занять ее, пока турки не успѣли еще на ней утвердиться. Дѣйствительно, на вершинѣ горы виднѣлось не болѣе одного или двухъ таборовъ, но южные склоны, обращенные къ намъ, обозначались уже тонкими черточками турецкихъ ложементовъ. 1-й дивизіонъ пошелъ на рысяхъ, и переправившись черезъ довольно глубокую балку, сталъ шагомъ подниматься на гору. Полковникъ Кельнеръ поѣхалъ впередъ и увидѣлъ два яруса окоповъ, въ которыхъ, по всей вѣроятности, скрывалась пѣхота. Судя по резерву, стоявшему на вершинѣ горы, здѣсь можно было предположить отъ трехъ до четырехъ батальоновъ. Какъ разъ въ это самое время прискакалъ разъѣздъ съ извѣстіемъ, что отъ Большого Орлока двигается сюда же значительный турецкій отрядъ. Обстановка начинающагося боя выяснилась теперь вполнѣ: спѣшенный дивизіонъ могъ выставить только 72 стрѣлка, и потому атаковать гору, занятую нѣсколькими батальонами, было бы съ его стороны безразсудно; къ тому же къ намъ быстро подходилъ Дербентскій пѣхотный полкъ, и полковникъ Кельнеръ,

предоставивъ пѣхотѣ атаковать окопы, повелъ дивизіонъ влѣво, чтобы выяснить положеніе дѣлъ у самаго Орлока (2). Но едва драгуны поднялись на ближнюю гору, какъ передъ ними, въ прямомъ направленіи на Магараджикъ, ясно обозначилась линія дымковъ, хотя звуковъ выстрѣловъ и не было слышно. Впереди насъ не могло быть никого, кромѣ маіора Витте, а потому всѣ пришли къ убѣжденію, что бой идетъ въ его отрядѣ. Разстояніе до этихъ дымковъ было верстъ шесть или семь. «Мы спустились съ горы на большихъ рысяхъ,—разсказываетъ полковникъ Кельнеръ:— и, бросивъ въ сторонѣ Орлокскую башню, выѣхали прямо къ устью магараджикскаго оврага, гдѣ неожиданно наткнулись на ужасающую картину только что отгремѣвшаго боя: кругомъ насъ, по всѣмъ направленіямъ, лежали побитые драгуны, казаки и дагестанцы; тѣла ихъ были раздѣты до-гола, искажены и поруганы; на многихъ тлѣлись рубахи и курилось бѣлье; въ воздухѣ пахло гарью; въ сторонѣ быстро двигалась какая-то турецкая пѣхота, но намъ виденъ былъ только ея хвостъ, а головныя части уже скрылись за гребнемъ довольно крутой и каменистой возвышенности. Минуты черезъ три съ той стороны прискакалъ разъѣздъ съ извѣстіемъ, что колонна поворачиваетъ къ Орлоку. Мы тотчасъ понеслись галопомъ—теперь уже къ орлокской башнѣ, и спѣшились у ея развалинъ; скоро на помощь къ намъ подоспѣлъ еще взводъ гребенцовъ съ ракетною командой,—и головной турецкій батальонъ, внезапно осыпанный нашими выстрѣлами, отстрѣливаясь, вдругъ перемѣнилъ направленіе и потянулся къ визинкевскимъ высотамъ; за головнымъ батальономъ направились и остальные» (3). Видя, что турки сейчасъ уйдутъ изъ-подъ выстрѣловъ, полковникъ Кельнеръ выслалъ наѣздниковъ съ поручикомъ Бернадскимъ и прапорщикомъ Максимовымъ, которые настигли хвостъ уходившей колонны, порубили нѣсколько человѣкъ отсталыхъ и привезли съ собою мѣшки, которыми навьючены были турки: въ этихъ мѣшкахъ оказались драгунскіе кивера, шинели и мундиры, на одномъ изъ которыхъ была даже надпись: «3-го эскадрона рядовой Зинченко» (4). Не оставалось сомнѣнія, что передъ нами были тѣ самые турецкіе батальоны, которые имѣли дѣло съ маіоромъ Витте и нанесли ему значительныя потери. Но что сталось съ 3-мъ эскадрономъ, и куда онъ отступилъ,— ничего не было извѣстно. Между тѣмъ стало уже смеркаться. Кельнеръ подвинулся было впередъ къ Визинкеву, но турки встрѣтили его оттуда такимъ сильнымъ огнемъ, что при первыхъ выстрѣлахъ у насъ два дра-

гуна и три лошади были ранены; тогда полковникъ Кельнеръ повернулъ назадъ и соединился съ отрядомъ, который засталъ уже на Орлокскихъ высотахъ (5).

Бой за обладаніе этими высотами завершился блистательною атакою Дербентскаго пѣхотнаго полка, который взялъ не только Шатыръ-Оглы, но и другую, еще болѣе важную гору—Безъимянную. Турки хотѣли-было взять атакующихъ во флангъ со стороны Базарджика, но князь Орбеліани съ 4-мъ эскадрономъ Нижегородскаго полка и тремя Волжскими сотнями, успѣлъ занять перевалъ, и сильнымъ ружейнымъ огнемъ остановилъ непріятеля. Съ потерею Шатыръ-Оглы и Безъимянной, турки уже не могли держаться на Орлокскихъ высотахъ и вынуждены были отступить къ Визинкеву. «Впослѣдствіи — говоритъ полковникъ Кельнеръ, — до меня доходили слухи, что генералъ Лазаревъ былъ недоволенъ мною за то, что я не атаковалъ Шатыръ-Оглы своими драгунами; но потери Дербентскаго полка, — пять офицеровъ и болѣе 120 нижнихъ чиновъ—показали, что эта задача была бы не по силамъ семидесяти пѣшимъ драгунамъ. Позднѣе онъ и самъ согласился съ этимъ при разговорѣ со мною въ Карсѣ»...(6).

Какъ только наши войска утвердились на Орлокскихъ высотахъ, генералъ Лазаревъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ главныя силы и просилъ на слѣдующій же день назначить общую атаку на Авліяръ и визинкевскія высоты съ тѣмъ, чтобы окончательно отрѣзать отъ базы если не всю, то по крайней мѣрѣ значительнѣйшую часть непріятельской арміи. Всю ночь войска провели на своихъ позиціяхъ въ полной боевой готовности: пѣхота лежала въ аммуниціи, драгуны держали лошадей въ поводу, а капитанъ Карангозовъ расположилъ аванпостную цѣпь 2-го эскадрона всего въ ста шагахъ отъ турецкихъ постовъ и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями непріятеля. Это-то напряженное состояніе и разразилось, какъ это бываетъ не рѣдко, фальшивою тревогой, внезапно охватившею весь бивуакъ; тревога прекратилась скоро, но вызванная ею сумятица стоила намъ нѣсколькихъ жертвъ, и, къ общему сожалѣнію, контуженъ былъ въ голову младшій врачъ Нижегородскаго полка Кучинскій (7).

Наступило утро 3-го октября,—и наше пробужденіе, говоритъ полковникъ Кельнеръ, было омрачено запиской, полученной отъ маіора Витте, который извѣщалъ, что два раза пробился сквозь непріятельскую пѣхоту, но потерялъ около ста человѣкъ, и долженъ итти на соединеніе

съ отрядомъ уже кружнымъ путемъ черезъ Акрякъ. Но еще прежде полученія этой записки, слухъ о гибели всего эскадрона прошелъ по цѣлому отряду, и вызвалъ страшное ожесточеніе, особенно среди Нижегородцевъ, поклявшихся отмстить за падшихъ товарищей. Только такимъ ожесточеніемъ, сказавшимся въ безпощадной рубкѣ, и можно объяснить себѣ тѣ невѣроятныя потери, которыя въ тотъ день нанесены были полкомъ непріятелю.

Разсвѣтъ засталъ всѣ наши войска подъ ружьемъ; уже пробило 8 часовъ утра, а приказанія наступать ни откуда не получалось. Между тѣмъ съ вершины Шатыръ-Оглы мы видѣли ясно, какъ весь сѣверный склонъ Аладжи уже дымился отъ массы турецкаго огня и нашихъ лопающихся снарядовъ; укрѣпленія визинкевскихъ высотъ также приняли горячее участіе въ общемъ дѣлѣ; надъ Авліяромъ стояло густое черное облако отъ безпрерывной пушечной и ружейной пальбы. Очевидно—это шла атака на Авліярскую гору, и турки, засыпаемые снарядами 64-хъ орудій, стянутыхъ въ одну громадную батарею, постепенно отодвигались назадъ къ визинкевскимъ высотамъ, гдѣ былъ ихъ главный резервъ. Въ это-то самое время, по словамъ очевидцевъ, съ Аладжинской горы спустилась небольшая группа всадниковъ, и на превосходныхъ лошадяхъ вихремъ промчалась по долинѣ между Авліяромъ и нашимъ отрядомъ. Многіе замѣтили тогда въ этой группѣ самого Мухтаръ-пашу и англійскаго генерала Кэмпбеля, по всей вѣроятности искавшихъ спасенія въ Карсѣ (8). Казалось, что медлить болѣе уже было нечего. Генералъ Шелковниковъ подъѣхалъ къ полковнику Кельнеру и именемъ Лазарева приказалъ начинать наступленіе (9).

Приближалась рѣшительная минута.

Нижегородскій полкъ, въ трехъ-эскадронномъ составѣ, первый тронулся съ позиціи по направленію къ визинкевскимъ высотамъ. Движеніе драгунъ, однако, тотчасъ же было замѣчено съ высокаго пика Чифтъ-тепеси, и стоявшая тамъ батарея открыла по нимъ огонь картечными гранатами. Полкъ тронулся рысью. Два офицера, поручикъ Панчулидзевъ и прапорщикъ Слизенъ, поѣхавшіе впередъ дозорцами, скоро замѣтили небольшую кавалерійскую партію, пробиравшуюся въ Карсъ, и при ней большое турецкое знамя, которое везли перекинутымъ поперекъ сѣдла. По всей вѣроятности, его хотѣли спасти и отправляли съ аладжинской позиціи въ крѣпость. Слизенъ и Панчулидзевъ—оба стали слѣдить за этою

партіей, а между тѣмъ дали знать въ полкъ, откуда полковникъ Кельнеръ отправилъ къ нимъ первый взводъ 1-го эскадрона съ прапорщикомъ Максимовымъ. Это былъ взводъ Панчулидзева, который, не теряя минуты, и кинулся съ нимъ въ атаку. Увидѣвъ за собою погоню, турки разсыпались и стали уходить въ разныя стороны, чтобы затруднить преслѣдованіе. Пока драгуны рубили бѣгущихъ, унтеръ-офицеръ Мурашкинъ настигъ знаменщика, но едва схватился рукою за знамя, какъ лошадь споткнулась, и онъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ такъ неудачно, что нога его запуталась въ стремени. Падая, онъ однако не выпустилъ знамени, и вмѣстѣ съ нимъ стащилъ съ сѣдла и самого знаменщика. Борьба между ними завязалась на землѣ. Сцѣпившись крѣпко другъ съ другомъ, они возились до тѣхъ поръ, пока Мурашкину не удалось наконецъ сбросить сапогъ и высвободить ногу изъ стремени; тогда, навалившись на турка, онъ задушилъ его руками, и отнялъ знамя (10). Это было первое знамя, взятое у турокъ, а потому Лазаревъ приказалъ самому Мурашкину отвезти его къ великому князю, находившемуся тогда въ Хаджи-вали. «Бой уже началъ стихать, разсказываетъ одинъ корреспондентъ:—когда изъ лощины поднялся къ намъ одинокій всадникъ, державшій въ рукахъ большое турецкое знамя. Это былъ Нижегородскій драгунъ. Онъ подъѣхалъ прямо къ великому князю, и просто, безъ всякихъ прикрасъ разсказалъ какимъ образомъ достался ему этотъ трофей. «Угнались мы за имъ—говорилъ Мурашкинъ:—шибко утекалъ!.. Только я примѣчаю, что одинъ, съ этимъ вотъ знаменемъ, бѣжитъ въ оврагъ и прячется... Я за имъ,—а то онъ, пожалуй бы, закопалъ его въ землю». Знамя шелковое, розовое, испещренное золотыми надписями изъ корана, дерево украшено кистями. Великій князь тутъ же пожаловалъ Мурашкину золотой крестъ 2-й степени и приказалъ ему присоединиться съ своимъ трофеемъ къ конвойной сотнѣ (11).

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ отъ полка отдѣлился взводъ Панчулидзева, передовые разъѣзды дали знать полковнику Кельнеру о появленіи значительнаго турецкаго отряда. Кельнеръ, поднявшись на небольшую возвышенность, дѣйствительно, увидѣлъ три батальона пѣхоты, которые, спустившись съ Чифтъ-тепеси, пересѣкали визинкевскую дорогу и направлялись къ Карсу. Очевидно турецкая армія начинала уже отступленіе, но сохраняла еще полный порядокъ, и батальоны шли стройно, колонна за колонною, имѣя въ интервалахъ орудія. Мы находились у нихъ во флангѣ и были закрыты переваломъ такъ, что турки не могли

насъ видѣть. Лучшаго момента для атаки нельзя было представить—и полкъ съ мѣста ринулся карьеромъ. «Мы слышали—разсказываетъ полковникъ Кельнеръ:—какъ при нашемъ появленіи у турокъ раздались крики: «драгуны! драгуны!»—затѣмъ они открыли по насъ безпорядочный торопливый огонь, потомъ всѣ эти стройные батальоны смѣшались въ одну общую кучу, отшатнулись подъ нашимъ ударомъ назадъ, и разбились на отдѣльныя группы». Все это произошло такъ быстро, что турецкая артиллерія не успѣла дать ни одного выстрѣла, и три орудія захвачены были на передкахъ съ полною запряжкою. Началась жестокая и безпощадная рубка. Остатки разбитыхъ таборовъ, отброшенные нами отъ карсской дороги, кинулись въ визинкевскій люнетъ, но часть, засѣвшая въ траншеяхъ по скату горы, была изрублена драгунами (12). Атака была блестящая, успѣхъ былъ полный,—но этотъ-то самый успѣхъ и поставилъ Нижегородскій полкъ въ такое опасное положеніе, при которомъ малѣйшее колебаніе или даже простое раздумье—неминуемо влекутъ за собою полнѣйшее пораженіе. Случилось такъ, что Нижегородцы, далеко опередившіе свою пѣхоту, очутились передъ грозной визинкевскою позиціей одни, безъ всякой поддержки, и притомъ подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ: спереди ихъ поражалъ главный люнетъ, вѣнчавшій визинкевскую гору, слѣва была небольшая горка, опоясанная траншеями въ два яруса, а справа, отъ Авліяра, наступали наши гренадеры, и принимая Нижегородцевъ, стоявшихъ среди турецкихъ позицій, за непріятельскую конницу, осыпали ихъ огнемъ стрѣлковыхъ цѣпей и картечными гранатами. Напрасно драгуны, поднимая на шашки кивера и махая ими къ сторонѣ гренадеръ, кричали ура! Напрасно трубачи подавали сигналъ за сигналомъ, — ничего не помогало. Тогда прапорщикъ Тургіевъ пустился скакать подъ нашимъ и турецкимъ огнемъ, чтобы разъяснить гренадерамъ ихъ недоразумѣніе (13); но прежде чѣмъ пальба прекратилась, полкъ уже нашелъ выходъ изъ своего отчаяннаго положенія, — и этимъ выходомъ была безумно-смѣлая кавалерійская атака на непріятельскія укрѣпленія. 2-й эскадронъ повернулъ налѣво противъ траншей, а 1-й и 4-й двинулись прямо на главный визинкевскій люнетъ.

Съ послѣдняго загремѣли бѣшеные залпы. Полковникъ Кельнеръ еще разъ смѣрилъ глазами грозный окопъ и громко скомандовалъ: «маршъ-маршъ!» Драгуны ринулись, буквально очертя голову, перенеслись черезъ валъ на коняхъ—и укрѣпленіе въ мигъ было залито кровью и завалено

трупами. «Здѣсь, на визинкевскихъ высотахъ, — говоритъ полковникъ Кельнеръ: я въ первый разъ увидѣлъ, что можетъ сдѣлать горсть лихихъ кавалеристовъ». Часть людей, вмѣстѣ съ эскадронными командирами, проскакала черезъ весь люнетъ, и, рубя бѣгущихъ, скрылась за противоположнымъ скатомъ горы. Другая часть рубилась въ самомъ люнетѣ, гдѣ скоро и рубить уже было некого: все, что сопротивлялось, было побито, а остальные, бросивъ ружья, въ ужасѣ жались, какъ овцы, другъ къ другу; ихъ забирали въ плѣнъ цѣлыми толпами. Озабоченный однако тѣмъ, что весь полкъ разсыпался и что въ резервѣ за нимъ не оставалось ни одного драгуна, полковникъ Кельнеръ на ходу собралъ около себя человѣкъ 25 разныхъ эскадроновъ, и принявъ начальство надъ этимъ импровизированнымъ взводомъ, спустился съ нимъ въ лощину, гдѣ началъ собирать людей 1-го и 4-го эскадроновъ ([14]). Скоро сюда же подошелъ и 2-й эскадронъ съ штабсъ-капитаномъ Карангозовымъ, которому досталось имѣть въ этотъ день не менѣе славное дѣло.

Подойдя къ траншеѣ шаговъ на полтораста, Карангозовъ остановилъ эскадронъ за выступомъ горы, закрывшимъ его отъ выстрѣловъ, а командиръ 1-го дивизіона подполковникъ Маралинъ поднялся между тѣмъ на возвышенность и сталъ слѣдить за турками. Эскадронъ сидѣлъ на коняхъ и ждалъ условнаго сигнала. Вотъ въ турецкомъ окопѣ прозвучалъ сигнальный рожокъ, и Маралинъ съ своего наблюдательнаго поста громко крикнулъ: Атакуйте! Это была минута, когда турки только что хотѣли перебѣжать изъ нижней траншеи въ верхнюю,—и не успѣли этого сдѣлать, какъ штабсъ-капитанъ Карангозовъ первый перелетѣлъ на конѣ черезъ ровъ и брустверъ, а за нимъ перенесся и весь эскадронъ. Драгуны очутились въ окопѣ среди обезумѣвшихъ турокъ, и принялись рубить направо и налѣво все, что попадало подъ руку. Паника была такъ велика, что когда лошадь прапорщика Гурскаго, дѣлая прыжокъ черезъ траншею, упала вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ среди турецкихъ пѣхотинцевъ, ни одному изъ нихъ не пришло даже въ голову приколоть офицера. Черезъ нѣсколько минутъ драгуны покончили съ защитниками этой траншеи, взяли два, бывшія на батареѣ, орудія, и пустились дальше, внося безпощадное истребленіе въ бѣгущіе таборы. Подполковникъ Маралинъ съ наѣздниками остался въ траншеѣ, чтобы поддержать эскадронъ въ случаѣ, ежели бы онъ наскочилъ на свѣжія силы. Но свѣжихъ силъ у турокъ уже не было—все было деморализовано страшною пани-

кой, и эскадронъ, пронесшись опустошительною грозою вдоль подошвы горы, присоединился наконецъ къ полку ([15]).

Только теперь подоспѣлъ сюда Дербентскій полкъ, все время бѣжавшій по самымъ слѣдамъ Нижегородцевъ. Солдаты едва переводили духъ отъ усталости, но были бодры, веселы и наэлектризованы успѣхомъ, котораго были свидѣтелями. Увидѣвъ Нижегородцевъ, они восторженно привѣтствовали своихъ боевыхъ кунаковъ. «Ура!» и «браво Нижегородцы!» оглашали воздухъ; солдаты хлопали въ ладоши и бросали вверхъ шапки. «Эхъ, господа драгуны,—работу у насъ отняли!» иронизировали другіе, смотря не безъ зависти на укрѣпленія и поля, заваленныя турецкими трупами ([16]). Но не одни Дербентцы были свидѣтелями лихой атаки драгунъ,—ее видѣлъ съ высотъ Авліяра и весь отрядъ генерала Геймана. Офицеры его разсказывали потомъ, что шашечные клинки драгунъ, то поднимавшіеся, то отпускавшіеся, такъ и горѣли, такъ и сверкали на солнцѣ ([17]). Вслѣдъ за Дербентцами прибылъ начальникъ колонны генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, и подъѣхалъ прямо къ полку. «Отлично!—сказалъ онъ Кельнеру: — я все видѣлъ, поздравляю васъ. Спасибо Нижегородцы!» Кельнеръ доложилъ ему, что надо итти впередъ, чтобы забирать остатки. «Съ васъ довольно,—отвѣчалъ Лорисъ-Меликовъ:—вамъ надо отдохнуть и устроиться». Кельнеръ возразилъ, что пѣхота не догонитъ турокъ, а черезъ шесть верстъ они уже будутъ подъ прикрытіемъ крѣпостного огня. Лорисъ на это ничего не сказалъ, а Кельнеръ повернулъ полкъ направо и повелъ его къ деревнѣ Визинкевъ. Деревня была уже занята турецкими войсками, и полкъ былъ встрѣченъ оттуда сильнымъ огнемъ изъ-за наружной ограды. Приказавъ первому эскадрону, съ капитаномъ Тетюцкимъ, скакать въ обходъ по знакомой уже намъ дорогѣ между горою и озеромъ. Кельнеръ спѣшилъ 1-й и 4-й эскадроны, которые быстро вытѣснили турокъ изъ домовъ и улицъ, но добѣжавъ до противоположнаго конца деревни, остановились. Шагахъ въ полутораста отсюда лежало магометанское кладбище, усѣянное могильными памятниками и обнесенное каменною оградою. Здѣсь, какъ въ надежномъ редюитѣ, засѣлъ непріятель и приготовился къ отчаянной защитѣ, сосредоточивъ весь огонь на спѣшенныхъ драгунахъ. Но перестрѣлка не длилась и пяти минутъ, какъ знакомое «ура!» Тетюцкаго заставило турокъ, бывшихъ на кладбищѣ, быстро повернуться назадъ. Пѣшіе драгуны тотчасъ подхватили это ура, и бросились черезъ ограду; въ то же время

Преслѣдованіе турокъ послѣ взятія Визинкевскихъ укрѣпленій.

и съ третьей стороны ворвались на кладбище двѣ сотни Волжскаго казачьяго полка, какъ разъ подоспѣвшія къ заключительному акту боя. Турки, взятые съ трехъ сторонъ, частію были изрублены, но большею частію бросили оружіе и были взяты въ плѣнъ. «Я ѣхалъ со стрѣлками, разсказываетъ полковникъ Кельнеръ: — и на моихъ глазахъ получилъ смертельную рану достойный командиръ Волжскаго полка полковникъ Крузенштернъ, сраженный пулей въ поясницу». «Вообще я замѣтилъ — прибавляетъ онъ по этому поводу,—что драгуны при свалкѣ съ пѣхотой теряютъ гораздо меньше людей, нежели казаки. Драгуны бросаются строемъ или толпою и тотчасъ валятъ съ ногъ пѣхотинцевъ; а казаки, доскакавъ до пѣхоты, долго крутятся на своихъ маленькихъ лошадяхъ, и тѣмъ даютъ туркамъ время прицѣливаться и ссаживать ихъ съ коней». Отъ Визинкева преслѣдованіе продолжалось еще нѣкоторое время по дорогѣ къ Карсу, но весь этотъ путь уже былъ наводненъ нашими казаками и иррегулярною конницею. Въ сторонѣ, верстахъ въ четырехъ отъ насъ, виднѣлись турецкіе батальоны, но они входили уже въ районъ крѣпостного огня, и мы оставили ихъ въ покоѣ. Съ насъ было довольно того, что нами уже было сдѣлано: изъ трехъ батальоновъ, встрѣченныхъ нами на пути отъ Чифтъ-телеси, и затѣмъ изъ тѣхъ частей, которыя были въ визинкевскихъ укрѣпленіяхъ, не спаслось ни одного человѣка: одни были побиты, другіе захвачены въ плѣнъ ([18]).

Отдохнувъ съ полчаса на карсской дорогѣ, полкъ повернулъ назадъ къ визинкевскимъ укрѣпленіямъ. Говоръ не умолкалъ въ рядахъ ни на минуту. Возбужденіе боя, гордость, и радость совершеннаго подвига дѣлали всѣхъ общительными и разговорчивыми. Все поле, по которому мы возвращались назадъ, было завалено турецкими тѣлами, которыхъ потомъ насчитали больше восьмисотъ. Неужели—рождался вопросъ: все это сдѣлали Нижегородцы? Да! это сдѣлали они, потому что визинкевскій бой только и вели три эскадрона Нижегородскаго полка, одни, безъ поддержки пѣхоты, которая бѣжала за ними, но ни разу не успѣла принять участія въ дѣлѣ ([19]).

Трофеями Нижегородцевъ въ этотъ памятный день были: знамя анатолійской арміи, пять орудій, тысячи плѣнныхъ, и огромные запасы сухарей, консервовъ и разныхъ складовъ, найденныхъ въ визинкевскихъ укрѣпленіяхъ. Трофеи эти были куплены сравнительно недорогою цѣною: въ полку ранены два офицера: капитанъ Кусовъ и поручикъ принцъ пер-

сидскій Эмиръ-Казымъ-мирза,—оба штыками; изъ нижнихъ чиновъ убито 6 человѣкъ, ранено 23, да выбыло 51 строевая лошадь, и въ томъ числѣ двѣ офицерскія: полковника Кельнера и штабсъ-капитана Демидова.

Памятникомъ этого сраженія осталась въ полку, между прочимъ, пѣсня, написанная однимъ изъ офицеровъ, прапорщикомъ Протопоповымъ:

Въ неприступныхъ высотахъ
Турокъ окопался,
За камнями и валами
Долго врагъ держался.

Такъ пять мѣсяцевъ прошло,
Осень наступала,
Много разъ пытались сбить,—
Силы не хватало.

Но вотъ 3-го числа
Обошли мы горы,
Обратилъ Господь на насъ
Милостиво взоры...

Только солнышко взошло
Пушки грохотали,—
Дымъ клубами, пыль столбомъ
Небо застилали.

Стонъ отъ выстрѣловъ стоитъ,
Вся земля трясется,
Но въ траншеяхъ за валами
Стойко врагъ дерется.

Только что такое съ нимъ?—
Крѣпко онъ держался,—
Будто дрогнулъ, заголдѣлъ:—
Полкъ нашъ показался...

Ну, ребята, маршъ! ура!
Нижегородцы съ Богомъ!
Понесемся удальцы
На врага мы громомъ!

Загудѣла, затряслась
Мать-земля сырая;
Свищутъ шашки молодцовъ,
Лезвіемъ сверкая.—

Какъ подъ острою косой
Мурава ложится—
Все подъ шашкою кривой
На землю валится.

Пронеслись, какъ ураганъ,
Все сломили, сбили,
Вражьей кровью бусурманъ
Шашки напоили...

Знамя взяли, пушекъ пять,—
Значитъ съ Турокъ взятку,—
Да на каждаго пришлось
Мало по десятку!..

Намъ завѣдали отцы
Духъ свой и отвагу:
Прежней славѣ не уйти
Отъ полка ни шагу!

И дѣйствительно, исторія можетъ поставить бой 3-го октября рядомъ съ легендарными подвигами бейбуртовскихъ богатырей Паскевича.

«Сила наша—сказалъ кто-то:—въ нашихъ дѣлахъ». И это выраженіе чрезвычайно мѣтко выражаетъ мысль, что славныя дѣла не должны предаваться забвенію, и что умалчиваніе объ нихъ изъ ложной скромности вредитъ боевому духу части не менѣе самохвальства, въ которомъ, слава Богу, никто не упрекнетъ нашу старо-кавказскую армію. Все это приходитъ на мысль по поводу одной фразы, брошенной въ печать, какъ бы вскользь, какимъ-то досужимъ корреспондентомъ, что «Нижегородскій полкъ въ настоящую кампанію не поддержалъ старой славы». На эту фразу Нижегородцы отвѣчали: Бегли-Ахметомъ, атакою гассанъ-калинскаго кладбища, безумно-смѣлымъ подвигомъ маіора Витте, и штурмомъ визинкевскихъ укрѣпленій...

Часовъ въ 8 вечера въ совершенной темнотѣ полкъ спустился съ

визинкевской горы и, дойдя до подошвы Чифта, остановился бивуакомъ. Кругомъ виднѣлась масса нашихъ войскъ, обложившихъ Аладжу, на которой находилась еще цѣлая половина турецкой арміи, отрѣзанная отъ Карса. Генералъ Лазаревъ велъ переговоры, и въ полночь съ 3-го на 4-е октября остатки турецкихъ войскъ, въ числѣ 27 батальоновъ пѣхоты, положили оружіе. Здѣсь взято въ плѣнъ 7 турецкихъ пашей, 252 офицера и 8 тысячъ нижнихъ чиновъ; въ нашихъ же рукахъ осталось и 22 орудія, стоявшія на вершинѣ Чифтъ-тепеси.

На слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, полкъ выстроился опять у визинкевской горы, на вершинѣ которой, тамъ, гдѣ былъ главный турецкій люнетъ, взятый наканунѣ Нижегородцами, уже красовалась ставка августѣйшаго вождя кавказской арміи. Нѣкоторыя изрубленныя тѣла еще лежали кругомъ не убранныя. Его высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ объѣзжалъ войска и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. За полчаса до его прибытія, къ Нижегородскому полку присоединился и маіоръ Витте съ остатками 3-го эскадрона. Грустно было смотрѣть на этотъ шестирядный составъ храбраго эскадрона, но молва о его подвигѣ уже ходила по цѣлому корпусу и заставляла сердца Нижегородцевъ биться новою гордостью, внося въ душу каждаго сознаніе свято исполненнаго долга. Такъ отнесся къ этому дѣлу самъ августѣйшій вождь, и его лестная благодарность, его доброе, ласковое слово и заботливое участіе заставили всѣхъ забыть о потеряхъ ([20]).

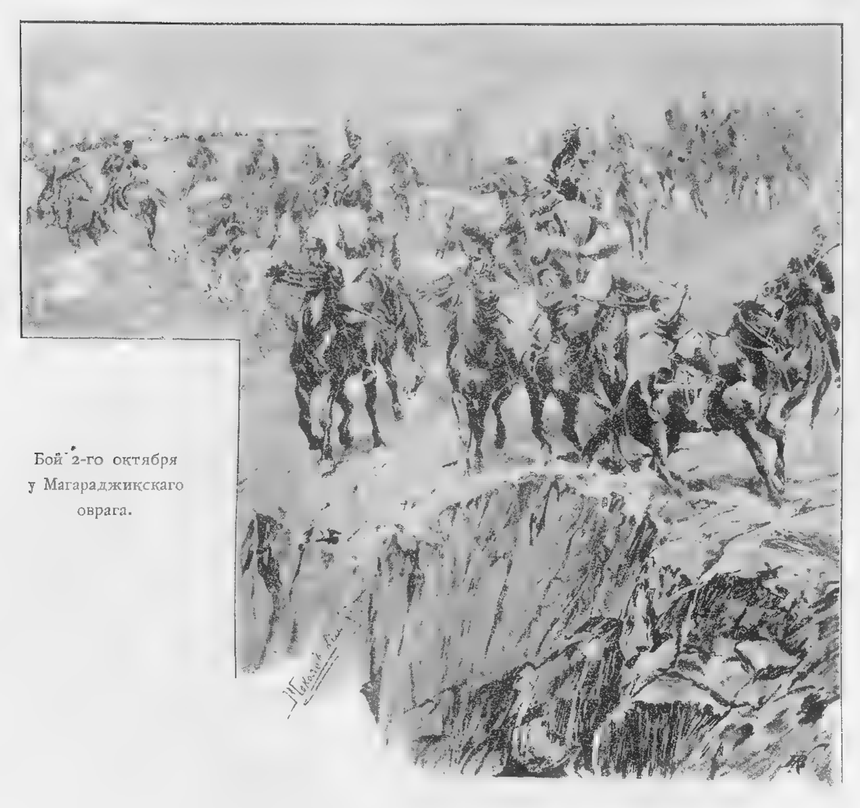
Рѣдкій въ исторіи случай взятія кавалерійскою атакою укрѣпленной непріятельской позиціи повелъ за собою и рѣдкія, едва ли даже бывалыя награды: изъ трехъ-эскадроннаго полка—четыре офицера за одно и то же сраженіе удостоены были ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4 степени. Это были: полковникъ Кельнеръ, капитанъ Кусовъ, штабсъ-капитанъ Карангозовъ и поручикъ Панчулидзевъ.

Но была и еще одна выдающаяся, и полная значенія, награда, доставшаяся унтеръ-офицеру Мурашкину, помимо знака отличія Военнаго ордена 2-й степени. Это былъ завѣтный серебряный рубль, присланный генералу Гейману при самомъ началѣ войны однимъ владикавказскимъ мѣщаниномъ, съ просьбой передать его тому, кто первый возьметъ турецкое знамя. Это знамя взялъ Мурашкинъ — и рубль достался ему. Въ декабрѣ 1878 года Мурашкинъ отслужилъ свой срокъ и вышелъ въ отставку. Когда старики, по обычаю, пришли прощаться съ полковыми

штандартами, Мурашкинъ досталъ свой серебряный рубль, который берегъ, какъ зѣницу ока, и просилъ сохранять его при полку, такъ какъ этотъ рубль принадлежитъ не ему, Мурашкину, а составляетъ достояніе цѣлаго полка: не будь онъ, Мурашкинъ, самъ Нижегородецъ, онъ можетъ быть никогда бы и не взялъ этого знамени. Онъ только просилъ—нельзя ли какъ-нибудь подписать, что вотъ-де этотъ самый рубль заслуженъ былъ унтеръ-офицеромъ Мурашкинымъ (21). Просьба его была исполнена, и теперь этотъ рубль, помѣщенный въ особомъ кіоткѣ, сохраняется полкомъ въ той самой комнатѣ, гдѣ стоятъ полковые штандарты, и собраны всѣ историческіе памятники, добытые полкомъ его двухъ-вѣковою службою.

Взятіе турецкихъ траншей.

Бой 2-го октября у Магараджикскаго оврага.

XII.

Подвигъ маіора Витте.

(1877 годъ).

Цѣль и назначеніе летучаго отряда маіора Витте.—Движеніе его черезъ Хаджи-Халиль и Магараджикскій оврагъ.—Неожиданная встрѣча на магараджикскомъ плато съ шестью турецкими батальонами.—Драгуны два раза геройски пробиваются черезъ пѣхоту.—Отступленіе отряда кружнымъ путемъ на Акрякъ.—Большія потери эскадрона.—Пѣсня, сложенная въ память битвы 2-го октября.—Награда маіора Витте.

2-го октября 1877 года, когда авангардъ обходной колонны генерала Лазарева шелъ къ Базарджикскимъ высотамъ, получилось извѣстіе, что къ тому же пункту подходятъ значительныя турецкія силы со стороны

Авліяра, и что туда же двигаются черезъ Хаджи-Халиль подкрѣпленія, высланныя съ юга изъ корпуса Измаила-паши въ числѣ нѣсколькихъ батальоновъ пѣхоты съ артиллеріею. Чтобы провѣрить эти слухи, начальникъ авангарда нашелъ необходимымъ выслать небольшой кавалерійскій отрядъ, составленный изъ 3-го эскадрона Нижегородскаго полка, сотни кизляро-гребенскихъ казаковъ и взвода дагестанскихъ горцевъ, подъ общею командой Нижегородскаго же полка маіора Витте. Отрядъ долженъ былъ слѣдовать на Хаджи-Халиль, и затѣмъ, описавъ значительный кругъ, черезъ Магараджикъ и Орлокскую гору выйти къ тому же Базарджику (1).

Порученіе было опасное. Небольшому кавалерійскому отряду предстояло сдѣлать въ тылу турецкой арміи около 50 верстъ, и затѣмъ отъ Орлокской башни итти мимо турецкихъ лагерей, откуда турки легко могли отрѣзать ему отступленіе. Никакихъ картъ подъ рукою не было, и для указанія дороги начальникъ отряда генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ прислалъ проводника, рекомендуя его Витте, какъ человѣка надежнаго и испытанной преданности. «Посмотрѣлъ я на проводника,—говоритъ въ своихъ запискахъ командиръ казачьей сотни войсковой старшина Ржевусскій:—вижу знакомое лицо, сталъ припоминать, гдѣ я его видѣлъ, и вспомнилъ, что это армянинъ, разсказывавшій при мнѣ командиру Волжскаго полка о порядкахъ въ турецкой арміи, гдѣ онъ долгое время былъ поставщикомъ ячменя» (2). Такимъ образомъ личность проводника не внушала къ себѣ особаго довѣрія, но такъ какъ другого подъ рукою не было, то волей неволею пришлось довольствоваться и его указаніями. До Хаджи-Халиля прошли спокойно, но, подходя къ деревнѣ, драгуны увидѣли вдали двигавшіеся турецкіе обозы, а передъ самымъ селеніемъ—конный пикетъ. Онъ ускакалъ при нашемъ приближеніи, но нѣсколько дагестанцевъ, бросившись за нимъ въ погоню, дали залпъ на полномъ скаку и свалили одного турецкаго всадника. Все это произошло однако такъ быстро, что турки не успѣли даже поднять убитаго, и его оружіе досталось въ добычу нашимъ дагестанскимъ горцамъ.

Отъ хаджи-халильскаго старшины Витте узналъ, что шесть таборовъ низама, слѣдовавшіе къ анатолійской арміи изъ корпуса Измаилъ-паши, ночевали въ этомъ селеніи, а передъ свѣтомъ выступили дальше по направленію къ Орлокской башнѣ. Намъ также надо было итти по этой дорогѣ, а потому на ней легко могла произойти рискованная встрѣча съ сильнѣйшимъ противникомъ. Проводникъ, разспросившій старшину и жителей,

увѣрялъ однако, что опасности не предстоитъ никакой, такъ какъ батальоны ушли уже давно, да и выступили они отсюда по верхней дорогѣ, тогда какъ нашъ путь пролегалъ по нижней, т. е. по дну магараджикскаго оврага, гдѣ можно было встрѣтить развѣ только однихъ отсталыхъ турецкихъ солдатъ.

Дѣйствительно, почти при самомъ входѣ въ оврагъ, отрядъ нагналъ огромное стадо, которое и захватилъ вмѣстѣ съ четырьмя турецкими солдатами. Плѣнные подтвердили прежнее показаніе жителей, и отрядъ двинулся дальше, уже обремененный значительною добычей. Миновали Малый Орликъ, какъ вдругъ Витте получилъ донесеніе отъ одного изъ дагестанскихъ разъѣздовъ, что на Хаджи-Халиль со стороны Кагызмана идетъ сильная турецкая колонна, и что изъ Карса также выступила конная партія, человѣкъ въ триста, направлявшаяся черезъ Визинкевъ къ устью того же магараджикскаго оврага. Въ виду этой новой опасности, проводникъ посовѣтовалъ подняться на верхнюю дорогу и, оставивъ въ сторонѣ Орлокскую башню, пройти прямымъ путемъ на Базарджикъ, который, по его словамъ, находился отсюда только въ получасовомъ разстояніи. Поднявшись на гребень оврага, говорилъ проводникъ, можно итти прямо безъ дорогъ, такъ какъ мѣстность ровная и совершенно гладкая. Такъ Витте и сдѣлалъ (3). Какъ разъ въ это самое время съ лѣвой стороны оврага раздалось нѣсколько выстрѣловъ по нашему авангарду. Казаки завязали перестрѣлку, но такъ какъ стрѣлявшіе, судя по одеждѣ, были мѣстные жители, то Витте, предоставивъ казакамъ раздѣлаться съ ними какъ знаютъ, повелъ отрядъ дальше. Боковые разъѣзды, лѣпясь по крутымъ откосамъ оврага, ѣхали между тѣмъ спокойно и ничего не доносили. Дорога шла въ гору. Впереди ѣхалъ маіоръ Витте съ войсковымъ старшиною Ржевусскимъ и проводникомъ; за ними казачья сотня, потомъ взводъ дагестанскихъ горцевъ и, наконецъ, эскадронъ подъ командой капитана Литвинова. Но едва офицеры выѣхали изъ оврага, какъ увидѣли въ тридцати шагахъ отъ себя шесть турецкихъ батальоновъ, закрытыхъ до сихъ поръ отъ нихъ небольшою возвышенностью. Это были именно тѣ самые таборы, которые утромъ выступили изъ Хаджи-Халиля. Они шли батальонъ за батальономъ, въ походномъ порядкѣ, но безъ всякой военной предосторожности, имѣя по бокамъ нѣсколько вьючныхъ катеровъ и лошадей; даже штыки у многихъ были отомкнуты. Встрѣча такимъ образомъ была одинаково неожиданна для обѣихъ сторонъ (4).

Въ боевой жизни кавалеріи бываютъ моменты, когда рѣшимость начальника кинуться на непріятеля,—и кинуться, что называется, очертя голову въ буквальномъ смыслѣ этого слова, какъ электрическій токъ передается всѣмъ его подчиненнымъ. И надо сказать, что въ этой-то рѣшимости, въ этой отвагѣ, доведенной до полнаго забвенія опасности и презрѣнія къ смерти, только и лежитъ весь секретъ самыхъ дерзкихъ, иногда почти невѣроятныхъ успѣховъ кавалеріи. Таковъ непреложный законъ подъема человѣческаго духа, законъ высокой нравственной силы, передъ которой неизбѣжно должна отступить другая сила—физическая, какими бы матеріальными средствами она ни располагала. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Быстро сообразивъ, что за нами предательскій оврагъ, а впереди свои,—и стоитъ только пробиться сквозь попавшуюся намъ на пути пѣхоту, чтобы соединиться съ нашими войсками, Витте моментально рѣшилъ, что ему надо сдѣлать. Ни секунды раздумья, сомнѣнья или колебанія! Онъ выхватилъ шашку и, крикнувъ ура! первый бросился на непріятеля. За нимъ ринулись драгуны, казаки и дагестанцы. Двѣсти всадниковъ столкнулись съ пятитысячнымъ отрядомъ пѣхоты. Турки до того оторопѣли при этомъ внезапномъ налетѣ, что наша кавалерія успѣла смять головной батальонъ и пробиться сквозь остальные, кося направо и налѣво, прежде, чѣмъ турки пришли въ себя отъ изумленія. Когда они опомнились, наши были уже по ту сторону батальоновъ и, какъ вихрь, уносились въ даль, чтобы уйти изъ-подъ выстрѣловъ, которыми ихъ осыпали въ догонку. Проводника съ ними уже не было: онъ исчезъ во время сумятицы боя, и какъ впослѣдствіи оказалось, передался туркамъ *). На это обстоятельство однако мало кто обратилъ вниманія, такъ какъ дорога на Базарджикъ казалась ровною и гладкою. Но вдругъ, отскакавъ отъ пѣхоты не болѣе какъ на триста шаговъ, вся кавалерія Витте остановилась, какъ вкопанная: передъ нею очутилась громадная щель,

*) О судьбѣ этого проводника разсказываютъ различно. Въ описаніи боевой жизни Нижегородскаго полка въ минувшую войну 1877—1878 г.г., составленномъ Рикманомъ и Порембскимъ, говорится, что когда проводникъ бѣжалъ, унтеръ-офицеръ Ткаченко догналъ его, и не имѣя возможности захватить живымъ, изрубилъ среди непріятельскихъ батальоновъ. Ржевусскій въ своихъ запискахъ «Изъ воспоминаній сотеннаго командира» (Сборникъ военныхъ разсказовъ Мещерскаго, т. V) говоритъ, что, когда турецкая армія была разбита на Аладжинскихъ высотахъ, и плѣнныхъ стали приводить большими партіями, мы съ удивленіемъ увидѣли среди нихъ и нашего проводника. Онъ клялся, что турки захватили его въ плѣнъ, но мѣшокъ съ вещами и свѣжею провизіею, бывшій у него за плечами, сильно противорѣчилъ этому. Витте просилъ о преданіи его суду, но, кажется, этого сдѣлано не было.

отвѣсный бездонный оврагъ, который, заворачиваясь своими краями назадъ, перерадилъ дорогу. Ни обскакать его стороною, ни спуститься внизъ по отвѣсу, не было возможности—его могла перелетѣть только птица. Турки между тѣмъ развернулись покоемъ и съ трехъ сторонъ открыли учащенные залпы. Что было дѣлать? Впереди—пропасть, позади—шесть батальоновъ турецкой пѣхоты. Положеніе было безвыходное, но задумываться надъ этимъ положеніемъ не приходилось ни минуты. Къ счастію отряда, Витте былъ не изъ тѣхъ, которые теряются отъ неожиданностей. Увидѣвъ пропасть, онъ рѣшилъ моментально, что надо повернуть назадъ и вторично пробиться сквозь линію турокъ. «Братцы! Кругомъ! Ура!»—крикнулъ онъ, и налетѣвъ на пѣхоту, первый изрубилъ турецкаго солдата. Это былъ толчокъ, по которому вся кавалерія ринулась опять на батальоны. Въ минуту, когда мы столкнулись съ пѣхотой,—говоритъ Ржевусскій: — мы всѣ до того столпились, что меня чуть не выжили изъ сѣдла. Вообще атака была въ высшей степени дружная; но турки стояли твердо, и намъ приходилось прокладывать дорогу сквозь стальную стѣну штыковъ. Кутерьма поднялась невообразимая. Изрубленные, смятые, затоптанные конскими копытами, падали турецкіе солдаты, а на нихъ десятками валились драгуны, казаки и дагестанцы. На одну убитую лошадь спотыкалось и падало нѣсколько другихъ, увлекая за собой и всадниковъ, которымъ надежды на спасеніе уже не было (5). Шумъ рукопашной свалки, ружейные залпы, крики, стоны, бряцаніе и лязгъ оружія—стояли въ воздухѣ стономъ, потрясая самые желѣзные нервы. Но вотъ, наконецъ, кавалерія прорвалась сквозь эту живую стѣну людей, и исчезла въ ущельѣ. Турки, повернувшись кругомъ, успѣли сдѣлать еще два-три залпа, но крутой поворотъ оврага избавилъ насъ отъ дальнѣйшихъ выстрѣловъ. Залпы смолкли, но долго еще доносился съ высокаго плато зловѣщій гулъ, свидѣтельствовавшій о той кровавой тризнѣ, которую справляли турки надъ нашими убитыми и ранеными (6).

Очутившись въ ущельѣ, кавалерія наша пошла на полныхъ рысяхъ, чтобы скорѣе миновать это опасное мѣсто. Большинство драгунъ ѣхало безъ головныхъ уборовъ, которые были сбиты въ свалкѣ; раненые при скорой ѣздѣ невыносимо страдали, и ихъ надо было поддерживать на сѣдлахъ, чтобы не бросить въ полѣ. По счастію при турецкихъ батальонахъ не было конницы, а та, которая выступила изъ Карса, опоздала и не успѣла занять устье Магараджикскаго оврага, чтобы запереть намъ

выходъ изъ этой узкой и мрачной тѣснины. Еще солнце не сѣло, какъ отрядъ маіора Витте миновалъ уже страшный оврагъ и выбрался наконецъ на чистое мѣсто. У всѣхъ отлегло на сердцѣ. Итти обратно на Хаджи-Халиль, занятый уже турками, было нельзя, а потому пошли на Акрякъ, и притомъ по мѣстности, никому не знакомой. Солнце между тѣмъ сѣло; сумерки смѣнились темною ночью, а отрядъ никакъ не могъ оріентироваться и сбился съ дороги. Рѣшили наконецъ остановиться, чтобы дать вздохнуть измученнымъ конямъ и перевязать раненыхъ. Но совершить послѣднюю операцію было не легко, какъ потому что по близости не было ни капли воды, такъ и потому, что на весь отрядъ былъ одинъ только фельдшеръ Нижегородскаго полка, усталый и измученный не меньше другихъ. Люди сами перевязывали другъ друга, а о лошадяхъ никто не заботился; самъ Витте сидѣлъ на лошади, раненой въ животъ и истекающей кровью. Въ полночь двинулись дальше и увидѣли вдали массу разложенныхъ костровъ. Посланные туда казаки дали знать, что около нихъ слышенъ турецкій говоръ, а потому отрядъ обошелъ ихъ стороною. Проплутавъ такимъ образомъ цѣлую ночь, отрядъ добрался наконецъ до армянской деревни Зарчи, гдѣ взялъ проводника, который долженъ былъ вывести его къ Акряку. Оказалось, что мы находились верстахъ въ двадцати отъ этого селенія. Еще часа три пути, — говоритъ одинъ очевидецъ, — и мы, утомленные физически и нравственно, почти сутки ничего не ѣвшіе, добрались наконецъ до Акряка и стали бивуакомъ. Многіе раненые, и на раненыхъ лошадяхъ, едва передвигавшихъ ноги, отстали и подтянулись позднѣе. Первоначальная провѣрка людей дала въ высшей степени печальные результаты: изъ двухсотъ двадцати всадниковъ недоставало двухъ офицеровъ и девяносто двухъ нижнихъ чиновъ. Тяжело становилось на душѣ у каждаго при мысли о потерѣ доброй половины товарищей, о томъ, что тѣла ихъ остались въ рукахъ непріятеля на варварское поруганіе, и что въ борьбѣ одного противъ двадцати пяти человѣкъ не было никакой возможности не только поднять эти тѣла, но даже спасти своихъ раненыхъ. Сидя у костра и отогрѣвая свои окоченѣвшіе отъ холода члены, всѣ предавались печальнымъ размышленіямъ о фактахъ минувшаго дня; разговоры не клеились, всѣ сидѣли понурые, грустные... Подъ впечатлѣніемъ тяжкой потери въ первыя минуты никто изъ нихъ не сознавалъ еще величія совершеннаго ими подвига.

Бой 3-го эскадрона 2-го октября 1877 года на Орлокскихъ высотахъ.

Отдохнувъ немного въ Акрякѣ, отрядъ направился къ Базарджику, разсчитывая тамъ найти свои части; но въ Базарджикѣ стояли только обозы, а войска, переваливъ Орлокскія высоты, уже вступили въ бой съ главною турецкою арміею, и наша кавалерія—Нижегородцы, Гребенцы и дагестанцы жестоко мстили туркамъ за кровь однополчанъ, пролитую ими наканунѣ. Въ Базарджикѣ Витте нашелъ нѣсколькихъ драгунъ и казаковъ изъ своего отряда, которыхъ считалъ убитыми, но которые, потерявъ только своихъ лошадей, спаслись непостижимымъ чудомъ. Они разсказывали, что мѣсто боя представляло собой ужасающее зрѣлище. Какъ только наша кавалерія скрылась въ оврагѣ, турки бросились ловить пѣшихъ людей и добивать раненыхъ. Истязаніямъ тѣхъ, кто попадалъ къ нимъ въ руки живымъ, не было конца: съ нихъ снимали кожу, ихъ жгли на кострахъ, имъ отрубали руки или ноги, всаживали куда попало по десяти и болѣе пуль, чтобы насладиться только предсмертною агоніею несчастныхъ. Нѣкоторые, оставшіеся безъ лошадей, попрятались за груды камней, которыми было усѣяно плато, и переживали ужасныя минуты, видя, что совершалось кругомъ ихъ, и ожидая съ часу на часъ, что если будутъ открыты, то подвергнутся и сами тѣмъ же мученіямъ. Одинъ драгунъ разсказывалъ, что онъ попалъ въ какое-то болото и просидѣлъ въ немъ до поздней ночи, ныряя всякій разъ, когда приближались турки. Но тѣмъ утѣшительнѣе, что при всемъ ужасѣ подобныхъ сценъ, были случаи и замѣчательнаго самоотверженія. Такъ, подъ однимъ изъ драгуновъ была убита лошадь; преслѣдуемый по пятамъ, онъ бѣжалъ по скату оврага и наткнулся на раненаго казака, сидѣвшаго подъ камнемъ и державшаго въ поводу свою лошадь. «Землякъ!».. крикнулъ драгуну раненый: — «садись скорѣй на мою лошадь—мнѣ все равно помирать,—а ты спасайся, да помяни въ молитвахъ Григорія Спирина» (7). Драгунъ ускакалъ, а турки, такъ неожиданно открывшіе убѣжище Спирина, замучили его до смерти. Другой драгунъ рядовой Козыревъ, самъ раненый, спасъ и привелъ на бивуакъ двухъ раненыхъ товарищей (8). Подобныхъ подвиговъ было не мало, но, къ сожалѣнію, современники ихъ не записали, и они позабыты.

Между тѣмъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ сталъ умолкать, и въ Базарджикъ потянулись вереницы носилокъ съ ранеными, а къ вечеру стали приводить сюда же и большія партіи плѣнныхъ турокъ. Скоро узнали, что вся турецкая армія разбита на голову, и что часть ея бѣжала въ

Карсъ, но остальная, отрѣзанная отъ крѣпости, сдалась и положила оружіе. На другой день капитанъ Литвиновъ съ нѣсколькими драгунами ѣздилъ къ Магараджикскому плато, чтобы собрать и похоронить тѣла нашихъ покойниковъ. Подъѣзжая къ этому печальному мѣсту, онъ увидалъ массу убитыхъ лошадей, и тамъ и сямъ разбросанные людскіе трупы. Всѣ они были страшно обезображены, и почти всѣ совершенно голые, за исключеніемъ трехъ драгунъ, у которыхъ мундиры были подожжены спереди, такъ что обуглилась грудь; у нѣкоторыхъ были отрублены головы, а у одного отрѣзано все, что только можно отрѣзать отъ человѣческаго туловища. Собравъ тѣла этихъ мучениковъ, и похоронивъ ихъ въ одной общей могилѣ, Литвиновъ возвратился назадъ, и только тогда явилась наконецъ возможность опредѣлить точно цыфру нашей потери. Въ эскадронѣ изъ 127 человѣкъ убито было 26, и въ томъ числѣ всѣ четыре взводные вахмистра; ранено 12, и безъ вѣсти пропало трое; лошадей выбыло изъ строя 58. Замѣчательно, что при такой огромной убыли, изъ числа офицеровъ Нижегородскаго полка,—а ихъ было пятеро: маіоръ Витте, капитанъ Литвиновъ, штабсъ-капитанъ Дебогоріо-Мокріевичъ и прапорщики: фонъ Мененкампфъ и Протопоповъ — никто не былъ ни убитъ, ни раненъ, хотя у всѣхъ одежда была прострѣлена пулями; подъ Витте и Мененкампфомъ ранены лошади, а подъ Мокріевичемъ убиты двѣ, но онъ успѣлъ пересѣсть на третью. Кизляро-гребенская сотня потеряла офицера и 20 казаковъ, а изъ числа сорока дагестанскихъ всадниковъ вернулось только 18-ть (9). Разсказываютъ, что пробиваясь сквозь пѣхоту, дагестанцы разбили денежный турецкій ящикъ, но пока возились около него, турки большую часть ихъ положили на мѣстѣ, хотя ящикъ все-таки потеряли; самъ командиръ Дагестанскаго взвода штабсъ-ротмистръ Мамуловъ захваченъ былъ въ плѣнъ и умеръ въ Константинополѣ. Офицеры почти всѣ лишились своего походнаго имущества, такъ какъ вьючныя лошади ихъ были брошены и попали въ руки непріятеля.

Изъ числа трехъ драгунъ, пропавшихъ безъ вѣсти, потомъ оказалось, что одинъ находился въ плѣну, въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Мамуловымъ, а двое были убиты въ Карсѣ за отказъ вступить въ турецкую службу. Доблестные Нижегородцы предпочли измѣнѣ славную смерть и были разстрѣлены на гласисѣ крѣпости. Свидѣтелемъ ихъ казни былъ полковой маркитантъ армянинъ Сарбекъ Сааковъ, тоже находившійся въ плѣну, но захваченный турками ранѣе этого дѣла (10).

Память о славной битвѣ 2-го октября никогда не умретъ въ полку и будетъ передаваться потомкамъ въ солдатской пѣснѣ, написанной тогда же прапорщикомъ Протопоповымъ:

Ура живымъ и память павшимъ—
За бой неравный, страшный бой,
Когда съ маіоромъ Витте нашимъ
Врубились мы во вражій строй.

Кругомъ насъ турки обступили,
Гремѣли залпы, будто громъ,—
Мгновенно шашки обнажили,
И понеслись мы напроломъ.

Разъ въ двадцать больше вражья сила
Насъ не умѣла удержать.
Вдругъ пропасть путь загородила—
И повернули мы опять.

И тутъ драгуны не сплошали,
Опять въ атаку понеслись:
Вторично шашки засверкали,
Вторично кровью упились.

Мѣста тѣ памятны остались,
Гдѣ мы второго октября
Со славой, честью храбро дрались
За вѣру, родину, Царя.

Начальство насъ не оцѣнило,
Но упрекнуть лишь въ томъ могло,
Что не боялись мы могилы,
Что половина насъ легло.

Хоть много нашего тутъ брата
Себѣ снискало вѣчный сонъ,
Но сохранили долгъ мы свято—
Ура же третій эскадронъ!

Но славный подвигъ, не оцѣненный въ первое время, не могъ долго оставаться въ тѣни. Молва разнесла его по русской арміи, и Витте, два раза пробившійся съ своимъ эскадрономъ сквозь пятитысячную пѣхоту,

награжденъ былъ орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Дѣйствительно, дѣло 2-го октября есть дѣло выдающееся не только по отношенію къ одному полку, рельефно обрисовывая характерныя черты самихъ Нижегородцевъ, но оно поучительно и представляетъ высокій интересъ, какъ одна изъ самыхъ свѣтлыхъ и блестящихъ страницъ въ исторіи кавалеріи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Маіоръ Витте.

Арзерумъ.

XIII.

Подъ стѣнами Арзерума и Карса.

(1877 г.).

Приготовленія къ новому походу за Саганлугъ.—Переформированіе драгунской бригады въ два сводные драгунскіе полка.—Переходъ Саганлугскаго хребта и бой у Зивина.—Занятіе русскими войсками Хоросана и Керпи-кея.—Нижегородцы въ бою у Гассанъ-Кала.—Смерть капитана Тетюцкаго.—Стоянка въ Курджухѣ.—Прибытіе князя Амилахвари съ авангардомъ Эриванскаго отряда.—Сраженіе при Деве-Бойне и неудачный штурмъ Арзерума.—Бѣдственное положеніе саганлугскаго отряда.—Роспускъ кавалеріи на зимовыя квартиры.—Нижегородцы подъ стѣнами Карса.

Весь день 4-го октября прошелъ у насъ въ уборкѣ убитыхъ, въ перевязкѣ раненыхъ, въ пріемѣ и конвоированіи массы сдавшихся турокъ. Только управившись съ этою утомительною работою, полки 2-й кавалерійской дивизіи уже вечеромъ перешли въ Визинкевъ, гдѣ узнали, что

Мухтаръ-паша съ остатками разбитой арміи въ тотъ же день ушелъ за Саганлугъ, куда форсированными маршами двигался и корпусъ Измаила-паши отъ эриванской границы. Чтобы не допустить соединенія двухъ турецкихъ военачальниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать Измаилъ-пашѣ переправу черезъ Араксъ, у насъ сформированъ былъ особый Саганлугскій отрядъ, который подъ начальствомъ генерала Геймана долженъ былъ дѣйствовать по пути къ Арзеруму. Нижегородскій полкъ также готовился къ походу. Но предварительно ему пришлось еще конвоировать обозы главной квартиры, переходившіе въ Большую Тикму, и только 7-го числа, послѣ утомительнаго двухъ-дневнаго марша, онъ могъ наконецъ выступить въ Ардостъ, гдѣ собирались войска генерала Геймана ([1]).

Здѣсь изъ драгунской бригады сформированъ былъ для похода только одинъ сводный драгунскій полкъ, въ который вошли первые дивизіоны отъ полковъ Нижегородскаго и Сѣверскаго, подъ общею командой полковника Кельнера. Оба эти дивизіона доведены были до полнаго 15-ти ряднаго состава и посажены на лучшихъ лошадей, выбранныхъ изъ остальныхъ эскадроновъ. Вторые дивизіоны, получившіе всѣхъ слабыхъ, больныхъ и изнуренныхъ лошадей, также сведены были вмѣстѣ, и также образовали 2-й сводный полкъ, подъ командой полковника Батіевскаго, которому приказано было расположиться въ Бегли-Ахметѣ на отдыхъ ([2]). Пока производилось переформированіе, драгуны держали усиленные аванпосты къ сторонѣ Карса, чтобы воспрепятствовать сношеніямъ его съ Мухтаръ-пашею, а 4-й эскадронъ Нижегородскаго полка, вмѣстѣ съ казачьей сотней и ракетнымъ взводомъ, подъ командой капитана Кусова былъ посланъ въ дальній разъѣздъ изслѣдовать пути, ведущіе къ Саганлугу. Онъ возвратился только 9-го числа съ извѣстіемъ, что дороги свободны, и непріятеля нигдѣ не видно, а 10-го—весь кавалерійскій авангардъ (4 эскадрона драгунъ, 15 сотенъ и 14 конныхъ орудій) уже двинулся на Саракамышъ и Миллидюзъ, по мѣстамъ, хорошо знакомымъ нашимъ войскамъ со времени перваго зивинскаго похода.

Въ Миллидюзѣ получены были извѣстія, что Мухтаръ-паша остановился опять у Зивина. Но никто не зналъ, намѣренъ ли онъ принять сраженіе на прежней позиціи, или остался только съ однимъ арьергардомъ, чтобы задержать наши войска и дать своей разбитой арміи время соединиться съ Измаилъ-пашею. Были и такіе слухи, что при Мухтарѣ находится только 500 человѣкъ кавалеристовъ. Чтобы про-

вѣрить всѣ эти свѣдѣнія, начальникъ авангарда генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ 12-го числа произвелъ усиленную рекогносцировку. Спустившись съ горъ, кавалерія остановилась по сю сторону рѣчки, а капитанъ Тетюцкій съ первымъ эскадрономъ Нижегородскаго полка перешелъ Ханы-чай и сталъ подниматься на горы. Но едва наѣздники, съ штабсъ-капитаномъ Венарскимъ, показались изъ-за гребня, какъ встрѣчены были убійственнымъ огнемъ изъ балокъ и перелѣсковъ. 1-й эскадронъ спѣшился и завязалъ перестрѣлку, чтобы выяснить, чтó передъ нимъ находится; скоро онъ увидѣлъ нѣсколько таборовъ, обходившихъ его справа и слѣва съ очевиднымъ намѣреніемъ отрѣзать отъ переправы. Эскадронъ сталъ отодвигаться назадъ, и, пользуясь балкой, укрывшей его отъ продольныхъ выстрѣловъ, сѣлъ на коней и отступилъ къ отряду. Между тѣмъ Лорисъ-Меликовъ съ остальною кавалеріею также перешелъ Ханы-чай и, выдвинувъ терскую батарею подъ прикрытіемъ спѣшеннаго дивизіона Сѣверцевъ, раскинулъ впереди цѣпь изъ двухъ эскадроновъ Нижегородскаго полка, а правѣе расположилъ казаковъ съ ракетною командою. Непріятель продолжалъ, однакоже, энергическое наступленіе, и остановился только тогда, когда оттѣснилъ нашъ отрядъ за рѣчку. Уронъ у Нижегородцевъ былъ небольшой—4 человѣка и 5 лошадей; но отрядъ понесъ чувствительную потерю въ лицѣ командира Сѣверскаго дивизіона маіора Никифорова, получившаго смертельную рану въ то время, когда бой уже оканчивался ([3]).

Нельзя не сказать, что, благодаря этой рекогносцировкѣ, давшей преувеличенное понятіе о силахъ непріятеля, мы потеряли въ Миллидюзѣ цѣлый день, и потомъ, какъ уже ни торопились къ Хорасану, все-таки не могли поспѣть къ нему во-время. Измаилъ-паша однимъ днемъ прошелъ раньше насъ, и, соединившись съ Мухтаромъ, уже отступалъ къ Арзеруму. На другой день, въ то время какъ вся кавалерія производила усиленную рекогносцировку къ Керпи-кею, чтобы удостовѣриться не истребилъ ли непріятель каменнаго моста, по которому долженъ былъ переправиться нашъ Эриванскій отрядъ,—Нижегородскій дивизіонъ, посланный въ обходъ Керпи-кейской позиціи, занялъ Падыжванъ, богатое армянское селеніе, встрѣтившее его съ такимъ радушіемъ, какого драгуны не видали за все время кампаніи. Всѣ разсчитывали на пріятный отдыхъ, какъ вдругъ, часовъ въ 11 ночи, пришло приказаніе немедленно выступить къ городу Гассанъ-Кала, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, остано-

вился турецкій арьергардъ. На дорогѣ Нижегородцы встрѣтили остальную кавалерію, двигавшуюся изъ-подъ Керпи-кея, и пошли въ головѣ колонны. Ночь была страшно темная. Скоро въ передовой казачьей цѣпи завязалась оживленная перестрѣлка. Но откуда стрѣляли? Что было передъ нами? ничего разобрать было нельзя. Безпрерывные огоньки сверкавшихъ выстрѣловъ то на мгновеніе освѣщали передъ нами зубчатыя стѣны старинной крѣпости, то каменные памятники турецкаго кладбища, примыкавшаго къ самой стѣнѣ, то какія-то темныя пространства,—но поля или болота, разсмотрѣть было невозможно. Черезъ нѣсколько минутъ мимо Нижегородцевъ проѣхалъ генералъ Гейманъ со свитой и произнесъ отрывисто: «драгуны впередъ!» Капитанъ Тетюцкій, стоявшій съ 1-мъ эскадрономъ впереди колонны, съ мѣста повелъ его рысью, а вслѣдъ за нимъ шагомъ двинулись и остальные три эскадрона съ полковникомъ Кельнеромъ. Скоро—говоритъ послѣдній:—звонкій топотъ копытъ показалъ намъ, что первый эскадронъ несется карьеромъ по каменнымъ плитамъ турецкаго кладбища (4). Но что происходило на самомъ кладбищѣ, этого не только Кельнеръ, но даже и сами очевидцы и участники боя разсказать не въ состояніи. Въ непроницаемой тьмѣ, поражаемый со всѣхъ сторонъ выстрѣлами, эскадронъ, вскочившій на кладбище, въ упоръ наткнулся на турецкую пѣхоту, засѣвшую за могильными камнями. Эти камни, стоявшіе торчмя и притомъ довольно часто, разорвали нашъ фронтъ и заставили драгунъ разсыпаться и биться уже въ одиночку. Никакого начальническаго глаза здѣсь быть не могло, и каждый предоставленъ былъ самому себѣ и своей собственной совѣсти. Послѣ нѣсколькихъ минутъ жестокой схватки, турки стали подаваться назадъ, и скоро обратились въ бѣгство. Огонь съ городской стѣны также прекратился. Только въ одномъ углу кладбища, гдѣ каменная ограда скрывала за собою чью-то фамильную усыпальницу, еще держались турки и продолжали отстрѣливаться. Тетюцкій спѣшилъ взводъ, чтобы выбить непріятеля изъ-за этихъ закрытій, а самъ между тѣмъ громко позвалъ трубача и приказалъ ему трубить «аппель». Въ эту минуту изъ-за ограды раздался одинокій выстрѣлъ, очевидно направленный на голосъ, и Тетюцкій пошатнулся въ сѣдлѣ: пуля попала въ животъ на вылетъ, и рана была безусловно смертельная.

Эскадронъ между тѣмъ собрался къ своимъ офицерамъ, и снова атаковалъ турецкую пѣхоту, стоявшую въ самомъ узкомъ мѣстѣ дефиле между городскою стѣною и непроходимымъ болотомъ. Драгуны ее разсѣяли и

открыли путь остальной кавалеріи, которая окончательно и довершила пораженіе турецкаго арьергарда, бѣжавшаго изъ Гассанъ-Кала въ числѣ трехъ батальоновъ пѣхоты. Преслѣдованіе продолжалось до самаго свѣта, и кавалерія остановилась только въ селеніи Куруджукѣ, верстахъ въ

Бой у Гассанъ-Кала.

двѣнадцати отъ крѣпости. Проѣзжая мимо Нижегородцевъ, Гейманъ громко крикнулъ первому эскадрону: «Спасибо за славный бой и за молодецкую рубку; я ѣхалъ позади васъ, и видѣлъ жертвы вашихъ шашечныхъ ударовъ» (5). И дѣйствительно, бой этотъ нельзя не признать вполнѣ замѣча-

тельнымъ: ночная кавалерійская атака на кладбищѣ, гдѣ пѣхотинцы на каждомъ шагу находили закрытіе, недоступное для всадниковъ, представляетъ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые конницѣ не часто приходится вносить въ свои боевыя лѣтописи. Прямо отъ эскадроновъ Гейманъ отправился на перевязочный пунктъ навѣстить раненаго Тетюцкаго и поздравить его съ орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Это былъ уже седьмой офицеръ въ полку, награждаемый этимъ орденомъ. Къ сожалѣнію, Тетюцкому не пришлось дожить до этой высокой награды: онъ умеръ 22-го октября, и смерть вырвала изъ рукъ его этотъ почетный орденъ ([6]).

Кромѣ капитана Тетюцкаго, въ бою подъ Гассанъ-Кала первый эскадронъ потерялъ трехъ человѣкъ убитыми, двухъ ранеными и пять строевыхъ лошадей.

Отъ Куруджука до Арзерума считается только 17 верстъ, но этотъ путь преграждался крѣпкою, почти неприступною позиціею у Деве-Бойне, на которой турки собрали все, что уцѣлѣло отъ послѣднихъ погромовъ. Въ 1829 году Нижегородцы также были въ этихъ мѣстахъ, но тогда турки не защищали Деве-Бойне и дали возможность легко овладѣть Арзерумомъ. Теперь непріятельская позиція смотрѣла такъ грозно, что Гейманъ не захотѣлъ рисковать напрасной потерей людей, и поджидалъ прибытія Эриванскаго отряда. 19 октября показалась наконецъ кавалерія, впереди которой рѣялъ черный значокъ, съ изображеніемъ на немъ лика Спасителя и побѣдоносца Георгія. Это былъ знакомый всѣмъ значокъ начальника кавалеріи Эриванскаго отряда князя Амилахвари, который за 23 года передъ тѣмъ, еще въ мундирѣ поручика Нижегородскаго полка, сражался подъ этимъ же чернымъ знаменемъ въ знаменитомъ чолокскомъ бою *). Теперь Амилахвари велъ авангардъ Эриванскаго отряда. Нижегородцы восторженно привѣтствовали стараго своего командира, уже украшеннаго георгіевскимъ крестомъ за цѣлый рядъ боевыхъ отличій на Драмъ-дагскихъ высотахъ, у Даяра, во время мужественнаго отступленія Эриванскаго отряда къ Баязету, и, наконецъ, при выручкѣ этой многострадальной крѣпости, бившейся уже въ предсмертной агоніи. Черезъ день послѣ прибытія кавалеріи подошелъ самъ генералъ Тергукасовъ съ главными силами своего отряда,—и штурмъ Деве-Бойнской позиціи былъ рѣшенъ окончательно.

*) Смотри т. 7 гл. V, стр. 75.

23-го октября, въ самый день сраженія, сводный драгунскій полкъ вошелъ въ составъ кавалерійской колонны, которая подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора князя Амилахвари расположилась за центромъ нашей боевой позиціи; ей было велѣно выждать результатовъ нашей атаки на лѣвое крыло непріятеля,—и если это крыло будетъ опрокинуто, кинуться въ разрѣзъ между лѣвымъ и правымъ непріятельскими флангами, чтобы отнять у послѣдняго всѣ пути къ отступленію. Долго оставалась наша кавалерія простою зрительницею боя, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ гулу пушечной канонады, все ближе и ближе подвигавшейся къ непріятелю. Но вотъ, наконецъ, затрещала ружейная пальба, послышались раскаты барабаннаго боя и крики Ура! Теперь пришла очередь дѣйствовать и кавалеріи. Князь Амилахвари двинулся на полныхъ рысяхъ, но непріятель отступалъ такъ поспѣшно, что оставалось только преслѣдовать его по пятамъ. Горско-Моздокскій полкъ, пущенный впередъ, захватилъ 10 турецкихъ орудій; драгуны поддерживали казаковъ; но, къ сожалѣнію, скоро наступила ночь, и темнота помѣшала продолжать преслѣдованіе. Кавалерія ограничилась тѣмъ, что захватила весь турецкій лагерь, и въ немъ остановилась. Гейманъ пріѣхалъ вслѣдъ за нею, и помѣстился въ палаткѣ Мухтаръ-паши, покинутой почти со всѣмъ его имуществомъ (7).

Всю ночь войска провели на турецкихъ позиціяхъ, ежеминутно ожидая приказанія продолжать наступленіе къ Арзеруму, такъ какъ никто не сомнѣвался, что смѣлымъ, рѣшительнымъ нападеніемъ можно было въ ту же ночь овладѣть столицею Анатоліи, при общей паникѣ, царившей въ городѣ и въ разметанныхъ рядахъ защитниковъ Деве-Бойне. Одинъ англійскій корреспондентъ, находившійся въ тотъ день при Мухтаръ-пашѣ, рисуетъ передъ нами картину ужаснаго смятенія: «Представьте себѣ, говоритъ онъ, массу бѣгущихъ людей, которые съ лицами, искаженными ужасомъ, давили и топтали другъ друга, чтобы только проложить себѣ дорогу къ Арзеруму. Сцены были поразительныя. Пѣхотинцы, кавалеристы, черкесы, башибузуки, верблюды съ ихъ вожаками, волы, запряженные въ телѣги,—все бросилось въ одну общую свалку, и неслось неудержимою волной, чтобы скорѣе уйти изъ-подъ русскихъ выстрѣловъ... Десять минутъ спустя, продолжаетъ онъ дальше: я добрался до Арзерума, но тутъ картина была еще безобразнѣе. Обезумѣвшій отъ страха, губернаторъ приказалъ запереть городскіе ворота; однакоже толпѣ

удалось ихъ выломать и ворваться въ городъ, гдѣ ужасъ достигъ крайняго предѣла. Что было бы, если бы русскіе въ эту минуту появились подъ воротами Арзерума? Но русскіе не пошли дальше поля сраженія, и остались у Деве-Бойне (8).

Четыре дня, проведенные войсками въ бездѣйствіи, дали туркамъ возможность оправиться отъ нанесеннаго имъ пораженія, и когда 27-го октября русскіе двинулись на приступъ Арзерума, они нашли его уже готовымъ къ оборонѣ. Штурмъ, какъ извѣстно, не удался; но причина этой неудачи лежала, впрочемъ, не столько въ готовности непріятеля встрѣтить нападеніе, сколько въ темнотѣ ночи и сложности диспозиціи, произведшей въ войскахъ такую путаницу, что ни одна колонна, кромѣ колонны полковника Амираджибова, не попала на назначенное ей мѣсто. Амираджибовъ одинъ достигъ до форта Азазіе, взялъ его штурмомъ и держался въ немъ до разсвѣта. Но когда поутру изъ воротъ Арзерума выступила противъ почти вся турецкая армія, онъ долженъ былъ отступить, и хотя понесъ при этомъ значительную потерю, но привелъ съ собою 19 офицеровъ и болѣе 500 плѣнныхъ нижнихъ чиновъ.

Что же касается до нашей кавалеріи, то судьба сраженія была рѣшена прежде чѣмъ она успѣла собраться къ назначенному пункту, и только одни охотники ея приняли нѣкоторое участіе въ дѣлѣ: это былъ взводъ Нижегородскаго полка съ штабсъ-капитаномъ Рикманомъ, и взводъ казаковъ, подъ командою Нижегородскаго же полка капитана Кусова. Они должны были обскакать Арзерумъ съ двухъ сторонъ и перехватить начальствующихъ лицъ и пашей, ежели бы они попытались спастись бѣгствомъ черезъ Трапезондскія или Ольтинскія ворота. Убѣдившись однако, что ловить будетъ некого, охотники съ наступленіемъ разсвѣта покинули свои наблюдательные посты и, присоединившись къ Тифлисскому гренадерскому полку, вмѣстѣ съ нимъ прикрывали геройское отступленіе Амираджибова (9).

Съ этой роковой ночи начинается бѣдственное положеніе Саганлугскаго отряда, которому неизбѣжно предстояло зимовать на возвышенной давебойнской позиціи, среди снѣговыхъ сугробовъ, безъ одежды, обуви, и даже безъ пищи. Вся транспортировка черезъ Сангалугскій хребетъ прекратилась, а въ окрестныхъ селеніяхъ нельзя было достать ничего, кромѣ сырой пшеницы, которая, вмѣсто питанія, вносила въ организмъ человѣка всѣ зародыши висѣвшей уже надъ головами тифозной эпидеміи. Въ виду

Ночь послѣ Деве-Бойнскаго сраженія.

уменьшенія кавалеріи, которую кормить было нечѣмъ, Сѣверскій дивизіонъ отправили обратно подъ Карсъ, а съ нимъ уѣхалъ и полковникъ Кельнеръ, поручившій Нижегородскій дивизіонъ въ командованіе маіору Витте. Голодные и полуодѣтые солдаты съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали вторичнаго штурма, понимая, что только съ занятіемъ Арзерума мы могли завоевать себѣ спокойныя зимовыя квартиры. Но о штурмѣ не было даже рѣчей, а блокада, которою рѣшили ограничиться, мало обѣщала успѣха при извѣстной выносливости и стойкости нашего противника. Даже радостная вѣсть о паденіи Карса не измѣнила бѣдственнаго положенія отряда; по крайней мѣрѣ, капитанъ Кусовъ, посланный съ этою важною новостью къ арзерумскому коменданту, вернулся назадъ съ вѣстями, что въ Арзерумѣ никто и не помышляетъ о сдачѣ. Между тѣмъ съ 1-го ноября выпали глубокіе снѣга, и морозы стали доходить до 15°. Чтобы не изнурять напрасно кавалеріи, Гейманъ рѣшился отправить ее на зимовыя квартиры, и Нижегородскій полкъ 12-го ноября расположился въ окрестностяхъ Гассанъ-Кала, въ томъ самомъ Падыжванѣ, гдѣ провелъ канунъ своего памятнаго Гассанъ-калинскаго боя ([10]).

—

Теперь перейдемъ на другой театръ войны, гдѣ послѣ разгрома турецкой арміи и бѣгства ея за Саганлугъ, русскія войска обложили Карсъ и приступили къ правильной осадѣ крѣпости. Нижегородскій дивизіонъ, стоявшій въ Бегли-Ахметѣ, былъ вызванъ также въ блокадный отрядъ генерала Роопа, и вмѣстѣ съ его кавалеріей держалъ аванпостную цѣпь отъ Магараджика черезъ Владикарсъ и Когалы до самаго Чехмаура. Въ самый день штурма, съ 5-го на 6-е ноября, Нижегородцы и три Оренбургскія казачьи сотни, подъ командою полковника Кельнера, поставлены были у развалинъ Гюмбета для наблюденія за Тохмасъ-Табіей. Это былъ сильнѣйшій фортъ во всей системѣ карсскихъ укрѣпленій, и въ то время, какъ неприступный Карадагъ, Канлы и Хифизъ переходили уже въ наши руки, одна Тохмасъ-Табія стояла незыблемо, какъ скала, на которой она была воздвигнута. Всѣ усилія генерала Комарова овладѣть ею были напрасны, и колонна его съ огромною потерею отступила наконецъ къ Гюмбету. Самъ генералъ подъѣхалъ къ подножію холма и слѣзъ съ коня, блѣдный, разстроенный, досадуя, что турецкая пуля пощадила его, чтобы пережить неудачу. Онъ и не подозрѣвалъ тогда, что его стремительнымъ и упорнымъ

атакамъ мы болѣе всего обязаны были успѣхомъ карсскаго штурма, потому что онъ успѣлъ привлечь на себя значительную часть карсскаго гарнизона, ослабившаго всѣ остальные пункты. Съ Тохмаса еще раздавались рѣдкіе пушечные выстрѣлы, какъ вдругъ кто-то крикнулъ: «смотрите, турки уходятъ!» Изъ воротъ Тохмаса безпорядочными толпами дѣйствительно спускалась турецкая пѣхота. Весь отрядъ Кельнера, вскочивъ на коней, пустился на перерѣзъ, чтобы перегородить ей дорогу; въ эту минуту драгуны попали подъ огонь какой-то батареи и были осыпаны картечными гранатами. Полагая естественно, что это батарея турецкая, Нижегородцы повернули въ ту сторону, но къ счастію недоразумѣніе разъяснилось прежде, чѣмъ они ринулись на орудія: оказалось, что стрѣляла батарея 1-й гренадерской дивизіи, которая, замѣтивъ наконецъ свою ошибку, прекратила огонь. Все это замедлило однако преслѣдованіе настолько, что турокъ настигли только у Аравантана, гдѣ они положили оружіе ([11]). Отъ Аравартана преслѣдованіе продолжалось дальше по большой саганлугской дорогѣ, и вмѣстѣ съ Нижегородцами скакалъ начальникъ кавалеріи въ отрядѣ Роопа, генералъ-маіоръ князь Щербатовъ, который, постепенно нагоняя бѣгущія толпы, заворачивалъ ихъ назадъ, а слѣдовавшія сзади Нижегородцевъ части принимали ихъ и отправляли обратно въ Карсъ. Это обстоятельство и послужило впослѣдствіи для многихъ поводомъ къ оспариванію факта, что вся эта масса плѣнныхъ, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, была захвачена Нижегородцами ([12]). Преслѣдованіе окончилось верстахъ въ 30 отъ Карса въ д. Бозгушъ, куда прискакали только офицеры и 40 нижнихъ чиновъ, а все остальное растянулось по дорогѣ. Потерь въ Нижегородскомъ дивизіонѣ не было, но 14 лошадей пало отъ изнуренія.

6-го ноября надъ Карсскою цитаделью развился русскій флагъ, а 7-го войска вступили въ побѣжденную крѣпость съ тѣмъ, чтобы уже никогда не покидать ее. Паденіе Карса совпало со днемъ тезоименитства августѣйшаго вождя Кавказской арміи Великаго Князя Михаила Николаевича, и войска отпраздновали его большимъ парадомъ на равнинѣ между фортами Конлы и Хафизомъ, еще дымившимися свѣжею кровью своихъ защитниковъ. Войска вышли на парадъ въ той же одеждѣ, въ которой были на штурмѣ, и въ строю виднѣлось не мало офицеровъ и нижнихъ чиновъ съ повязками и на костыляхъ: это были раненые, не пожелавшіе оставить фронта. По окончаніи благодарственнаго молебствія произведена была пальба со всѣхъ фортовъ изъ отбитыхъ турецкихъ орудій, а за-

тѣмъ пропѣта «вѣчная память» убитымъ. Чувствовалось всѣми, говоритъ одинъ очевидецъ, что подъ этимъ небомъ, въ этомъ самомъ воздухѣ витаютъ надъ нами души, отшедшихъ прежде насъ, нашихъ отцовъ и братій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ парада сводный дивизіонъ Нижегородцевъ выступилъ изъ-подъ Карса за Саганлугскій хребетъ на присоединеніе къ своему полку. Начиналась блокада Арзерума, и Нижегородскій полкъ долженъ былъ принять участіе въ ней въ полномъ своемъ составѣ.

Капитанъ Тетюцкій.

Вступленіе въ Карсъ.

XIV.

На границѣ Курдистана.

(1877—1878 г.).

Полковой праздникъ и царская телеграмма.—Приближеніе эпидеміи.—Слухи о наступленіи турокъ. — Рекогносцировка, произведенная къ Хнысъ-Кале. — Нижегородцы занимаютъ Хнысскій санджакъ. — Смѣлый поискъ полковника Кельнера къ сторонѣ Муша.—Затруднительное положеніе колонны Алхадукова. —Возвращеніе въ Хнысъ-Кале и приведеніе его въ оборонительное положеніе.— Перемиріе. — Послѣдній бой 2-го эскадрона у Халиль-Чауша.—Возвращеніе полка въ Падыжванъ.—Бѣдственное время эпидеміи.—Окончаніе войны и возвращеніе въ русскіе предѣлы.

Въ самый канунъ полкового праздника къ полку присоединился 2-й дивизіонъ, бывшій подъ Карсомъ, и Нижегородцы всею семьею отпраздновали на чужбинѣ день Знаменія Божіей Матери. Выдающимся явленіемъ этого праздника была прекрасная рѣчь полкового командира,

произведшая на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. «Нижегородцы! — сказалъ онъ, поднимаясь съ бокаломъ въ рукѣ:—Пусть наши недоброжелатели стараются всячески умалить для насъ великій день 3-го октября. Мы завѣщаемъ день этотъ нашимъ потомкамъ, какъ старики завѣщали намъ Кюрюкъ-Дара и Башъ-Кадыкъ-Ларъ!» (¹). Восторженнымъ «ура» отвѣтили Нижегородцы на эти вылившіяся изъ сердца слова, а черезъ нѣсколько дней полкъ осчастливленъ былъ и слѣдующею телеграммою отъ Государя Императора:

«Поздравляю съ полковымъ праздникомъ и спасибо молодцамъ драгунамъ, что они и въ настоящую кампанію достойно поддерживаютъ прежнюю славу полка. Александръ».

Телеграмма эта, по затруднительности сообщеній, не могла быть доставлена своевременно и получилась только 6-го декабря. Восторгу Нижегородцевъ не было предѣловъ.

А мрачныя тучи уже висѣли надъ головою полка, и въ эскадронахъ чаще и чаще повторялись отдѣльные случаи заболѣванія тифомъ. Въ полку приняты были мѣры къ улучшенію санитарныхъ условій,—но что можно было сдѣлать въ этихъ библейскихъ вертепахъ, едва напоминающихъ человѣческое жилище? Ни одинъ лучъ свѣта, ни одна струя свѣжаго воздуха не проникали въ эти подземныя кротовины, чтобы разогнать удушливую, сгущенную въ нихъ атмосферу. Но и эти безотрадные пріюты казались уже роскошными жилищами въ сравненіи съ палатками, погребенными въ снѣгахъ Деве-Бойне, особенно, когда усилились морозы и забушевали метели. Среди такой-то обстановки вдругъ пронеслась молва о приближеніи съ юга турецкаго Багдадскаго корпуса, не принимавшаго еще до сихъ поръ участія въ войнѣ, такъ какъ онъ стоялъ на персидской границѣ. Для провѣрки этихъ извѣстій былъ посланъ генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ съ летучимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2-го эскадрона Нижегородскаго полка и сотни казаковъ. Отъ Падыжвана до перваго армянскаго селенія Эртгофъ дошли благополучно, хотя и по колѣна въ снѣгу, но дальше пришлось подниматься на горы, гдѣ не было и признаковъ какой-либо тропинки. Проводники сбились съ дороги, и колонна, вытянутая въ одинъ конь, внезапно наткнулась на страшный обрывъ, подъ которымъ, гдѣ-то внизу, глухо шумѣли волны Аракса. Ни спуститься внизъ, ни повернуть въ стороны не было возможности, а потому пришлось возвращаться назадъ, и отъ Эртгофа опять начинать

новый подъемъ, но уже по другой дорогѣ. Вѣтеръ между тѣмъ усиливался, и на горахъ разыгралась такая метель, что отрядъ едва добился уже въ темную ночь до какого-то куртинскаго селенія, потерявъ съ десятокъ вьючныхъ лошадей, свалившихся въ кручи. На четвертый день, испытавъ въ пути всевозможныя бѣдствія, драгуны добрались наконецъ до Хнысъ-Кале—старинной крѣпостцы, лежавшей въ санджакѣ того же названія. Здѣсь скоро убѣдились, что Багдадскій корпусъ находится еще далеко, но что Хнысъ-Кале, какъ важный опорный пунктъ со стороны мушскаго пашалыка, населеннаго курдами, имѣетъ для насъ огромное значеніе, тѣмъ болѣе, что самый санджакъ, еще не разоренный войною, представлялъ настоящее эльдорадо по отношенію къ продовольственнымъ средствамъ, которыхъ хватило бы на весь нашъ арзерумскій корпусъ. Кажется, эти-то соображенія и послужили поводомъ къ окончательному рѣшенію занять Хнысъ-Кале особымъ отрядомъ, который обезпечилъ бы войскамъ продовольственныя средства, и вмѣстѣ съ тѣмъ охранялъ бы ихъ отъ нечаяннаго нападенія Багдадскаго корпуса. Для этой цѣли назначены были два полка: Нижегородскій драгунскій и 2-й Горско-Моздокскій казачій, которые, подъ начальствомъ полковника Кельнера, 22-го декабря и заняли хныскій санджакъ. Нижегородцы расположились въ самомъ городѣ и окрестныхъ селеніяхъ, а казаки съ подполковникомъ Алтадуковымъ стали въ сел. Кюли, верстахъ въ 30 отъ Нижегородцевъ (2).

Чтобы выяснить положеніе дѣлъ въ краѣ, полковникъ Кельнеръ 26-го декабря произвелъ рекогносцировку съ двумя эскадронами драгунъ къ сторонѣ мушскаго пашалыка и узналъ, что передовой эшелонъ Багдадскаго корпуса уже прибылъ въ Мушъ, въ числѣ пяти тысячъ арабистанцевъ, и что въ селеніе Чары-Боръ, къ которому мы направлялись, выдвинутъ его авангардъ изъ тысячи человѣкъ черкесской и куртинской конницы. Съ этими извѣстіями Кельнеръ возвратился назадъ, а въ самый день новаго 1878 года опять выступилъ на поискъ, но уже съ цѣлымъ отрядомъ: подполковникъ Алтадуковъ съ двумя моздокскими сотнями и 1-мъ эскадрономъ Нижегородцевъ направленъ былъ имъ прямо на Чары-Боръ, а остальные три эскадрона съ полковникомъ Кельнеромъ пошли кружнымъ путемъ черезъ высокій хребетъ Зернакъ-Дагъ, который перевалили уже съ большими затрудненіями. Отсюда начинался спускъ въ долину Ефрата. Вотъ и библейская рѣка въ своемъ спокойномъ и плавномъ теченіи. Она никогда не замерзаетъ; но на этотъ разъ

морозы стояли такіе, что и по ея поверхности плыли небольшія тонкія льдинки. Армянскіе мальчишки, сбѣжавшіеся со всѣхъ окрестныхъ деревень посмотрѣть на русскихъ, указали намъ бродъ, и эскадроны перешли заповѣдную грань, за которою, по сказаніямъ Библіи, когда-то лежали сады Эдема. Воображеніе, говоритъ одинъ участникъ похода, уносило насъ ко временамъ доисторическимъ, и глаза жадно впивались въ даль, стараясь уловить хоть что-нибудь, что напоминало бы собою красоты первозданнаго міра; но кругомъ насъ лежала только одна безбрежная снѣговая пустыня, а трескучій морозъ возвращалъ мечтателей къ печальной дѣйствительности (3).

На берегахъ Ефрата драгуны соединились съ семью казачьими сотнями полковника Филипова, высланными сюда изъ эриванскаго отряда, и вмѣстѣ съ ними заняли селеніе Тегутъ, жители котораго встрѣтили насъ въ праздничныхъ нарядахъ, предшествуемые духовенствомъ, хоругвями и образами. Отрядъ, растянувшійся въ нитку по узкой снѣговой тропинкѣ, остановился, и начальство, сойдя съ лошадей, приложилось къ святымъ иконамъ. Въ Тегутѣ оставили только 2-й эскадронъ штабсъ-капитана Карангозова, а весь отрядъ двинулся дальше: казаки дошли въ тотъ же день до Одичаръ, а дивизіонъ Нижегородцевъ, подъ командою маіора Витте, занялъ селеніе Лизъ, гдѣ жители встрѣтили его такими же оваціями, какъ и въ Текутѣ. Былъ канунъ Крещенія и вмѣстѣ Рождества, такъ какъ армяне чествуютъ эти великіе христіанскіе праздники въ одинъ и тотъ же день, а потому всѣ офицеры отправились въ церковь, чтобы присутствовать при водосвятіи. Но посреди богослуженія вдругъ пронеслась молва, что идутъ турки. Смятеніе въ народѣ сдѣлалось неописанное. Маіоръ Витте тотчасъ выслалъ два небольшіе разъѣзда, подъ командой прапорщиковъ Тургіева и Мензенкампфа, приказавъ имъ провѣрить это извѣстіе. Разъѣзды должны были слѣдовать по двумъ различнымъ дорогамъ, но такъ какъ одна изъ нихъ оказалась совершенно занесенною снѣгомъ, то Тургіевъ, оставивъ свой взводъ въ первомъ попавшемся селеніи, присоединился съ нѣсколькими людьми къ Мензенкампфу. Ночь была лунная и свѣтлая. Бѣжавшіе жители, которыхъ мы встрѣчали на пути, уговаривали драгунъ возвратиться назадъ, такъ какъ не вдалекѣ стояли сувари и курды. Поднявшись на горы, разъѣздъ дѣйствительно увидѣлъ внизу большое селеніе, занятое турецкою конницею. Начавшаяся перестрѣлка окончилась тѣмъ, что дра-

Встрѣча полка въ Текутѣ.

гуны бросились въ деревню и захватили въ ней турецкій разъѣздъ изъ 8 человѣкъ, отъ которыхъ узнали, что непріятель находится въ полномъ наступленіи, и что всѣ дороги отъ Муша на Хнысъ-Кале уже заняты войсками Багдадскаго корпуса. Витте немедленно сообщилъ объ этомъ полковнику Кельнеру, который приказалъ всѣмъ эскадронамъ собраться по ту сторону Ефрата въ деревнѣ Шерванъ-Шехъ, извѣстивъ притомъ, что казачьи сотни полковника Филипова уже ушли обратно въ Алашкертскую долину. Три эскадрона собрались въ тотъ же день, но о первомъ не было никакихъ извѣстій, и Кельнеръ, серьезно опасаясь за участь маленькаго отряда Алтадукова, рѣшилъ итти къ нему на встрѣчу съ одними Нижегородцами. 6-го января полкъ перешелъ въ селеніе Кара-Агиль и уже готовился къ ночному движенію, какъ вдругъ разъѣзды его столкнулись съ разъѣздами отряда Алтадукова, двигавшагося не вдалекѣ отъ насъ долиною Ефрата. Отрядъ его тотчасъ направили на Кара-Агиль, и такимъ образомъ обѣ колонны соединились.

Насколько опасно и трудно было положеніе Алтадукова, можно судить по разсказамъ одного изъ участниковъ похода, оставившаго о немъ свои записки (4). «Мы выступили,—говоритъ онъ,—налегкѣ, даже безъ вьюковъ, разсчитывая на продовольственныя средства страны, и первый день похода, дѣйствительно, прошелъ благополучно; но съ утра 2-го января начинаются уже наши мытарства. Во-первыхъ, мы должны были убѣдиться, что совершенно потеряли изъ виду вторую колонну, и не знали куда направиться въ случаѣ, ежели бы обстоятельства заставили насъ искать съ нею соединенія. А эти обстоятельства могли представиться очень легко, такъ какъ турецкія войска появились уже не только въ окрестныхъ селеніяхъ, но даже у насъ въ тылу, гдѣ грабили и рѣзали армянъ, а курдовъ забирали въ свои ополченія. Жители, встрѣчавшіе насъ враждебно, такъ заботливо прятали отъ насъ съѣстные припасы, что мы въ теченіе шести дней почти ничего не ѣли, а отдыхать могли только урывками. Оказалось, что мы очутились въ самомъ кругу наступавшаго непріятеля, а потому естественно, что намъ не давали и двухъ-трехъ часовъ спокойно провести на мѣстѣ. Едва разобьемъ коновязи, какъ уже разъѣздъ даетъ знать о приближеніи турецкой пѣхоты, и мы, покидая стоянку, двигаемся снова вслѣдъ за своимъ проводникомъ, какимъ-то бѣглымъ турецкимъ солдатомъ, замѣнявшимъ намъ и компасъ, и карты, и знаніе мѣстныхъ нарѣчій. Скитались мы такимъ образомъ три дня, и все-таки

на четвертый добились до черкесской деревни Чары-Боръ—цѣли нашего движенія. Непріятеля въ селеніи не было, но войти въ него мы все-таки не рѣшились, опасаясь какого-либо предательства со стороны почтенныхъ его обитателей. Мы только вызвали старшинъ и, пригрозивъ имъ идущимъ за нами отрядомъ, опять двинулись дальше, стараясь угадать то направленіе, котораго держался Кельнеръ. Но о немъ не было никакихъ извѣстій, и даже армяне ничего не слыхали о присутствіи гдѣ-либо по близости русскаго войска. Вдобавокъ ударилъ страшный морозъ, появились обмороженные люди, и мы рѣшительно не знали, что съ ними дѣлать. Наконецъ, измученные, и замерзшіе добрались мы подъ вечеръ 6-го января до куртинской деревушки Акранъ, гдѣ насъ и разыскалъ наконецъ полковникъ Кельнеръ. Но и по соединеніи отрядовъ положеніе наше мало чѣмъ улучшилось, такъ какъ всѣ дороги въ Хнысъ уже были заняты турками, и намъ оставалась только одна свободная тропа на Шерванъ-Шехъ, Кара-Чабанъ и Гевандукъ. Мы двинулись по ней, не теряя минуты, и 10-го января вернулись благополучно домой ([5]).

Движеніе Нижегородцевъ выяснило окончательно появленіе на театрѣ войны новаго Багдадскаго корпуса, и Хнысъ-Кале очутился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, стоявшимъ отъ него въ небольшомъ переходѣ. Если что насъ и спасало, такъ это только глубокіе снѣга, которые препятствовали туркамъ развернуть свои силы. Тѣмъ не менѣе, близость непріятеля, разбои курдовъ, и паника между армянами—все вынуждало кавалерію быть бдительною; Хнысъ укрѣпляли; въ эскадронахъ приказано было держать лошадей засѣдланными, а входы и выходы въ деревняхъ охранять караулами. Мы знали достовѣрно, что 24 свѣжихъ и сильныхъ батальоновъ, вмѣстѣ съ пяти-тысячною турецкою конницею, ежеминутно готовились атаковать насъ съ фронта, тогда какъ въ тылу, на нашихъ сообщеніяхъ, всѣ горные проходы къ Гассанъ-Кале уже были заняты курдами, успѣвшими обойти насъ на лыжахъ ([6]). Но въ этотъ-то тяжелый моментъ, когда у непріятеля все было приготовлено, чтобы задавить нашъ малочисленный Хнысскій отрядъ,—вдругъ пришло извѣстіе о заключенномъ перемиріи, и военныя дѣйствія окончились. Но прежде чѣмъ во всѣ войска успѣли сообщить объ этомъ перемиріи, 2-му эскадрону Нижегородцевъ пришлось еще разъ встрѣтиться съ турецкою конницей, и выдержать горячую стычку, достойно завершившую собою боевую лѣтопись полка въ турецкую войну 77 и 78 годовъ.

25-го января къ штабсъ-капитану Карангозову явились четыре казака и просили указать имъ селеніе Ках-гикъ, назначенное подъ штабъ-квартиру Горско-Моздокскаго полка, который долженъ былъ перейти сюда изъ Кюли. Селеніе это лежало всего въ трехъ верстахъ отъ Харомыка, гдѣ квартировалъ Карангозовъ, и не было занято ни нами, ни турками. Не прошло, однакоже, и двухъ часовъ, какъ прискакалъ армянинъ съ извѣстіемъ, что курды напали на казаковъ. Ничего не зная о перемиріи, Карангозовъ выскочилъ на тревогу съ двумя дежурными взводами, а между тѣмъ послалъ къ штабсъ-капитану Демидову, квартировавшему съ 1-мъ эскадрономъ въ трехъ верстахъ, записку слѣдующаго содержанія: «Курды и чеченцы, въ числѣ 500 человѣкъ, напали на Ках-гикъ; иду на выручку; спѣшите съ эскадрономъ въ Халиль-Чаушъ, чтобы отрѣзать имъ отступленіе». Прискакавъ къ деревнѣ, Карангозовъ увидѣлъ однако слѣдующую картину: по узкой снѣговой тропѣ длинною вереницею тянулась куртинская конница, а четыре казака и нѣсколько передовыхъ драгунъ, засѣвши на той же самой тропинкѣ за какимъ-то закрытіемъ, задерживали ихъ мѣткимъ огнемъ и не давали войти въ деревню. Увидѣвъ скакавшихъ драгунъ, курды повернули назадъ и стали отступать къ Халиль-Чаушу; они тянулись все такъ же гуськомъ, и точно такимъ же порядкомъ кинулись преслѣдовать ихъ наши драгуны. Мы шли на хвосту, а между тѣмъ въ рубкѣ могъ участвовать лишь одинъ головной человѣкъ колонны: это былъ рядовой Клокисъ, который уложилъ человѣкъ семь курдовъ, и затѣмъ уступилъ свое мѣсто старшему вахмистру. Это была курьезная и комическая по своей обстановкѣ кавалерійская сшибка, вызывавшая во всей колоннѣ смѣхъ и остроты, особенно когда приходилось ловить какого-нибудь барахтавшагося въ снѣгу курда или его лошадь. Но вотъ передніе всадники тронулись наконецъ рысью и вскочили въ Халиль-Чаушъ, возлѣ котораго на небольшой полянѣ стояло кладбище. Драгуны тотчасъ воспользовались имъ для своей обороны и, засѣвъ за могильные памятники, завязали перестрѣлку; скоро однако обнаружилось, что всѣ шансы были на сторонѣ непріятеля, такъ какъ противъ его пятисотъ магазинокъ мы могли выставить только 40 бердановскихъ ружей. Положеніе становилось критическимъ уже потому, что мы не могли отступить, не подвергшись той же самой участи, какую испытали курды. Карангозовъ приказалъ коноводамъ бросить лошадей, которымъ некуда было свернуть съ тропы, и усилить собою стрѣлковъ. Какъ разъ въ эту минуту

вдругъ налетѣлъ сѣверный вихрь со снѣгомъ, и несмотря на полдень, сдѣлалось такъ темно, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было видѣть. Карангозовъ стоялъ рядомъ съ вахмистромъ Ленцкусомъ и разговаривалъ въ полголоса. — «Какъ ты думаешь, Ленцкусъ, придетъ ли первый эскадронъ?» — «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: въ такую метель онъ не перевалитъ черезъ горы». — «Что же намъ дѣлать?» — «Ворвемтесь въ деревню, ваше

Дѣло подъ Халиль-Чаушемъ.

благородіе», предлагаетъ Ленцкусъ. — «Да ты съ ума сошелъ; насъ нѣтъ и сорока человѣкъ, куда жь мы ворвемся?» — «Да вѣдь они шибко спужаются, ваше благородіе», спокойно замѣчаетъ вахмистръ, и тутъ же кричитъ: «Эй, Шантатаевъ! сходи-ка, братъ, отстрочь мою шинель съ сѣдла». — «Ну тебя съ шинелью, время-ли о ней думать», говоритъ ему Карангозовъ. — «Нельзя, ваше благородіе: полушубокъ на мнѣ новый, 30 руб-

лей заплатилъ, ни-за̀-что на снѣгу пропадетъ»... А вьюга между тѣмъ усиливается; солдаты лежатъ за камнями, совсѣмъ засыпанные снѣгомъ. Вотъ подбѣгаетъ унтеръ-офицеръ: «Ваше благородіе! Клокису обѣ ноги пулею перебили, прикажете убрать?»—«Куда жь тутъ убирать! положи его въ сторонку».—«Ваше благородіе, кричитъ другой: Логвиненкѣ плечо разбили».. Еще минута—падаетъ Шантатаевъ, прострѣленный въ животъ на вылетъ. Подходитъ взводный и степенно докладываетъ: «Марченку убили, ваше благородіе.»—«На смерть?»—«Какъ есть, ваше благородіе: въ голову утрафили». У самого Карангозова прострѣленъ полушубокъ, и та же пуля ранила лошадь его вѣстового. Потери растутъ, а на помощь 1-го эскадрона исчезла всякая надежда; жители, собранные прапорщикомъ Артазовымъ въ помощь драгунамъ, разбѣжались также, и самъ Артазовъ, махнувши на нихъ рукою, давно уже стоитъ передъ своимъ взводомъ. Вдругъ перестрѣлка съ нашей стороны точно оборвалась, и огонь прекратился почти по всей линіи: дѣйствуетъ не болѣе десятка ружей.—«Ваше благородіе!—раздаются несмѣлые голоса: ружья не стрѣляютъ». Видя, что патронники забило снѣгомъ, а курды между тѣмъ начинаютъ уже выѣзжать изъ деревни, Карангозовъ крикнулъ: «Примыкай штыки!» Послышалась возня, и потомъ новые крики: «Ваше благородіе, штыки не примыкаются!» Дѣйствительно, винтовки до того разогрѣлись отъ выстрѣловъ, что примкнуть къ нимъ оледенѣлые штыки оказалось невозможнымъ.—«Ну, такъ встрѣчай атаку прикладами!» крикнулъ Карангозовъ,—и почти въ ту же секунду курды съ воемъ ринулись на кладбище. Нѣсколько человѣкъ ворвались въ ряды драгунъ, но были перебиты прикладами, и толпа, отброшенная назадъ, ускакала.

Наступила зловѣщая тишина; мы ждали второй атаки, какъ вдругъ прибѣжавшіе армяне дали знать, что курды уходятъ изъ деревни. Почему они уходятъ—армяне объяснить не могли, но когда драгуны вступили въ Халиль-Чаушъ, курдовъ въ немъ уже не было. Впослѣдствіи оказалось, что они отступили въ тотъ самый моментъ, какъ 1-й эскадронъ вышелъ изъ своей деревни; но они не знали, что эскадронъ, добравшійся до половины горы, былъ занесенъ метелью, потерялъ дорогу и долженъ былъ возвратиться назадъ. На помощь къ Карангозову прискакалъ только взводъ, высланный изъ 3-го эскадрона, подъ командой прапорщика Протопопова, но и тотъ встрѣтилъ его уже на обратномъ пути къ Харомыку.

Потеря въ эскадронѣ была довольно значительная: изъ сорока дра-

гунъ одинъ былъ убитъ, восемь ранено, и нѣсколько человѣкъ контужено; лошадей выбыло девять, и въ томъ числѣ двѣ были захвачены курдами. Тѣло убитаго Марченки драгуны привезли съ собою и похоронили въ Харомыкѣ. Надъ его могилою былъ поставленъ деревянный крестъ; но едва эскадронъ ушелъ изъ селенія, какъ крестъ былъ сломанъ, могила разрыта и трупъ выброшенъ изъ гроба. По этому поводу турецкое правительство само производило слѣдствіе, и штабъ-офицеръ, состоявшій посредникомъ на демаркаціонной линіи, увѣдомилъ полковника Кельнера, что фактъ разрытія могилы хотя и совершился дѣйствительно, но что подобныхъ случаевъ больше не повторится, такъ какъ виновный открытъ и понесъ наказаніе. Это былъ молодой курдъ, совершившій преступленіе не съ цѣлію какого-либо кощунства, а просто для того, чтобы снять съ убитаго сапоги, которые ему очень нравились. На вопросъ Кельнера—въ чемъ состояло наказаніе? турецкій штабъ-офицеръ съ самодовольствомъ находчиваго изобрѣтателя отвѣчалъ: «Я приказалъ виновному изрѣзать эти сапоги на мелкія части, и въ моемъ присутствіи съѣсть ихъ до послѣдняго кусочка (7)».

Бой подъ Халиль-Чаушемъ, разыгравшійся послѣ заключеннаго перемирія, надѣлалъ въ свое время много хлопотъ, шума и переписки; но тѣмъ не менѣе Гейманъ по достоинству оцѣнилъ молодецкое дѣло, и прислалъ во 2-й эскадронъ два знака отличія Военнаго ордена. Такимъ образомъ, какъ первые, такъ и послѣдніе георгіевскіе кресты за турецкую войну достались на долю нашихъ Нижегородцевъ. Они начали войну, и они же ее окончили.

Халиль-чаушскимъ эпизодомъ завершилось хнысское сидѣнье, полное тревогъ, памятное разнообразіемъ впечатлѣній, и оставившее послѣ себя добрую память въ сердцахъ ея участниковъ тѣмъ, что въ самыя трудныя минуты никто изъ нихъ не падалъ духомъ, каждый встрѣчалъ событія съ спокойнымъ достоинствомъ, и съ полною готовностью лечь—если то нужно—на защитѣ рубежа, ввѣреннаго ихъ охранѣ. Въ концѣ февраля мѣсяца пришло извѣстіе о заключеніи Санъ-стефанскаго договора, и 1-го марта 1878 года полкъ возвратился наконецъ въ Падыжванъ, гдѣ находилась его штабъ-квартира.

Война окончилась, но не окончились еще порожденныя ею бѣдствія. Тифозная эпидемія, развивавшаяся въ войскахъ съ каждымъ днемъ, захватывала все большее и большее количество жертвъ. Первый случай сыпного тифа въ полку обнаружился еще 27 ноября: умеръ старый маіоръ

Авалдовъ; но случай этотъ сочли тогда единичнымъ, и эпидемія дала о себѣ знать только въ началѣ 78-го года, когда число больныхъ разомъ возросло до такой степени, что въ эскадронахъ некому было убирать лошадей. Жертвою эпидеміи сдѣлался и самъ начальникъ Хнысскаго отряда генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ. Въ Падыжванѣ, куда Нижегородцевъ перевели 1-го марта, сыпной или, какъ его называли, голодный тифъ свирѣпствовалъ съ особенной силой. Больныхъ была цѣлая масса, а средствъ никакихъ. Санитарная часть въ полку находилась въ ужасномъ положеніи, а о гигіеническихъ мѣрахъ нечего было и думать, когда люди ходили безъ одежды и обуви; многіе совсѣмъ не имѣли бѣлья, и нерѣдко подъ лохмотьями мундировъ виднѣлись дырявые кителя, замѣнявшіе рубахи. Чтобы судить о лишеніяхъ, испытанныхъ въ арзерумскомъ походѣ войсками, довольно указать на ту оригинальную таксу, которая сама собою установилась у нашихъ маркитантовъ на предметы первой необходимости; такъ напр., фунтъ сахару стоилъ 1 р. 20 к., фунтъ турецкаго табаку 40 рублей, сотня папиросъ 4 р., махорка 1 р., бутылка плохой водки 2 р. и т. д. Казна за транспортировку вещей платила баснословныя суммы. Кельнеръ въ своихъ запискахъ говоритъ, что четверть ячменя съ доставкою ея въ Гассанъ-Кале черезъ Сангалугскій хребетъ обходилась въ 320 р. с., а впослѣдствіи перевозка сдѣлалась и совсѣмъ невозможною, такъ какъ, за безкормицею въ пути, верблюжій транспортъ съѣдалъ дорогою весь свой грузъ, котораго не хватало даже на послѣдніе переходы. Общество Краснаго Креста, казалось, забыло о существованіи Нижегородцевъ, и во все время кампаніи полкъ только по слухамъ зналъ о его дѣятельности. Единственная помощь, оказанная имъ полку, пришла въ маѣ 1878 года, уже по окончаніи войны, и та походила скорѣе на иронію, такъ какъ прислали полушубки, которыхъ нельзя было надѣть по случаю тропической жары, и одноколки, въ которыхъ некого было возить, за неимѣніемъ раненыхъ ([8]). За то со стороны полка сдѣлано было все, чтобы облегчить положеніе людей, и средствъ на это не щадили: мяса отпускалось по 2 фунта на каждаго человѣка, продукты были свѣжіе, пряности заготовлялись пудами. Изъ Арзерума полкъ выписывалъ цѣлыми ящиками марсельскій коньякъ, кофе, хину и даже шампанское. Коньякъ и кофе ежедневно отпускали больнымъ и здоровымъ, а шампанское—только больнымъ и выздоравливающимъ ([9]). Ни одинъ полкъ, можно сказать, не пользовался такими заботами, какъ

Нижегородскій, и несмотря на то, болѣзнь косила его также, какъ и другія части, поставленныя далеко не въ столь благопріятныя условія: очевидно, предшествовавшіе чрезмѣрные труды и лишенія настолько подготовили почву для заразы, что никакія мѣры уже не могли отвратить и даже ослабить ея бѣдствія. Отрадно остановиться въ эти трудные дни на самоотверженной дѣятельности полкового врача штабъ-лекаря Кучинскаго и его помощника класснаго фельдшера Иванова, на рукахъ которыхъ было болѣе двухъ-сотъ пятидесяти больныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Ветеринарный врачъ Маркевичъ, по недостатку медицинскаго персонала, также ѣздилъ по всѣмъ эскадронамъ и помогалъ совѣтомъ и дѣломъ. Одинъ изъ этихъ отзывчивыхъ друзей человѣчества, Ивановъ, заразившись тифомъ, и самъ сдѣлался жертвою эпидеміи. Онъ умеръ въ Падыжванѣ. Въ трогательномъ предсмертномъ письмѣ къ обществу офицеровъ онъ просилъ только не покинуть четырехъ его малолѣтнихъ сиротъ и поручалъ судьбу ихъ родному полку. Общество офицеровъ взяло ихъ всѣхъ на свое попеченіе, выростило ихъ, воспитало, и вывело на дорогу (10). Это были тоже дѣти полка. Кромѣ Иванова, въ Падыжванѣ полкъ похоронилъ штабсъ-капитана Винарскаго и 50 человѣкъ нижнихъ чиновъ. А сколько еще могилъ оставилъ онъ на Хныс-калинскомъ кладбищѣ! Сколько погибло у него людей въ госпиталяхъ и лазаретахъ! И полкъ ничего не зналъ о судьбѣ ихъ, и числилъ ихъ въ своихъ спискахъ тогда, когда ихъ уже давнымъ давно не существовало на свѣтѣ.

Ровно мѣсяцъ оставался полкъ въ Падыжванѣ среди всѣхъ ужасовъ эпидеміи, и подъ ея гнетомъ невольно стало зарождаться общее уныніе. При такихъ условіяхъ всѣ съ радостью встрѣтили извѣстіе о предстоящемъ возвращеніи на родину.

Изъ Падыжвана полкъ выступилъ 1-го апрѣля, и, пройдя черезъ Карсъ, направился къ Александрополю. За годъ передъ тѣмъ, 12 апрѣля 1877 года, онъ перешелъ Арпачай и ступилъ на турецкую землю, и ровно чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ, 13 апрѣля 1878 года, вернулся въ Александрополь. Какъ идя на войну, Нижегородцы прежде всего зашли поклониться праху своихъ славныхъ предмѣстниковъ, такъ и придя съ войны, увѣнчанные свѣжими лаврами, они выстроились передъ каменною оградою почетнаго военнаго кладбища, и на вершинѣ холма, такъ удачно названнаго «Холмомъ Чести», отслужили торжественную панихиду. Панихиду служилъ тотъ же священникъ, что прежде, но къ старымъ, поми-

наемымъ имъ именамъ, прибавились уже новыя—это имена Форжета, Тетютскаго и 45-ти убитыхъ нижнихъ чиновъ, могилы которыхъ были разбросаны отъ Арпачая до Арзерума.

Трофеями полка было турецкое знамя и семь орудій. Замѣчательно, что изъ 24-хъ офицеровъ, перешедшихъ границу, четвертая часть, т. е. 6 человѣкъ, получили георгіевскіе кресты, а изъ 750 нижнихъ чиновъ—пятая часть, т. е. 150 человѣкъ, награждены знаками отличія Военнаго ордена (11).

Холмъ Чести.

Штабъ-трубачъ Березнякъ.

Вахмистръ 5 эскад. Шмагоржевскій.

Вахмистръ 4 эскад. Клюшниковъ.

XV.
Эпилогъ войны.
(1878—1880 г.).

Лѣто, проведенное въ Карсской области.—Жизнь полка въ Суботани.—Роспускъ на зимовыя квартиры.—Лорійская степь и Джалалъ-Оглы.—Административныя перемѣны въ Кавказской арміи.—Нижегородцы на Георгіевскомъ праздникѣ въ Петербургѣ.—Небывалая въ Россіи награда.—Полученіе въ полку Высочайшей грамоты и милостивая телеграмма государя императора.—Новый полковой командиръ полковникъ Корсаковъ.—Торжество освѣщенія широкихъ георгіевскихъ лентъ, пожалованныхъ на полковые штандарты.

Въ Александрополѣ, полкъ ожидала мирная, будничная жизнь, совсѣмъ не похожая на ту, которою онъ жилъ двѣнадцать мѣсяцевъ къ

ряду. Но эта жизнь скоро нарушилась для него новымъ приказаніемъ выступить въ Карсскую область, въ составъ отряда Лазарева, который долженъ былъ находиться въ сборѣ до окончанія берлинскихъ конференцій.

Въ Карсѣ полковникъ Кельнеръ получилъ приказаніе быть въ совершенной готовности на случай продолженія войны, а между тѣмъ полкъ разрѣшили поставить на траву, въ самое благопріятное для этого время, въ началѣ іюня мѣсяца. Онъ разбилъ свой лагерь у Суботани, и грозные дотолѣ склоны Аладжи и Орлокскихъ высотъ доставили ему на цѣлыя шесть недѣль вполнѣ заслуженный отдыхъ: лошади, пущенныя въ табунъ, пользовались прекрасной горною травой и каменною солью, находившейся въ изобиліи почти у каждаго водопоя; солдаты обшивались, чистились и приводили въ порядокъ оружіе; офицеры также широко пользовались досугомъ травяного довольствія, и цѣлыми компаніями то посѣщали сосѣдній лагерь Дагестанскаго полка, гдѣ находили широкое гостепріимство у командира его князя Арчила Чавчавадзе, то ѣздили въ Карсъ и устраивали въ единственномъ ресторанѣ его вечеринки съ своими трубачами, то предпринимали поѣздки по окрестнымъ мѣстамъ, невольно возобновлявшія въ памяти тѣ или другія событія минувшей войны ([1]). Это были поѣздки, исполненныя всегда глубокаго интереса, смысла и поучительности.

Бойцы вспоминали минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Окрестныя поля, еще не тронутыя послѣ бранной грозы плугомъ хлѣбопашца, хранили слѣды недавнихъ битвъ, и были покрыты осколками снарядовъ, обломками оружія, а въ глухихъ мѣстахъ попадались и неубранные доселѣ турецкіе трупы. Возникла было среди офицеровъ мысль поставить на визинкевскихъ горахъ, гдѣ были турецкіе окопы, какую-нибудь пирамиду съ соотвѣтствующею надписью, но слухъ, что правительство само приняло на себя починъ всѣхъ подобныхъ сооруженій, заставилъ ихъ отъ нея отказаться, и офицеры поставили скромные памятники только въ Александрополѣ на могилахъ своихъ павшихъ товарищей ([2]).

Такъ подошла осень; полкъ отбылъ кампаментъ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда тучи, покрывавшія политическій горизонтъ, окончательно разсѣялись, отпущенъ былъ на зимовыя квартиры. Стоянка ему назначена

была въ Джалалъ-Оглахъ,—небольшой крѣпостцѣ, построенной во время послѣдней персидской войны извѣстнымъ партизаномъ-поэтомъ Денисомъ Давыдовымъ. Нѣкогда она сторожила Безобдалъ и охраняла Лорійскую степь, но съ теченіемъ времени стратегическое значеніе ея мало по малу утратилось, и она превратилась въ простую штабъ-квартиру, настолько тѣсную, что въ ней едва могли размѣститься два полковые штаба—Нижегородскій и Сѣверскій. Вступивши въ Джалалъ-Оглы *), драгуны увидѣли на первомъ планѣ казармы, смотрѣвшія чисто и довольно уютно; лѣвѣе ихъ раскинулся армянскій базаръ, отъ котораго шли улицы, обстроенныя одноэтажными домиками женатыхъ солдатъ, отдававшимися въ наймы, а надъ самымъ обрывомъ ютилась армянская часть, поражавшая глазъ своими безпорядочными и грязными постройками (3).

Не безъ труда и хлопотъ, говоритъ полковникъ Кельнеръ, размежевались мы съ своими братьями Сѣверцами, которые пришли раньше и заняли двѣ русскія деревни Привольное и Воронцовку; на долю же Нижегородцевъ достались: Николаевка, Чабухлы, русскіе и армянскіе Гергеры и деревня Гюли-Ахаракъ.

Въ Джалалъ-Оглахъ узнали о нѣкоторыхъ административныхъ перемѣнахъ въ Кавказской арміи, которая раздѣлена была на два корпуса, и въ составъ перваго изъ нихъ, генерала отъ инфантеріи Своева, поступила 2-я кавалерійская дивизія, принявшая теперь № 1-й. Нижегородцы и Сѣверцы составили въ ней первую бригаду, а Кутаисскій конно-иррегулярный полкъ, и казачьи полки Кубанскаго войска: Ейскій и Уманскій—вторую. Начальникомъ дивизіи назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе, а командиромъ 1-й бригады генералъ-маіоръ Батіевскій (4).

Едва полки устроились на новыхъ стоянкахъ, какъ наступилъ георгіевскій праздникъ, чествуемый въ этомъ году съ особенною пышностью въ столицѣ, куда вызваны были всѣ георгіевскіе кавалеры, какъ представители послѣднихъ подвиговъ, внесшихъ въ боевую лѣтопись Россіи не мало новыхъ славныхъ страницъ. Отъ Нижегородскаго полка отправились: подполковники Наврузовъ и Витте, маіоръ Кусовъ,

*) Джалалъ-Оглы получили свое названіе отъ имени какого-то татарскаго разбойника, слава котораго перешла изъ минувшихъ вѣковъ въ народъ, сохранившій въ памяти имя наѣздника, но утратившій преданія и пѣсни о его знаменитыхъ подвигахъ.

штабсъ-капитанъ Карангозовъ, поручикъ Панчулидзевъ и старшій вахмистръ Клюшниковъ (⁵).

26-го ноября, послѣ большого выхода въ Зимнемъ дворцѣ, государь со всѣми офицерами присутствовалъ на обѣдѣ нижнихъ чиновъ въ Михайловскомъ манежѣ, а на другой день всѣ офицеры приглашены были къ обѣденному столу его величества. День этотъ совпалъ съ полковымъ праздникомъ Нижегородскаго полка, а потому и государь, и великій князь Михаилъ Николаевичъ были въ Нижегородскихъ мундирахъ. Въ серединѣ обѣда государь поднялся съ мѣста и, подозвавъ къ себѣ великаго князя вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими здѣсь Нижегородцами, провозгласилъ тостъ за здоровье полка и удостоилъ съ каждымъ чокнуться своимъ бокаломъ. «Передайте вашимъ товарищамъ — сказалъ государь:—что я счастливъ, когда бываю въ вашемъ мундирѣ, и что полкъ показалъ себя на войнѣ достойнымъ своихъ славныхъ предмѣстниковъ».

— «Нижегородскія шашки никогда не ступѣютъ противъ враговъ вашего величества, отвѣтилъ на это маіоръ Кусовъ.

— «Это я вижу—сказалъ государь, милостиво улыбнувшись:—васъ пятеро,—и всѣ георгіевскіе кавалеры». Онъ тутъ же добавилъ, что сегодня подписалъ грамоту полку на награду, какой еще не бывало въ Россіи (⁶).

Нужно сказать, что тотчасъ послѣ окончанія войны великій князь-фельдмаршалъ, излагая во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ отличіяхъ войскъ, писалъ, что Нижегородскій полкъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые оказали въ минувшую войну наиболѣе блестящіе подвиги; что всѣ награды, установленныя закономъ, полкъ уже имѣетъ, и что добавочныя надписи на его штандартахъ или трубахъ не вполнѣ соотвѣтствовали бы его доблестнымъ заслугамъ, а потому великій князь и повергалъ награду Нижегородскаго полка на личное благоусмотрѣніе его величества (⁷). И вотъ, за нѣсколько времени передъ этимъ праздникомъ, Нижегородцы узнали изъ высочайшаго приказа 12-го октября 1878 года, что государь императоръ пожаловалъ полку на его старые георгіевскіе штандарты еще вторыя широкія ленты того же ордена, но уже 1-го класса. Точно такія же ленты и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ пожалованы были и Сѣверцамъ.

Самая грамота, подписанная государемъ 26-го ноября, въ день георгіевскаго праздника, получена была въ полку въ февралѣ 1879 года, при

чемъ генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе отдалъ слѣдующій приказъ по дивизіи:

«Нижегородскіе и Сѣверскіе драгуны! Боевая служба въ минувшую грозную годину, неотразимые удары ваши, сломившіе врага на поляхъ Бегли-Ахмета, Аравартана, на крутостяхъ Аладжинскихъ высотъ и у твердынь Карса, обратили на себя милостивое вниманіе обожаемаго госу-

Группа георгіевскихъ кавалеровъ (1878).
Подполковникъ Витте, вахм. Клюшниковъ, штабсъ-капитанъ Карангозовъ.
Маіоръ Кусовъ, Г.-Л. кн. Чавчавадзе, подполк. Наврузовъ, поручикъ Панчулидзевъ.

даря, осчастливившаго васъ новою высокою наградою. Вручая вамъ монаршія грамоты на широкія георгіевскія ленты, пожалованныя на покрытые вѣковою славою штандарты ваши, я счастливъ, что довелось это исполнить мнѣ, служившему больше 20-ти лѣтъ въ рядахъ Нижегородскаго полка, и очевидцу тѣхъ подвиговъ, за которые вы получили всѣ предшествовавшія награды.

«Богатыри-драгуны! Да поможетъ вамъ Господь эти четыре, первые въ Россіи штандарта освятить въ новыхъ бояхъ, и въ глазахъ всей многомилліонной родины показать себя достойными ихъ».

Государь Императоръ также поздравилъ полки слѣдующею телеграммой, полученной въ самый день георгіевскаго праздника:

«Поздравляю оба полка съ высшею военною наградою, ими заслуженною, а Нижегородцевъ, кромѣ того, съ завтрашнимъ полковымъ праздникомъ. Увѣренъ, что оба полка всегда будутъ достойны ихъ славы, и всѣхъ отличій, заслуженныхъ, какъ въ прежнія времена, такъ и въ послѣднюю войну. Горжусь числиться въ обоихъ полкахъ. Александръ».

«Милостивыя слова вашего императорскаго величества —отвѣчали на это драгуны:—вызвали единодушный взрывъ восторга. Нижегородцы и Сѣверцы клянутся оправдать надежды своего обожаемаго Монарха и быть достойными своей славы».

Этими знаменательными словами, этою торжественною клятвою, произнесенною передъ лицомъ Монарха, заканчивается, можно сказать, командованіе полковника Кельнера: 28-го февраля 1880 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады, 1-й кавказской кавалерійской дивизіи, на мѣсто генерала Батіевскаго, а командиромъ Нижегородскаго полка назначенъ полковникъ Корсаковъ.

Лагерный сборъ въ этомъ году назначенъ былъ вмѣстѣ съ полками 38-й пѣхотной дивизіи въ Ахалкалакахъ, куда въ началѣ іюля мѣсяца выступила изъ Джалалъ-Оглы и драгунская бригада Кельнера. Но на этотъ разъ не обычные смотры, ученья и парады занимали собою Нижегородцевъ и Сѣверцевъ: ихъ ожидало въ Ахалкалакахъ еще небывалое военное торжество—навѣшиваніе на ихъ штандарты широкихъ георгіевскихъ лентъ, принадлежашихъ 1-й степени этого ордена. Такія ленты носили въ цѣлой Россіи только три человѣка: самъ государь императоръ, да два августѣйшіе фельдмаршала великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. И вотъ, такія же точно ленты предстояло возложить теперь на полковые штандарты Нижегородцевъ и Сѣверцевъ. Это были еще первые штандарты въ Россіи, которые украшались подобною высшею военною наградою. Весь ахалкалакскій лагерь долженъ былъ сдѣлаться свидѣтелемъ торжества драгунъ,—и день этотъ, знаменательный въ исторіи обоихъ полковъ, наступилъ 11-го сентября, съ пріѣздомъ въ Алхакалаки великаго князя Михаила Николаевича.

Въ этотъ день въ 8 часовъ утра всѣ войска, участвовавшія въ лагерномъ сборѣ, выстроились на учебномъ полѣ и образовали общее каре: пѣхота въ батальонныхъ колоннахъ, драгунская бригада развернутымъ фронтомъ. На правомъ флангѣ ея находились: начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе и свиты его величества генералъ-маіоръ князь Амилахвари—два старѣйшіе соучастника Нижегородской славы. Внутри каре, ближе къ драгунскому фронту, помѣщался аналой съ двумя полковыми иконами, и на его-то зеленой парчѣ, вышитой золотыми крестами, разложены были широкія георгіевскія ленты, обшитыя по концамъ тяжелою серебряною бахромою; на одномъ концѣ ихъ, подъ вензелемъ императора Александра II, утвержденъ былъ большой Георгіевскій крестъ, а на другомъ—Георгіевская звѣзда. Возлѣ этихъ лентъ стоялъ штабсъ-капитанъ Нижегородскаго полка Панчулидзевъ, только что прибывшій съ ними отъ великаго князя, и тутъ же ожидало духовенство въ золотыхъ кованыхъ ризахъ. Все поле, на которомъ стояли войска, пестрѣло тысячами конныхъ и пѣшихъ зрителей; въ Ахалкалакахъ всѣ лавки были заперты,—точно жители ихъ, забывъ на время свои меркантильные расчеты, собирались праздновать день этотъ вмѣстѣ съ войсками. Ровно въ 9 часовъ прибылъ великій князь-фельдмаршалъ; онъ ѣхалъ впереди своей свиты, верхомъ, въ мундирѣ Нижегородскаго полка, и съ георгіевскою лентою черезъ плечо. Поздоровавшись со всѣми войсками, онъ остановился передъ фронтомъ драгунской бригады, и по его командѣ штандартные унтеръ-офицеры, спѣшившись, подошли къ аналою, сопровождаемые своими полковыми командирами. Великій князь также сошелъ съ коня. Кругомъ царила благоговѣйшая тишина, и взоры всѣхъ неподвижно обратились къ аналою, гдѣ главнокомандующій бралъ ленту за лентою, и самъ навязывалъ ихъ на древки склоненныхъ передъ нимъ штандартовъ. Когда послѣдній изъ нихъ украсился этимъ новымъ отличіемъ, войска взяли на караулъ, и передъ фронтомъ Нижегородскаго полка прочтена была слѣдующая высочайшая грамота.

Нашему 16-му Драгунскому Нижегородскому Его Величества Короля Виртембергскаго полку.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего, за оказанные подвиги мужества и храбрости 1-мъ и 2-мъ дивизіонами 16-го Драгунскаго Нижегородскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка, въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ, Всемилостивѣйше

жалуемъ широкія Георгіевскія ленты на штандарты, съ надписями: 1-му дивизіону «за сраженіе 2-го и 3-го октября 1877 года на Аладжинскихъ высотахъ», а 2-му дивизіону—«за дѣла при Бегли-Ахметѣ 18-го мая, и на Орлокскихъ высотахъ 2-го октября 1877 года», и Повелѣваемъ: ленты сіи употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію и усердіемъ Россійскому воинству свойственными. Данъ въ С.-Петербургѣ 26-го ноября 1878 года.

Александръ.

Такая же точно грамота прочтена была и передъ Сѣверскимъ полкомъ, съ тою разницей, что надпись на лентахъ была одинаковая для обоихъ дивизіоновъ: «За дѣло 3-го іюня подъ Карсомъ, и штурмъ этой крѣпости 6-го ноября 1877 года».

Послѣ чтенія грамоты, священникъ окропилъ штандарты и вновь привѣшанныя къ нимъ ленты св. водою, и обрядъ освященія окончился. Началось молебствіе, имѣвшее на этотъ разъ ту отличительную особенность, что вслѣдъ за многолѣтіемъ царскому дому, діаконъ провозгласилъ многолѣтіе Нижегородскому и Сѣверскому драгунскимъ полкамъ.

Когда штандарты стали на свои мѣста, великій князь снова сѣлъ на коня и обратился къ драгунскимъ полкамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Нижегородцы и Сѣверцы! Поздравляю васъ съ новою Монаршею милостью. Передавая вамъ ваши штандарты съ навѣшанными на нихъ георгіевскими лентами 1-й степени, я долженъ сказать вамъ, что ни одна часть въ Русской арміи, во всей Россійской Имперіи, не имѣетъ награды подобной вашей. Помните же, Нижегородцы и Сѣверцы, что ни одна часть не удостоилась знаковъ столь высокаго Монаршаго благоволенія, какъ вы. Я увѣренъ что тотъ духъ, которымъ гордитесь вы, оба полка, будетъ вѣчно съ вами и поведетъ васъ и въ будущемъ къ славѣ, которая и теперь такъ справедливо и заслуженно живетъ за вами и записана въ исторіи вашихъ полковъ. Вы—участники послѣдней кампаніи, должны вселить молодымъ тотъ духъ молодечества и любовь къ полку, которые привели васъ къ такимъ подвигамъ и къ громкой славѣ. Вы должны не только на службѣ, но даже и дома поддерживать вашъ духъ и сообщать его и старымъ и молодымъ. Еще разъ поздравляю васъ съ небывалою наградою».

Съ послѣднимъ словомъ этой рѣчи грянуло восторженное «ура», подхваченное тотчасъ пѣхотою и тысячною толпою народа. Въ этотъ день

11-е сентября 1880 года.

всѣ офицеры драгунской бригады приглашены были къ обѣденному столу его высочества, а на другой день великій князь удостоилъ принять приглашеніе отъ офицеровъ пожаловать къ нимъ на вечерній лагерный чай.

Было уже темно, когда великій князь прямо съ маневровъ, произведенныхъ пѣхотѣ, подъѣхалъ къ драгунскому лагерю, горѣвшему огнями. Офицеры встрѣтили своего августѣйшаго вождя, одѣтые запросто, въ сюртукахъ, подъ звуки Нижегородскаго марша. Путь къ большому шатру, въ которомъ сервировали чай, былъ освѣщенъ кострами, плошками и факелами. По обѣ стороны пути были разставлены нижніе чины, и ихъ живая шпалера освѣщалась бенгальскими огнями. Шатеръ былъ также украшенъ георгіевскими лентами и флагами. Во время чая игралъ оркестръ любителей-офицеровъ, гремѣли два хора полковыхъ трубачей, и пѣли пѣсенники. Пиръ продолжался до полуночи, и, надо сказать, что такъ пируютъ люди только на поляхъ побѣдъ, или при воспоминаніяхъ о славныхъ побѣдахъ. Въ полночь всѣ офицеры сѣли на коней, и съ зажженными факелами въ рукахъ проводили экипажъ великаго князя до самаго города. Черезъ сутки шумные и оживленные Ахалкалаки опустѣли, великій князь отправился въ Боржомъ, а вслѣдъ за нимъ разошлись и войска на свои обычныя зимовыя квартиры (8).

По возвращеніи въ Джалалъ-Оглы, Сѣверцы неожиданно были вызваны на персидскую границу для усмиренія бунтовавшихъ курдовъ, и Нижегородцамъ однимъ пришлось отпраздновать свой полковой праздникъ. Этотъ день ознаменовался новою милостивою телеграммою великаго князя, которая заставила драгунъ еще разъ мысленно перенестись къ недавнему торжеству 11-го сентября.

«Знаменитый, славный Нижегородскій драгунскій полкъ — телеграфировалъ великій князь: — поздравляю съ полковымъ праздникомъ. Молодецкій боевой духъ, какимъ искони отличались Нижегородцы, да сохранится навсегда въ полку, и да съумѣютъ грядущія поколѣнія онаго поддержать старыя, прекрасныя преданія. Пью за здоровье Нижегородскаго полка. Михаилъ» (9).

«Нижегородцы — отвѣчалъ на это полкъ: — съ восторгомъ вспоминаютъ задушевныя слова своего главнокомандующаго, которыхъ удостоились при навѣшиваніи на штандарты высшей военной награды. Дорогія пожеланія вашего императорскаго высочества не умрутъ съ нами, а передадутся потомству».

Этотъ полковой праздникъ, подъ сѣнію новыхъ георгіевскихъ лентъ, и этотъ задушевный привѣтъ августѣйшаго однополчанина—послужили достойнымъ эпилогомъ, завершившимъ собою подвиги полка въ послѣднюю турецкую кампанію.

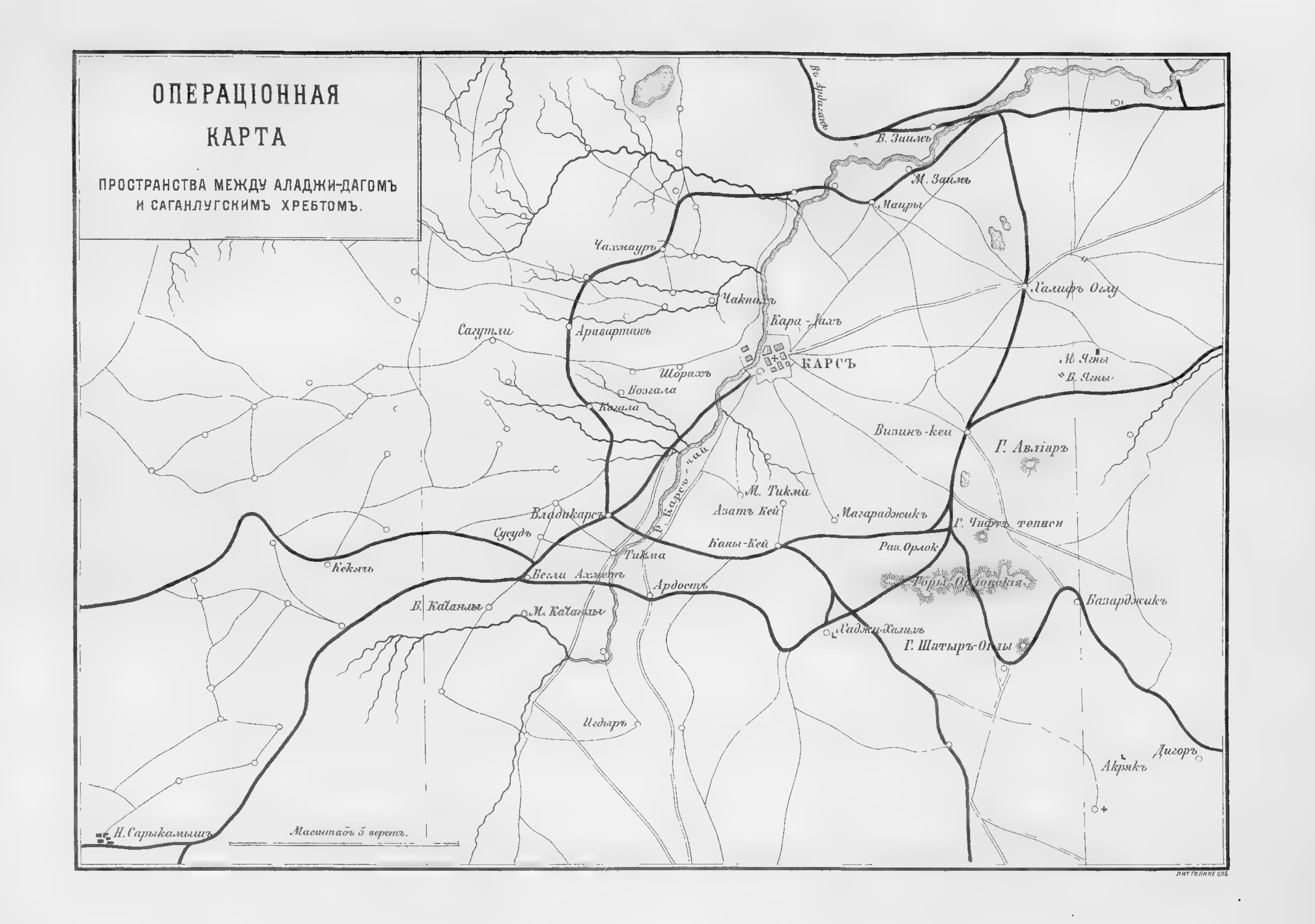

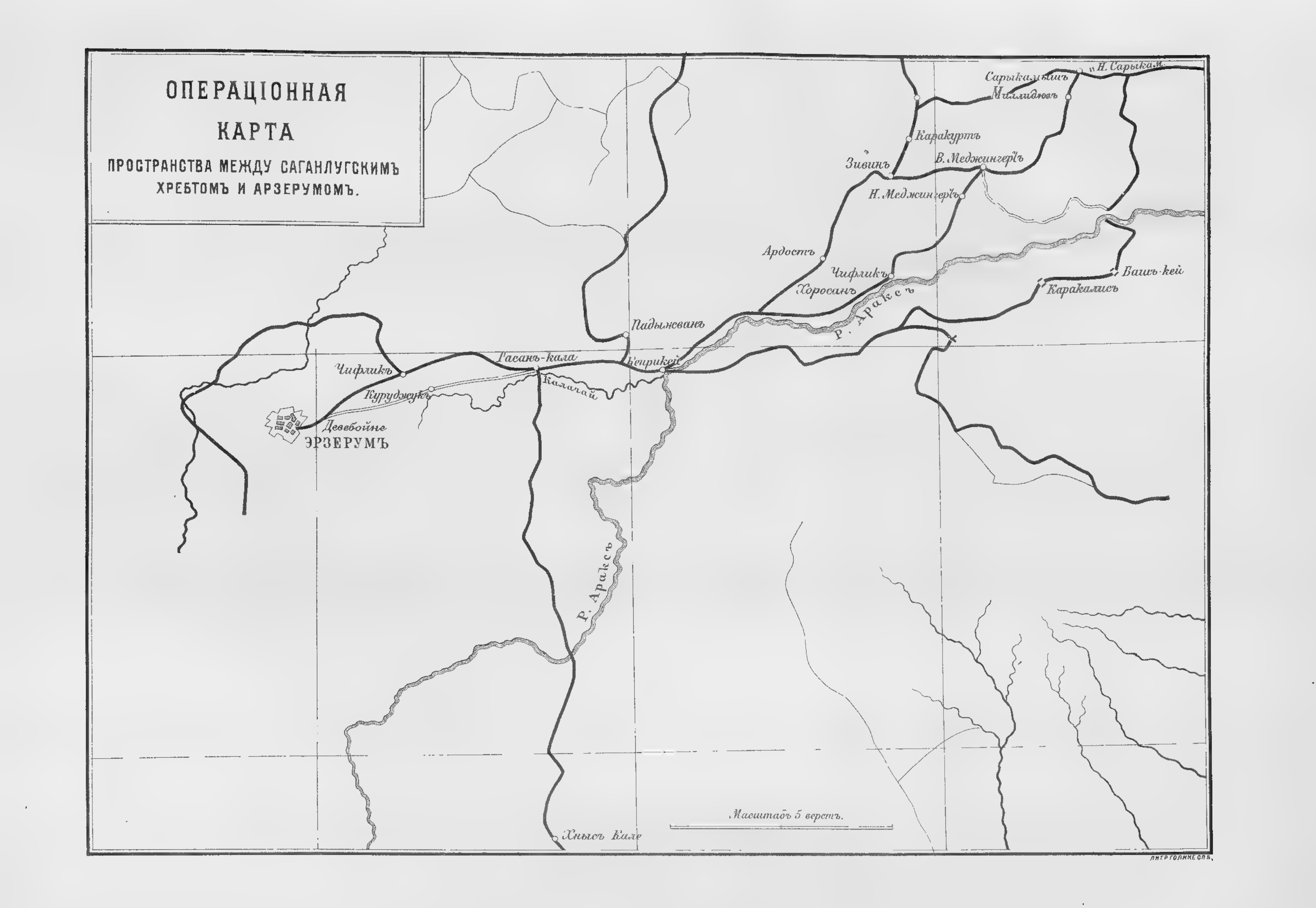
Вахмистръ 3 эскадр. [illegible]

Вахмистръ 1 эскадр. Кононовъ.

Вахмистръ 2 эскадрона Балакиревъ.

ОПЕРАЦІОННАЯ КАРТА ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ КАРСОМЪ И АЛЕКСАНДРОПОЛЕМЪ.

ОПЕРАЦІОННАЯ
КАРТА
ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ АЛАДЖИ-ДАГОМЪ
И САГАНЛУГСКИМЪ ХРЕБТОМЪ.
Въ Ардаганъ
В. Заимъ
М. Заимъ
Мацры
Халифъ Оглу
Чахмауръ
Чакнахъ
Кара-Дахъ
Сагутли
Ариварткинъ
КАРСЪ
Шорахъ
М. Ягны
Б. Ягны
Возгала
Когала
Визинъ-кеи
Г. Авліаръ
М. Тикма
Азатъ Кей
Магараджикъ
Владикарсъ
Р. Карсъ-чай
Г. Чифтъ тепеси
Сусудъ
Каны-Кей
Раз. Орлок
Кекячъ
Тикма
Вегли Ахметъ
Горы Орловскія
Ардостъ
Базарджикъ
Б. Каћанлы
М. Каћанлы
Хаджи-Халилъ
Г. Шатыръ-Оглы
Игдыръ
Дигоръ
Акрякъ
Н. Сарыкамышъ
Масштабъ 5 верстъ.
ЛИТ ГОЛИКЕ СПБ

ОПЕРАЦІОННАЯ
КАРТА
ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ САГАНЛУГСКИМЪ
ХРЕБТОМЪ И АРЗЕРУМОМЪ.
Сарыкамышъ
Н. Сарыкам.
Миллидюзъ
Каракуртъ
Зивинъ
В. Меджингеръ
Н. Меджингеръ
Ардостъ
Чифликъ
Хоросанъ
Башъ-кей
Каракалисъ
Р. Араксъ
Падыжеванъ
Гасанъ-кала
Кеприкей
Калачай
Чифликъ
Куруджукъ
Девебойне
ЭРЗЕРУМЪ
Р. Араксъ
Хнысъ Кале
Масштабъ 5 верстъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

	Томъ IX стр.

ГЛАВА I.

1) Тиф. Ар. Окр. Шт. Отзывъ В. Кн. Михаила Николаевича Военному М—ру 6 октября 1864 г. № 98	2
2) Высоч. Пр. 25 авг. 1864 г. № 263. Унтеръ-офицеры имѣли по одной петлицѣ съ каждой стороны воротника, нашиваемой подъ галуномъ, а рядовые—по двѣ. На обшлагахъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ присвоено было по одной петлицѣ. Право ношенія георгіевскихъ петлицъ не было распространено на солдатъ Инвалидной роты, а потому переводъ въ нее, сопряженный съ лишеніемъ наружнаго отличія, которымъ такъ гордились Нижегородцы передъ другими полками, считался тягчайшимъ наказаніемъ, и, по замѣчанію князя Амилахвари, страхъ этого перевода въ значительной степени воздерживалъ драгунъ отъ проступковъ	4
3) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	—
4) Приказы по полку за 1864 годъ	6
5) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	8
6) Тоже	9
7) Тоже	10
8) Тоже	11
9) Тоже газ. «Кавказъ» 1865 г.	—

ГЛАВА II.

1) 1-й эскадронъ расположился въ станицѣ Александріи, 2-й—въ Подгорной, 3-й—въ Незлобной, 4-й—въ Новопавловской	16
2) Тиф. Ар. Окр. Шт. Рапортъ князя Амилахвари	17
3) Тамъ же	—
4) Семейный Архивъ кн. А. (переписка съ графомъ Лотрекомъ)	—
5) Тиф. Ар. Окр. Шт. Ордеръ гр. Лотрика	18
6) Пр. по полку 18 іюня 1865 г. «Вчера на пожаръ, бывшій около полудня, всѣ, находившіяся въ Георгіевскѣ, команды прибыли быстро, дѣйствовали успѣшно и отстояли почти всѣ дома, находившіеся въ опасности. На другой пожаръ, случившійся ночью, команды прибыли еще быстрѣе и дѣйствовали еще успѣшнѣе. Назначаю отъ	

себя въ награду всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ на пожарѣ, по 35 к. на человѣка, а учебной командѣ, два раза прибывшей изъ лагеря въ двухъ верстахъ отъ города, особо 10 р. Наиболѣе отличившимся рядовымъ: Наумову, Васильеву, Безпалому, Лопатину и Токареву жалую по 50 к. Унтеръ-офицерамъ Усову и Крикунову, рядовымъ: Чеснокову, Добровольскому и Зайцеву по рублю, а раненому трубачу Козловскому три рубля. Благодарю всѣхъ гг. офицеровъ, содѣйствовавшихъ успѣшному прекращенію огня, а также всѣхъ юнкеровъ, добровольно прибывшихъ на пожаръ съ учебною командою» 19

7) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ . . . . . —

8) Тамъ же. Газ. «Кавказъ» за 1865 г. 20

9) Тамъ же . . . . . —

10) Изъ записной книжки стараго Нижегородца Г....а 21

11) Изъ семейныхъ бумагъ кн. А* . . . . . —

12) Тиф. Ар. Окр. Шт. Дѣла 1867 г. о волненіяхъ въ Кабардѣ и разсказы очевидцевъ 27

13) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ . . . . . —

14) Приказы по полку за 1867 годъ . . . . . —

15) Ар. Тиф. Окр. Шт. Ордера Графа Лотрика, Генераловъ Петрова и Іедлинскаго за 1865, 66 и 67 года 28

ГЛАВА III.

1) Изъ записокъ старыхъ Нижегородцевъ 31

2) Газета «Кавказъ» 1868 г. . . . . . —

3) Тамъ же 32

4) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ 33

5) Газета «Кавказъ» за 1868 г. . . . . . —

6) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ 34

7) Дегужи, судя по оружію, доставшемуся, по обычаю, Махатадзе, принадлежалъ къ людямъ не бѣднымъ. Его винтовка и пистолетъ были богато оправлены въ серебро. Но особенно хороша была шашка, съ мавританскимъ клинкомъ, съ одной стороны котораго высѣчена была золотомъ арабская надпись: «Безъ нужды не выну», а съ другой: «вложу со славой» 36

8) Полковой Архивъ. Дѣла 1861 года 37

9) Изъ семейнаго архива кн. А* 38

10) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ . . . . . —

11) Изъ семейнаго архива кн. А* 39

12) Тамъ же . . . . . —

13) Тамъ же 40

14) Изъ записокъ стараго Нижегородца 41

15) Тамъ же . . . . . —

ГЛАВА IV.

[7]) Эпизодъ изъ польской войны 1863 года. 50

Для Нижегородскаго полка не лишенъ интереса слѣдующій эпизодъ изъ жизни стараго его командира графа Ностица, получившаго въ его рядахъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Въ началѣ 1863 года, когда въ Литвѣ и Польшѣ началось вооруженное возстаніе, графъ Ностицъ, находясь тогда въ званіи флигель-адъютанта, по Высочайшему повелѣнію былъ посланъ въ распоряженіе Виленскаго военнаго генералъ-губернатора Назимова, который тотчасъ командировалъ его въ Брестъ-Литовскую крѣпость, и Ностицъ въ короткое время не только очистилъ отъ мятежныхъ шаекъ всю южную часть Гродненской губерніи, но и оградилъ Брестъ - Литовскъ отъ посягательства на него мятежниковъ. Какъ ни странно звучитъ «покушеніе мятежниковъ на первоклассную русскую крѣпость», однакоже оно едва не случилось, и можетъ быть, полагаю, случилось бы непремѣнно, если только графъ Ностицъ не положилъ бы предѣла не совсѣмъ обыкновенной дѣятельности такого талантливаго и энергичнаго довудца, каковъ былъ Рогинскій.

Вотъ что намъ извѣстно объ этихъ событіяхъ изъ нѣкоторыхъ офиціальныхъ документовъ и частныхъ разсказовъ очевидцевъ.

«Прибытіе къ намъ въ Брестъ молодаго и способнаго флигель-адъютанта съ властными полномочіями — говоритъ одинъ современникъ: — внесло замѣтное оживленіе въ нашу военную среду, такъ что даже трусливыя крѣпостныя дамы вздохнули свободнѣй и перестали опасаться повстанскаго набѣга» [1]). Прибывъ въ крѣпость, графъ Ностицъ, къ немалому своему удивленію, нашелъ ее не вооруженною; почтовая дорога, пролегавшая черезъ нее, не была даже отведена, и въ крѣпостныя ворота свободно проникали люди весьма сомнительные и подозрительные; доступъ въ цитадель былъ открытъ. Предательская рѣзня летучаго артиллерійскаго парка, случившаяся дня четыре до пріѣзда графа Ностица, въ м. Коди, (Сѣдлецкой губерніи) всего верстахъ въ 25 отъ крѣпости, произвела въ населеніи панику, а крѣпостныя ворота стояли между тѣмъ настежъ открытыя и запирались только ночью. Графъ Ностицъ былъ изумленъ такими порядками, и приказалъ тотчасъ начать вооруженіе крѣпости, ворота запирать при захожденіи солнца, а всѣ продѣланныя надъ брустверами лазейки, по которымъ жители всю ночь ходили въ форштадтъ и обратно, уничтожить немедленно.

Въ той мѣстности, гдѣ находилась наша Брестъ-литовская крѣпость, всѣми по-

[1]) Истор. Сб. 1895 г. № 3 и 4.

встанскими силами командовалъ Романъ Рогинскій, молодой человѣкъ, воспитанникъ польской военной школы, основанной Мирославскимъ въ Кунео близъ Генуи. Это былъ храбрый, способный, энергичный партизанъ, къ сожалѣнію, далеко превосходившій своею дѣятельностью тогдашнія наши литовскія власти. Подъ его начальствомъ находились банды Рыльскаго, Ландверовскаго и Шиманскаго, и всѣ онѣ численностью до $2^1/_2$ т. человѣкъ, собранныя вмѣстѣ послѣ удачнаго нападенія на Коди, стояли въ м. Бялѣ, верстахъ въ 45 отъ Бреста, но не въ Литвѣ, а въ предѣлахъ царства Польскаго. Графъ Ностицъ не имѣлъ уполномочія дѣйствовать въ Польшѣ; но онъ, какъ старый кавказецъ, не признавалъ подобнаго подраздѣленія районовъ въ военное время, и оно казалось ему непонятнымъ. Онъ привыкъ бить непріятеля тамъ, гдѣ его находилъ, не справляясь съ границами губерній, а потому и на этотъ разъ не сталъ испрашивать новыхъ инструкцій или разъясненій.

«Я завтра иду въ царство Польское», сказалъ онъ коменданту, генералу отъ артиллеріи Штадену, тотчасъ послѣ своего пріѣзда въ Брестъ-Литовскъ: Можете ли вы мнѣ дать нѣсколько батальоновъ пѣхоты?»—Я могу дать вамъ только шесть ротъ—отвѣчалъ комендантъ.—«Прекрасно. А есть ли у васъ артиллерія?»—Она придетъ изъ Картуза-Березы, но придетъ только черезъ недѣлю.—«Ну, а казаки?»—На коняхъ нѣтъ ни единаго, а по госпиталямъ найдется человѣкъ 20—30».—Ждать цѣлую недѣлю, когда непріятель былъ на носу, графъ Ностицъ считалъ просто ни съ чѣмъ не сообразнымъ; онъ самъ пошелъ въ арсеналъ, приказалъ выкатить два негодные единорога, давно забракованные за ветхостью, и распорядился запречь въ ихъ дребезжавшіе лафеты фурштатскихъ лошадей. Прислугу къ этимъ орудіямъ онъ назначилъ изъ юношей-учениковъ фейерверкерской школы. Потомъ онъ пошелъ въ лазаретъ, гдѣ лежали донскіе казаки, и спросилъ ихъ: «Кто изъ васъ, молодцы, можетъ итти завтра въ Польшу бить мятежниковъ?» «Всѣ пойдемъ!» восторженно кричали казаки. Графъ Ностицъ приказалъ доктору выбрать изъ нихъ человѣкъ 15, а крѣпостному начальству дать имъ жандармскихъ лошадей и вооружить ихъ пиками и саблями, взятыми изъ арсенала.

«На форму я смотрѣть не буду—сказалъ онъ полковнику Вамбергу, назначенному командовать пѣхотой: — требую только, чтобы одежда была теплая, обувь надежная, оружіе исправное, штыки отточены, патроновъ полный комплектъ, и сухарей на пять дней. Касокъ не брать, быть въ фуражкахъ, а у кого имѣются кепи, то надѣть ихъ».

На другой день передъ свѣтомъ отрядъ стоялъ уже выстроенный на площади. Первое, что поразило графа Ностица—это то, что вмѣсто тысячи штыковъ, на которые онъ разсчитывалъ, во фронтѣ не было и пятисотъ, такъ какъ роты Виленскаго округа находились въ мирномъ составѣ. Войско одѣто было весьма разнообразно: одни были въ шинеляхъ, другіе въ полушубкахъ; шинели у многихъ были ветхія, а полушубки рваные. Головнымъ уборомъ были фуражки или кепи, которые тогда только вводились, и солдаты, чтобы не снимать фуражекъ, шили ихъ на свой коштъ, заказывая по рисункамъ евреямъ, а тѣ давали такой широкій просторъ своей игривой фантазіи, что на головахъ солдатъ появилось нѣчто, скорѣе всего напоминавшее высокія самоварныя трубы. На правомъ флангѣ этого войска красовалось 15 казаковъ, взятыхъ изъ лазаретовъ, и сидѣвшихъ гордо на старыхъ разбитыхъ жандармскихъ лошадяхъ, а въ заключеніи три казака, за отсутствіемъ пропавшихъ шинелей, были—въ лазаретныхъ халатахъ. Артиллерія въ строю не находилась; она въ это время кружилась по плацу, такъ какъ откормленныя фурштатскія лошади, ошеломленныя стукомъ и бренчаніемъ всѣхъ суста-

вовъ давно разсохшихся лафетовъ, фыркали и метались во всѣ стороны, а начальникъ этой грозной артиллеріи прапорщикъ Крутиковъ съ юношами фейерверкерской школы, выбивались изъ силъ, чтобы водворить какой-нибудь порядокъ. Наконецъ все успокоилось и выстроилось. Оставалось ближе познакомиться съ нравственнымъ состояніемъ этого войска, чтобы знать, чего отъ него можно потребовать. Но солдаты, подъ гнетомъ недавнихъ событій, когда полякамъ на каждомъ шагу позволялось оскорблять ихъ безнаказанно, смотрѣли уныло. Это не смутило Ностица. Онъ имъ сказалъ короткую, чисто солдатскую рѣчь, и восторженное ура! давно уже не раздававшееся въ этомъ краѣ, огласило площадь. Солдаты поняли, что ихъ поведутъ, наконецъ, бить мятежниковъ. Они преобразились сразу, и графъ Ностицъ увидѣлъ передъ собою тѣхъ же молодцовъ, какихъ видалъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Послѣ напутственнаго молебствія, выступили изъ крѣпости съ пѣснями, и за Тираспольской заставой были уже въ предѣлахъ царства Польскаго. Солдаты шли бодро, и когда на половинѣ дороги встрѣтился разрушенный поляками мостъ, весело бросились въ рѣчку и, несмотря на морозъ, перешли ее въ бродъ. Къ вечеру послѣ 40 верстнаго перехода подошли къ Бялѣ, гдѣ находился Рогинскій съ двухъ съ половиной тысячною бандой. Мятежники около полуночи, пользуясь лунной ночью, смѣло атаковали отрядъ, и настойчиво, пренебрегая потерями, всю ночь ломились прямо на орудія. Только къ свѣту сраженіе окончилось полнымъ пораженіемъ мятежниковъ. Съ этихъ поръ въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ графъ Ностицъ не видѣлъ надъ собою кровли; измученныя войска смѣнялись новыми, а онъ все шелъ и шелъ по слѣдамъ мятежниковъ. Преслѣдованіе, начавшееся у Бялы и у Янова, окончились только у Мозыря. На разстояніи этихъ 600 верстъ кровавыя битвы происходили въ Немировѣ, у Королевскаго моста и, наконецъ, близъ Бѣловѣжской пущи, куда инсургенты пытались засѣсть, какъ въ 1831 году. При этой ожесточенной схваткѣ были отбиты 25 кровныхъ лошадей Яновскаго завода, на которыхъ красовались въ чамаркахъ и конфедераткахъ сталіеры, т. е. конюха завода, 13 призовыхъ вазъ, заграбленныхъ въ заводѣ, и взяты 10 жидовскихъ фуръ, набитыхъ блузами и шапками для коссіонеровъ. Затѣмъ были битвы у Рѣчицы, въ Боркахъ и наконецъ у Мозыря. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ маршей отъ Кобрина до Пинска былъ особенно замѣчателенъ. Нужно было торопиться, чтобы спасти городъ отъ грабежа Рогинскаго, который съ бандами, разбитыми у Бѣловѣжской пущи, бросился къ Пружанамъ, обезоружилъ тамъ инвалидную команду, и ограбивъ казначейство, направился къ богатому Пинску. По невылазной грязи и топкимъ гатямъ пѣхота въ 18 час. сдѣлала 90 верстъ и, перерадивъ инсургентамъ путь на Волынь, отбросила ихъ въ Пинскія болота: банды были разметаны, довудцы перебиты, и самъ Рогинскій очутился въ плѣну. Все до мая мѣсяца притихло въ этой части Виленскаго округа, а равно и въ сѣверной, гдѣ энергическій кавказецъ генералъ Манюкинъ разгромилъ повстанцевъ и нанесъ имъ окончательное пораженіе при замкѣ Семятичахъ.

Скажите — спросилъ Рогинскаго графъ Ностицъ:— почему вы такъ домогались въ ночномъ побоищѣ подъ Бялой захватить наши орудія? Они стѣснили бы всѣ ваши движенія, и я тогда не на шестисотой, а на шестидесятой верстѣ поймалъ бы васъ. «Мнѣ они были нужны, отвѣчалъ Рогинскій, чтобы взять Брестъ-Литовскъ». Графъ Ностицъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. «Не удивляйтесь,—спокойно возразилъ Рогинскій:— всѣ шансы были на моей сторонѣ. Вы знаете, что у меня подъ Бялой было двѣ тысячи коссіонеровъ и до 600 ружей. Я долженъ былъ васъ смять, и тогда съ захваченными

орудіями на другой день къ вечеру появился бы у Тираспольской заставы. Но тогда у меня было бы уже не двѣ съ половиной, а пять или шесть тысячъ повстанцевъ, потому что при успѣхѣ вся окрестность поднялась бы поголовно. Съ карауломъ заставы мы бы справились скоро, а затѣмъ намъ оставалось бы только перебѣжать черезъ подъемный мостъ и захватить цитадель, ворота которой, какъ вы знаете сами, всегда были открыты. Я зналъ, что крѣпость не вооружена, и что полевой артиллеріи тамъ не было, и потому-то, открывъ огонь изъ вашихъ орудій, я бы скоро разогналъ гарнизонъ, который по своей численности не могъ быть намъ опасенъ. Удайся это—и наше дѣло въ глазахъ Европы приняло бы совсѣмъ другое направленіе. Скитающіеся теперь патріоты по лѣсамъ, и тѣ изъ нашихъ, которыхъ мы поджидаемъ изъ-за границы, имѣли бы опорный пунктъ, гдѣ они могли бы сформироваться. Тогда выступили бы мы къ Варшавѣ съ настоящимъ войскомъ».

Графъ Ностицъ былъ пораженъ этимъ признаніемъ. Ему, какъ старому кавказцу, было хорошо извѣстно, что отвага, энергія и предпріимчивость творятъ на войнѣ чудеса, а этими качествами вполнѣ обладалъ Рогинскій.

Вернувшись въ Петербургъ, графъ Ностицъ былъ принятъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ II въ его кабинетѣ. Государь заставилъ его разсказать всѣ подробности экспедиціи, и Ностицъ не скрылъ объ опасномъ положеніи Брестъ-Литовска, о чемъ государь не зналъ. Черезъ нѣсколько дней, увидавъ снова графа Ностица, Государь сказалъ ему: «А я хочу сообщить тебѣ кое-что, относящееся до твоихъ дѣйствій подъ Брестомъ. Братъ, Константинъ, прислалъ мнѣ показанія Рогинскаго и, пишетъ, что у него дѣйствительно существовали замыслы на Брестъ, гдѣ почва была подготовлена къ явной измѣнѣ. Все, что ты говорилъ мнѣ, справедливо,—къ стыду нашему это могло случиться. Я очень доволенъ, что тебѣ удалось разрушить эти наглые замыслы и схватить Рогинскаго. Этотъ сорви-голова могъ причинить намъ не мало труда и хлопотъ.

За эту экспедицію графъ Ностицъ получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. съ мечами и чинъ генералъ-маіора съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. На немъ-то Государь и остановилъ свой выборъ для передачи Прусскому королю знаковъ ордена св. Георгія 1 класса, въ столѣтнюю годовщину этого славнаго ордена.

---

[8]) Императоръ Павелъ, какъ извѣстно, отмѣнилъ пожалованіе орденами св. Георгія и св. Владиміра, учрежденныхъ его великою матерью, а Императоръ Александръ возстановилъ ихъ въ первые же дни своего царствованія 50

[9]) Кавалеры Георгія 3-й ст. за *турецкую войну 28—29 г.г.* Генералъ-Адъютантъ Графъ Остенъ-Сакенъ и Генералъ отъ Инфантеріи Купріяновъ. *За польскую войну 1831 г.* Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Бергъ. Генералъ-Адъютанты Графъ Граббе, Графъ Сумароковъ и Сухозанетъ. *За венгерскую кампанію 49 г.* Генералъ отъ Инфантеріи Гасфортъ. *За крымскую войну 1853—56 г.* Генералъ-Адъютанты: Тотлебенъ и Коцебу; Генер. отъ Инф. Баронъ Врангель (Карлъ), Ушаковъ и Хрущовъ; генер. отъ Ар. Бриммеръ, генер. Лейтен. Кн. Багратіонъ-Мухранскій, Богговутъ, Хрулевъ, Баумгартенъ, Сабашинскій и Майдель; Адмиралы: Новосильскій и Панфиловъ, Вице-адмир.: Завайко и Зоринъ, Контръ-Адм: Кернъ и Перелешинъ. *За Кавказскую войну*: Генер. Ад. Баронъ Врангель (Александръ) Генер.-Лейт.: Кесселеръ и Тарханъ Моуравовъ и

Ген.-Маіоръ Гейманъ. *За войну въ средней Азіи*: Генер.-Адъют.: Крыжановскій и Кауфманъ и Генер.-Маіоры: Черняевъ и Романовскій	50
[10]) Записки гр. Ностица	51
[11]) Высоч. пр. 30 Ноября 1869 года	52
[12]) Семейный ар. кн. А*	—
[13]) Изъ бумагъ стараго Нижегородца	56
[14]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	59

ГЛАВА V.

[1]) Изъ разсказовъ и воспоминаній князя А*	63
[2]) Тоже	—
[3]) Тоже	66
[4]) Въ память 25-ти лѣтняго юбилея Виртембергскій король пожаловалъ слѣдующія награды: полковникамъ, князю Амилахвари, Наврузову и Батіевскому-командорскіе кресты Виртембергской короны съ мечами	—
Маіорамъ: Каррадини, Андрееву и князю Чавчавадзе — командорскіе-же кресты ордена Фридриха 2-го класса съ мечами. Капитанамъ: Климентову, Мамулову и Витте, поручикамъ Князю Амилахвари, Колосовскому и Панчулидзеву, и прапорщику Тетюцкому—ковалерскіе кресты ордена Виртембергской короны 1-го класса съ мечами. . .	
Золотыя медали съ надписью: «За заслуги» пожалованы были штабъ-трубачу Игнатьеву и старшимъ вахмистрамъ: Плетеницкому, Назаренко, Ахтырцеву и Черкасову, а серебряныя—унтеръ офицерамъ: Кубаренко, Алехину и рядовымъ: Кравецъ и Дудину	—
[5]) Тоже и записки старыхъ Нижегородцевъ	70
[6]) Изъ семейнаго архива кн. Амилахвари	71
[7]) Тоже	74

ГЛАВА VI.

[1]) Изъ записокъ стараго Нижегородца	79
[2]) Разсказы и воспоминаніе старыхъ Нижегородцевъ	81
[3]) Тоже	—
[4]) Тоже	—
[5]) Тоже и приказы по полку за 1875 годъ	82
[6]) Записки Кельнера (рукопись)	83
[7]) Тоже	—
[8]) Тоже	84
[9]) Описаніе боевой жизни Нижегородскаго полка въ войну 1877 и 1878 года Рикмана и Порембскаго	85
[10]) Тоже и воспоминаніе старыхъ Нижегородцевъ	86
[11]) Тоже и описаніе боевой жизни Нижегородскаго полка. Рикмана и Порембскаго	87
[12]) Исторія Сѣверскаго Драгунскаго, полка Карганова	88

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

[9]) Колюбакина. Воен. Сб. 1886 года № 11. «Ночной Бегли-ахметскій кавалерійскій бой» 108
[10]) Тоже. Два орудія, взятыя подъ Бегли-Ахметомъ пожалованы были великимъ княземъ—главнокомандующимъ, начальнику кавалеріи князю Захарію Гульбатовичу Чавчавадзе и нынѣ хранятся въ его имѣніи. (Замѣтка Б. М. Колюбакина) 109
[11]) Описаніе боевой жизни нижегородскаго полка. Рикмана и Порембскаго . . . 110

ГЛАВА IX.

[1]) Описаніе боевой жизни Нижегородскаго полка. Порембскаго и Рикмана . . . 112
[2]) Тоже и разсказы и воспоминанія Нижегородцевъ 114
[3]) Тоже и исторія войны 1877 г. Зыкова и тоже Кишмишева 115
[4]) Исторія Сѣверскаго полка Карганова 116
[5]) Тоже . . . . —
[6]) Тоже и описаніе боевой жизни Нижегородскаго полка . . . . —
[7]) Записки Кельнера (рукопись) 119
[8]) Описаніе боевой жизни Нижегородцевъ . . . . —

ГЛАВА X.

[1]) Война въ Малой Азіи Градовскаго. Описаніе боевой жизни Нижегородцевъ. Исторія войны 1877 г. Зыкова 123
[2]) Тоже 126
[3]) Тоже и записки Кельнера (рукопись) 128
[4]) Исторія войны 1877 года Кишмишева 129
[5]) Описаніе боевой жизни полка Рикмана и Порембскаго . . . . —
[6]) Тоже 130
[7]) Тоже . . . . —
[8]) Тоже и записки Кельнера (рукопись) 133
[9]) Тоже . . . . —
[10]) Тоже 134

ГЛАВА XI.

[1]) Описаніе боевой жизни полка. Рикмана и Порембскаго 137
[2]) В. Сбор. 1885 года № 3 ст. Кельнера «Воспоминанія о дѣйствіяхъ Нижегородскаго полка въ Кампанію 1877 года 138
[3]) Тоже . . . . —
[4]) Описаніе боевой жизни полка. Рикмана и Порембскаго . . . . —
[5]) В. Сбор. 1885 года № 3. Воспоминанія Кельнера 139
[6]) Записки Кельнера (рукопись) . . . . —

7) В. Сбор. 1885 годъ № 3. Воспоминанія Кельнера	139
8) В. Сбор. 1880 годъ № 7. «Годъ на конѣ» Шнеура	140
9) Воспоминанія Кельнера В. Сбор. 1885 годъ № 3.	—
10) Описаніе боевой жизни полка. Рикмана и Порембскаго	141
11) Замѣтка корреспондента	—
12) В. Сбор. 1885 годъ № 3. Воспоминанія Кельнера	142
13) Записки Кельнера (рукопись) разсказы очевидцевъ	—
14) В. Сбор. 1885 годъ № 3	143
15) Описаніе боевой жизни полка. Записки Кельнера (рукопись) и разсказы очевидцевъ.	144
16) В. Сбор. 1885 годъ № 3	—
17) Тоже	—
18) Тоже.	146
19) Тоже.	—
20) Тоже и описаніе боевой жизни Нижегородскаго полка	149
21) В. Сбор. 1885 года № 3 и разсказы Нижегородцевъ.	150

ГЛАВА XII.

1) Изъ рапорта Маіора Витте 2 октября 1877 года (безъ номера)	152
2) Воспоминаніе Сотеннаго Ком. Зап. Ржевусскаго. Сб. Мещерскаго т. V	—
3) Изъ рапорта Маіора Витте.	153
4) Сбор. Мещерскаго т. V	—
5) Тамъ-же.	155
6) Описаніе боевой жизни полка. Рапортъ Витте и статья Ржевусскаго сб. Мещерскаго т. V.	—
7) Воспоминаніе Сотеннаго Командира. Сб. Мещерскаго т. V.	157
8) Описаніе боевой жизни полка. Рикмана и Порембскаго.	—
9) Изъ рапорта маіора Витте.	158
10) Описаніе боевой жизни полка	—

ГЛАВА XIII.

1) Описаніе боевой жизни полка. Рикмана и Порембскаго	162
2) Тоже.	—
3) Тоже и записки Кельнера (рукопись)	163
4) Тоже.	164
5) Тоже	165
6) Описаніе боевой жизни полка	166
7) Тоже и записки Кельнера	167
8) Война 1877 и 1878 года. Зыкова	168
9) Описаніе боевой жизни полка.	—
10) Тоже.	169

ГЛАВА XIV.

Полковникъ.

Кельнеръ. Золотое оружіе, ордена: св. Владиміра 4-й и 3-й ст., св. Георгія 4-й ст. Виртембергскій кавалерскій крестъ ордена за военныя заслуги и серебряную медаль.

Маіоры:

Керимъ - бекъ Наврузовъ. Золотое оружіе, ордена: св. Станислава 2-й ст., св. Анны 2-й ст., св. Георгія 4-й ст., слѣдующій чинъ, виртембергскій крестъ ордена за военныя заслуги и серебряную медаль.

Маралинъ. Золотое оружіе, орденъ св. Анны 2-й ст., и слѣдующій чинъ.

Витте. Золотое оружіе, ордена: св. Владиміра 4-й ст., св. Георгія 4-й ст. и слѣдующій чинъ.

Капитаны:

Чернышевъ. Ордена: св. Станислава 2-й ст., и св. Анны 3-й ст.

Кусовъ. Золотое оружіе, ордена: св. Станислава 2-й ст., св. Анны 2 ст., св. Владиміра 4-й ст., св. Георгія 4-й ст., и слѣдующій чинъ.

Тетюцкій. Ордена: св. Станислава 3-й ст., и св. Владиміра 4 ст.

Литвиновъ. Ордена: св. Станислава 3-й и 2-й ст., св. Владиміра 4-й ст. и серебряную медаль.

Штабсъ-капитаны:

Демидовъ. Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст.

Поручики:

Дебогорій-Мокріевичъ. Ордена: св. Анны 4-й, 3-й и 2-й ст., св. Станислава 2-й ст. и серебряную медаль.

Карангозовъ. Ордена: св. Анны 3-й и 4-й ст., св. Станислава 2-й ст. и св. Георгія 4-й ст.

Винарскій. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст.

Фурдуевъ. Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст., слѣдующій чинъ и серебряную медаль.

Панчулидзевъ. Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 2-й ст. и св. Георгія 4-й ст.

Аваловъ кн. Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. и слѣдующій чинъ.

Персидскій принцъ Махмудъ-Мирза. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Станислава 3-й и 2-й ст. и серебряную медаль.

Персидскій принцъ Эмиръ-Казымъ-Мирза. Ордена: св. Анны 4-й, 3-й и 2-й ст., св. Станислава 3-й и 2-й ст.

Евстафьевъ. Ордена: св. Анны 3-й ст., св. Станислава 3-й ст. и слѣдующій чинъ.

Бѣлостоцкій. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Вертейль. Ордена: св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 4-й и 3-й ст.

Колышкинъ. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Колупайловъ. Орденъ св. Станислава 2-й ст.

Прапорщики:

Соколовскій 2-й. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст. и св. Станислава 3-й и 2-й ст.

Князь Церетели. Орденъ св. Анны 4-й ст.

Крыжановскій. Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Князь Андронниковъ. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Владиміра 4-й ст. и виртембергскій кавалерскій крестъ ордена за военныя заслуги.

Бернацкій. Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. и чинъ поручика.

Калантаровъ. Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст., слѣдующій чинъ и серебряную медаль.

Гурскій. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Станислава 3-й ст., слѣдующій чинъ и серебряную медаль.

Долинскій. Орденъ св. Анны 4-й ст.

Бей-Булатъ Тургіевъ. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Станислава 2-й ст., слѣдующій чинъ и серебряную медаль.

Слизенъ. Ордена: св. Анны 4-й и 3-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Эрастовъ. Ордена: св. Анны 4-й ст.

Протопововъ. Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

фонъ-Мензенкампфъ. Ордена: св. Станислава 3-й ст., св. Анны 3-й ст., серебряную медаль и слѣдующій чинъ.

Князь Тумановъ. Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Котелкинъ. Ордена: св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 4-й ст.

Артазовъ. Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Князь Эристовъ. Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Максимовъ. Орденъ св. Станислава 3-й ст.

Александровскій. Ордена: св. Анны 4-й ст., св. Станислава 3-й ст. и слѣдующій чинъ.

Нейдгардтъ. Ордена: св. Анны 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст.

Произведены въ прапорщики:

Князь Эристовъ.
Князь Николай Трубецкой.
Князь Василій Трубецкой.
Князь Церетели.
Васильевъ.
Князь Александръ Чавчавадзе.
Князь Владиміръ Долгорукій.
Соломонъ Андронниковъ.
Князь Александръ Джорджадзе.

Классные чиновники:

Полковой ветеринарный врачъ. Надворный совѣтникъ Маркевичъ. Ордена: св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 2-й ст.

И. д. старшаго полковаго врача Кучинскій. Орденъ св. Владиміра 4-й ст.

Классный медицинскій фельдшеръ Коллежскій регистраторъ Ивановъ. Орденъ св. Станислава 3-й ст.

Дѣлопроизводитель по хозяйственной части. Губернскій секретарь Низяховскій. Ордена: св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 3-й ст.

Протоіерей Іоаннъ Сеперовичъ. Ордена: св. Анны 2-й ст. и св. Владиміра 4-й ст.

Нижніе чины, получившіе знаки отличія военнаго ордена 4-й степени:

Вахмистры:

Иванъ Плетеницкій.
Василій Казначейскій.
Францъ Ленцкусъ.
Никита Губановъ.
Иванъ Клюшниковъ.
Иванъ Дроздовъ.

Взводные унтеръ-офицеры:

Юрій Поплавскій.
Михаилъ Никитинъ.
Василій Шевцовъ.
Антонъ Горькавый.
Петръ Кувшинниковъ.
Андрей Нижниковъ.
Семенъ Радченко.
Николай Шіяновъ.
Василій Мацигора.
Захаръ Рокитянскій.
Игнатъ Куриловъ.
Иванъ Куриловичъ.
Василій Денисенко.
Адамъ Жемайдукъ.
Василій Бабенко.
Алексѣй Мирошниченко.
Даніилъ Гредасовъ.
Степанъ Мартіяновъ.

Унтеръ-офицеры:

Павелъ Семеновъ.
Степанъ Черепянный.
Иванъ Сироватскій.
Василій Мурашкинъ.
Петръ Кононовъ.
Варфоломей Загорскій.
Викентій Шеркнисъ.
Пантелей Ткаченко.
Кузьма Шнякинъ.
Илья Полковниковъ.
Федоръ Яровой.
Степанъ Кучкинъ.

Андрей Некрыловъ.
Давидъ Михайловъ.
Алексѣй Бобуновъ.
Иванъ Планудисъ.
Емельянъ Горобцовъ.
Никита Ермола.
Федоръ Заморуевъ.
Дмитрій Воротниковъ.
Иванъ Форофоновъ.
Кузьма Шенцовъ.
Александръ Берновъ.
Адамъ Шмагоржевскій.
Адамъ Егуповъ.
Иванъ Дроздовъ.
Христофоровъ Руденко.
Богумилъ Гавласу.
Дмитрій Семенченко.
Яковъ Максимовъ.
Андрей Вороновскій.
Пантелей Ярцовъ.
Михаилъ Бондаренко.
Григорій Жихаревъ.
Николай Панченко.

Ефрейтора:

Павелъ Дорошенко.
Федоръ Сапрыкинъ.
Петръ Трояновъ.
Станиславъ Захаревичъ.

Рядовые:

Сергѣй Божковъ.
Маркъ Хишкинъ.
Мартынъ Пелецкій.
Михаилъ Кветкинъ.
Матеусъ Юнайтисъ.
Леонтій Земляниченко.
Григорій Соловьевъ.
Кузьма Шелковниковъ.
Степанъ Палей.
Филиппъ Мещеряковъ.
Спиридонъ Цапенко.
Михаилъ Анцуповъ.
Федоръ Желтухинъ.
Денисъ Каледа.
Григорій Луценко.
Степанъ Степаненко.
Федоръ Алехинъ.
Яковъ Горожа.
Филиппъ Бочковскій.
Акимъ Аксеновъ.
Александръ Берулисъ.
Іосифъ Кохановъ.
Давидъ Древель.
Иванъ Долгалевъ.
Василій Вечеринъ.
Василій Морозовъ.
Томасъ Деляксъ.
Петръ Сидоровъ.
Іосифъ Кривошлыковъ.
Иванъ Рашевскій.
Филиппъ Ряполовъ.
Дмитрій Степановъ.
Иванъ Замковой.
Асонтій Чертовъ.
Иванъ Третьяковъ.
Семенъ Кліокисъ.
Давидъ Шантатаевъ.
Іосифъ Леонтіевъ.
Альфанъ Радзевскій.
Владиміръ Балакиревъ.
Петръ Струновъ.
Трофимъ Пасиковъ.
Карпъ Простотовъ.
Николай Гопцей.
Томашъ Шупшинскій.
Іосифъ Федотовъ.
Николай Кашниковъ.
Петръ Полозюкъ.
Евгеній Орловъ.
Моисей Щербаковъ.
Анисимъ Босиковъ.
Василій Зайцевъ.
Алексѣй Жуковъ.
Иванъ Можайка.
Евсей Барковъ.

Штабъ-трубачъ.

Крышъ Березнякъ,

Трубачи:

Антонъ Афанасьевъ.
Семенъ Тютюнниковъ.

Полковые писаря:

Филиппъ Яковенко.
Карапетъ Теръ-Сааковъ.

Фельдфебеля:

Алексѣй Глазовъ.
Устинъ Черкашинъ.

Унтеръ - офицеры изъ вольноопредѣляющихся:

Кн. Сергѣй Церетели.
Кн. Ясонъ Эристовъ.
Кн. Александръ Чавчавадзе.
Кн. Соломонъ Андронниковъ.
Георгій Васильевъ.
Александръ Джорджадзе.
Кн. Николай Трубецкой.
Кн. Василій Трубецкой.
Кн. Владиміръ Долгорукій.

3-й степени.

Вахмистры:

Иванъ Плетеницкій.
Василій Казначейскій.
Францъ Ленцкусъ.
Иванъ Клюшниковъ.

Младшіе вахмистры:

Антонъ Горьковый.
Андрей Нижниковъ.

Унтеръ-офицеры:

Павелъ Семеновъ.
Варфоломей Загорскій.
Иванъ Форофоновъ.
Кузьма Шевцовъ.
Адамъ Шмагоржевскій.

Штабъ-трубачъ:

Крышъ Березнякъ.

2-й степени.

Вахмистры:

Иванъ Плетеницкій.
Иванъ Клюшниковъ.

Унтеръ-офицеры:

Василій Мурашкинъ.
Иванъ Форофоновъ.

1-й степени.

Вахмистръ:

Иванъ Клюшниковъ.

ГЛАВА XV.

1) Записки Кельнера (рукопись) 188
2) Тамъ же . . . . —
3) Тамъ же 189
4) Приказъ по кав. арміи 11 января 1879 года. . . . . —
5) Записки Нижегородцевъ 190
6) Записано со словъ старыхъ Нижегородцевъ . . . . —
7) Тиф. Ар. Окр. Штаба. Дѣло о представленіи къ наградамъ полковъ за турецкую войну 77 и 78 годовъ. . . . . —
8) Исторія Сѣверскаго полка, Корганова воспоминанія и разсказы старыхъ Нижегородцевъ 196
9) Приказы по полку за 1880 годъ . . . . —

